

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
Пятигорский государственный университет

На правах рукописи

Переяшкин Алексей Владиславович

**Художественное осмысление политических реалий в современной
русской прозе (на материале произведений С. Шаргунова, А. Проханова,
Л. Бородина)**

Специальность: 10.01.01 – «Русская литература»

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Шульженко Вячеслав Иванович

Пятигорск – 2021

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Истоки, сущность и типология русского традиционализма в художественной литературе	19
1.1. Эстетика и политика в структуре художественного текста: постановка проблемы и дискурсный подход.....	19
1.2. Консервативные тенденции в русской литературной классике.....	30
1.3. Ценностная парадигма современного философско-литературного традиционализма.....	40
Глава 2. Конституционный кризис 1993 года и его художественное воплощение в романе С. Шаргунова «1993. Семейный портрет на фоне горящего дома»	56
2.1 Роман С. Шаргунова «1993»: политический контекст и своеобразие его жанрово-художественных решений.....	56
2.2. Традиционалистские автостереотипы романа.....	71
2.3. Типология и поэтика политических стратегий в романе.....	79
Глава 3. Политический дискурс в романе А. Проханова «Красно-коричневый». Проблематика и эстетика	101
3.1. Сюжет, проблематика и жанровое своеобразие романа.....	101
3.2. Политические группы, лидеры, проекты и их роль в развитии драматических коллизий романа.....	105
3.3. Метафизический аспект и трансформации литературных, апокрифических и фольклорных традиций в романе.....	118
Глава 4. Роман Л. Бородина «Трики, или Хроника злобы дней»: мировозренческие доминанты и поэтика	137
4.1. Религиозно-этическая концептосфера романа.....	137
4.2. Либеральные и патриотические силы в политической жизни Москвы....	160
4.3 «Чёрный октябрь» 1993 года и его идейно-художественный образ.....	194
Заключение	200
Список литературы	208

Введение

Активизация политической жизни на рубеже XX – XXI вв. закономерно вызвала интерес к политической тематике со стороны гуманитарных наук, среди которых важное место занимает филология, исследующая природу вербального аспекта данного явления. Новизна и недостаточная изученность этой проблемы открыли широкие возможности перед учёными, представляющими различные школы литературоведения, лингвистики, семиотики и др. Появляются новые понятия, методы и подходы. Немаловажное значение приобрела политическая тематика в художественном тексте, ставшая особенно актуальной в постсоветский период с его идейно-политическим плюрализмом и коллизиями неолиберальных и консервативных тенденций. Это обусловило возросшую значимость политических жанров в медийном пространстве и беллетристике. На книжном рынке особое внимание привлекают произведения, в художественный мир которых органично вписываются реалии политической жизни: дебаты, публичные выступления, митинговая риторика, предвыборные технологии, публицистические материалы, статистическая информация и прочее. Поэтому вполне закономерно то, что особым вниманием литературоведов стали пользоваться поэтика и проблематика политической прозы в различных идеологических контекстах.

Л.И. Бородин, А.А. Проханов, С.А. Шаргунов являются популярными российскими писателями, представляющими старшее и молодое поколение литераторов, придерживающихся традиционалистских принципов. В своём творчестве они обращаются к актуальным вопросам политики, экзистенциальным темам человеческого бытия, ценностной парадигме современного российского социума. Несмотря на общность взглядов по многим положениям жизнеустройства нашей страны, каждый из авторов по-своему подходит к их философскому осмыслению и художественному воплощению, что обуславливает неугасающий интерес к их книгам как со стороны научной филологической среды, так и широкой читательской аудитории.

Политическая проблематика была присуща русской литературе на протяжении всей её истории, однако только в XIX веке стала жанрово-образующим фактором в русле общественно-политической дискуссии вокруг крестьянской реформы и полемики между славянофилами и западниками. В середине века этот конфликт вышел на уровень вершинных произведений русской литературы. Революционно-демократические и антинигилистические романы, преследовавшие скорее публицистические, чем художественные цели, во многом определяли характер социальных коллизий и имели огромный общественно-политический резонанс. Литература ставит перед собой политические задачи: с одной стороны, создать образ человека новой формации, (Н. Чернышевский, А. Герцен, С. Степняк-Кравчинский), с другой – показать опасность этого атеистического типа, сложившегося под влиянием западного либерализма (Ф. Достоевский, Н. Лесков, А. Писемский). Мировоззренческое противостояние этих двух течений со временем стало литературоведческой традицией рассматривать творчество любого автора с позиции его прогрессивных либо реакционных взглядов. В советский период этот принцип действовал не только в научно-исследовательской филологии, но и чётко определял границы дозволенного в педагогической сфере. При этом эстетический аспект текста воспринимался как нечто вторичное. Всё это создавало однобокую картину национального литературного процесса и во многом сдерживало его развитие, вынуждая одних писателей строго подчиняться идеологическим канонам, других в поисках свободы творчества либо покидать страну, либо печататься за рубежом или в самиздате, что было чревато уже потерей свободы физической.

В постсоветский период ситуация коренным образом изменилась. Провозглашённый «перестройкой» плюрализм открыл широкие возможности перед литературоведением, прежде всего, в плане методологии. Изменилось также отношение ко многим именам, явлениям и ценностям, которые марксистско-ленинская эстетика считала реакционными. Но новая, сложившаяся в культурно-мировоззренческом пространстве атмосфера толерантности не снизила накала полемики между различными идейными платформами,

представленными в современной России главным образом консервативным и либеральным дискурсами.

Поле самой оживлённой дискуссии являются политические жанры как в публицистической, так и художественной литературе. Повышенное внимание к теории политической прозы появилось в 1980-е годы, когда увидели свет работы Л.А. Трубиной¹, С.В. Булатовой², Д. Затонского³, А.В. Панкова⁴, О.Н. Михайлова⁵ и др. Определённый вклад в исследование теории жанра внесло исследование Б.М. Проскурина⁶, предлагающее универсальную образно-смысловую структуру политической прозы. Не угасает полемика о морфологии политического романа и его жанровой чистоте⁷, о взаимодействии романной формы с политическим дискурсом⁸, о смысловой структуре социально-политической прозы⁹, о «дискурсивно-когнитивных» характеристиках политической тематики в художественных текстах д¹⁰. Следует отметить, что несмотря на различие подходов, авторы соглашаются в одном: политический роман имеет сложную поэтику, где элементы политического дискурса в художественном контексте, проявляя себя на различных уровнях произведения, способны образовывать оригинальные смысловые конфигурации и жанровые модели. Важнейшей составляющей художественного мира политического произведения является его

¹ Трубина Л.А. Творчество Саввы Дангулова: становление политического романа: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.02. Москва, 1983. 220 с.

² Булатова С.Н. Модификации жанра политического романа в современной советской литературе: ("Победа", "Неоконченный портрет" А. Чаковского, "Дерево в центре Кабула", "В островах охотник", "Африканист" А. Проханова, "Южнее реки Бенхай" М. Домогацких). М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. 1986. 46 с.

³ Затонский Д. Художественные ориентиры XX века. М.: Советский писатель, 1988. 416 с.

⁴ Панков А. В. Закономерности развития русской советской прозы 60-70-х годов. Идеино-художественные тенденции, гуманистические искания, социально-нравственная проблематика: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.01.02 / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1990. 32 с.

⁵ Михайлов О.Н. Страницы русского реализма: заметки о русской литературе XX века. М.: Современник, 1982. 288 с.

⁶ Проскурин Б.М. Английский политический роман XIX века: Очерки генезиса и эволюции. Пермь, 2000. 462 с.

⁷ Разин В. Политический роман? или политический детектив? // URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A0/razin-vladimir/v-labirintah-detektiva/1> (Дата обращения: 15.07.19).

⁸ Шарифов М.Ш. Этапы развития политического романа. // [Электронный ресурс]. URL: <http://ulakbilge.com/makale/pdf/1414431811.pdf> (дата обращения 16.01.2019).

⁹ Алексеев К.В. Русский социально-политический роман: признаки, типология. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-sotsialno-politicheskiy-roman-priznaki-tipologiya> (Дата обращения 16.01.2019).

¹⁰ Зайчикова Н.В. Гибридность жанра политического романа // Современные проблемы взаимодействия языков и культур / Материалы Международного форума 14-15 декабря 2012 г. Часть I. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2012. С. 89.

идеологическая основа как система идей, интересов и идеалов, исповедуемых писателем.

Исследуемых в диссертации писателей объединяет приверженность к традиционным ценностям как в духовной, так и социальной сферах. В этом смысле важную роль играет характер традиционалистского начала в мировоззренческой системе индивидуума, где краеугольной основой является религиозное чувство. В этом убеждают фундаментальные исследования А.С. Панарина¹, А.В. Щипкова² и философов их школы. Что касается связи консерватизма с традиционализмом, то мы исходим из того, что в ценностных системах этих понятий много пересечений, поскольку их этика связана с исторической памятью, заполненной устойчивыми традициями, навыками и обычаями, поэтому неудивительно, что на практике они, в зависимости от ситуации, вполне взаимозаменяемы³. В русле восприятия традиции в новых культурно-исторических формах формируется идеология творчества Л. Бородина, А. Проханова, С. Шаргунова. При этом принципы и содержание традиции, которых придерживаются эти писатели, во многом созвучны «Основам социальной концепции Русской Православной церкви» (2000) – официальному документу, отстаивающему духовный и государственный суверенитет России в современном мире⁴.

Исторически сложившаяся гуманитарная методология с опорой на традиционные духовные ценности и преемственность нашла своё отражение и в литературоведческой сфере в трудах таких учёных, как Д.Д. Благой⁵, Д.С. Лихачёв⁶, В.В. Кожинов⁷, П.В. Палиевский⁸, О.Н. Михайлов¹ и др..

¹ Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. 1248 с.

² Щипков А.В. Либерализм и социал-консерватизм в современном идеологическом дискурсе: диссертация ... доктора Политических наук. М., 2016. С. 26.

³ Политология: Энциклопедический словарь / общ. ред. и сост.: Ю.И. Аверьянов. М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. 431 с.

⁴ Основы Социальной Концепции Русской Православной Церкви, 2000 // [Электронный ресурс]. URL: http://www.prihod.rugraz.net/assets/pdf/Osnovi_socialnoj_koncepcii_Russkoj_Pravoslavnoj_Cerkvi.pdf (Дата обращения 15.05.2020).

⁵ Благой Д. Д. От Кантемира до наших дней в 2т. М. Худ. лит. 1979г. Т.1. 550 с.; Т.2. 511 с.

⁶ Лихачёв Д.С. Возникновение русской литературы». М.-Л., Изд-во АН. 1952. 240 с.

⁷ Кожинов В.В. Размышления о русской литературе. М.: Современник, 1991. 526 с.

⁸ Палиевский П.В. Русские классики. Опыт общей характеристики. М. Художественная литература. 1987г. 239 с

В 1990-е годы обозначилась тенденция анализа художественной литературы с опорой на православные ценности, то есть включения в понятийный аппарат литературоведения таких богословских категорий, как «соборность», «рождественский и пасхальный архетипы», «закон и благодать»², «страдание»³. Философско-методологической основой этого направления стала концепция укоренённости русской классики в тысячелетней православной традиции. Судя по количеству конференций и публикаций на эту тему, можно уверенно говорить о превращении тенденции в значимую литературоведческую школу⁴. Религиозное осмысление русской литературы стало главным направлением научной и педагогической деятельности М.М. Дунаева⁵, в трудах которого подчёркивается преемственность между русской и советской классикой в плане высших духовных ценностей.

Монография Ю.И. Сохрякова «Русская цивилизация: философия и литература»⁶ посвящена «русской идее» в контексте творчества славянофилов, Ф. Достоевского, К. Леонтьева, В. Розанова, И. Ильина, И. Солоневича и др. При этом русская идея определяется как «сложнейший комплекс духовно-нравственных и религиозно-философских ценностей, выработанных народной жизнью с помощью Православия»⁷. Особый интерес в книге Ю.И. Сохрякова вызывает анализ «бесовщины» на материале современной российской прозы⁸.

Рассматриваемые в диссертации романы С. Шаргунова, А. Проханова, Л. Бородина содержат широкий спектр политических реалий, характерных для современной России. Роман Л. Бородина «Трики, или Хроника злобы дней»

¹ Михайлов О.Н. Страницы русского реализма: заметки о русской литературе XX века. М.: Современник, 1982. 288 с.

² Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. 288 с.; Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М. Круг 2004 г. 640 с.; Ужанков А.Н. Слово о законе и благодати" и другие творения Митрополита Иллариона Киевского // монография. Москва: Академика, 2014. 350 с.

³ Безруков А. А. Феномен возвращения к православному и категория страдания в русской классической литературе XIX века : дис. ... доктора филологических наук : 10.01.01. Краснодар, 2007. 360 с.

⁴ В спектре адекватности. К 60-летию И. А. Есаулова: сборник статей. Сост. Ю. Н. Сытина. СПб. РХГА 2020г. 516 с.

⁵ Дунаев М. М. Православие и русская литература: [в 6-ти ч.] / Моск. духов. акад. Изд. 2-е, испр., доп. М.: Христиан. лит., 2001-2004. Ч. 1-2. 2001. 735 с.; Ч. 3. 2002. 762 с.; Ч. 4. 2003. 778 с.; Ч. 5. 2003. 780 с.; Ч. 6. кн. 1. 2004. 509 с.; Ч. 6. кн. 2. 2004. 525 с.

⁶ Сохряков Ю.И. Русская цивилизация: Философия и литература. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 10.

⁷ Сохряков Ю.И. Русская цивилизация: Философия и литература. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 9.

⁸ Там же, с.308.

охватывает более длительный период нашей истории, начинающийся в 1960-е годы. Объединяет же все три произведения главное политическое событие постсоветского периода – «конституционный кризис 1993», в корне изменивший жизнь страны.

Характерно то, что, вызвав бурную реакцию в публицистике, тема «чёрного октября» почти десятилетие не привлекала научного интереса историков и политологов. В 2000-е годы появляются кандидатские диссертации Н.З. Абушахмановой¹, Е.А. Тарасовой², Ф.В. Малхозовой³, И.В. Меркулова⁴, К.Н. Штина⁵. Хотя все эти работы написаны по специальности «история», их авторы делают акцент на юридические аспекты проблемы. В исследовании И.М. Поняева отмечается рост в последнее время политологического интереса к событиям 1993 года⁶, а также рост негативного отношения к социально-экономическим последствиям решений, принятых победившей стороной⁷.

Тема политического кризиса 1993 года нашла своё отражение и в художественной литературе, где самыми крупными произведениями стали романы С. Шаргунова «1993. Семейный портрет на фоне горящего дома», А. Проханова «Красно-коричневый» и Л. Бородина «Трики, или хроника злобы дней». Каждая из этих книг является знаковой в творчестве этих писателей, потому что, во-первых, это – развитие традиции художественного воплощения судьбоносных исторических событий в национальной литературе, во-вторых, такие произведения всегда открывают новые грани дарования автора в плане его гражданской позиции, философского понимания жизни и художественного мастерства.

¹ Абушахманова Н.З. Реформирование высших органов власти советской представительной системы, 1985-1993 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. Москва, 2001. 205 с.

² Тарасова Е. А. Российские конституционные кризисы 1992 - 1993 гг.: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 : Санкт-Петербург, 2004. 232 с.

³ Малхозова, Ф.В. Конституционно-политический кризис в России 1992-1993 гг.: дис... кандидата исторических наук: 07.00.02. Москва, 2005. 203 с.

⁴ Меркулов И.В. Разработка, обсуждение и принятие конституции Российской Федерации: 1990-1993 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. Саратов, 2006. 202 с.

⁵ Штин К.Н. Конституционно-политический кризис в России: 1990-1993 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Москва, 2006. 188 с.

⁶ Поняев И. Динамика представлений о политическом кризисе 1993 г. в России // Вестник РУДН. 2017. № 4. С. 414.

⁷ Там же. С.414.

Творчеству С. Шаргунова посвящены главы в двух, близких по задачам и содержанию, кандидатских диссертациях¹, в которых ранняя проза писателя («Ура!», «Птичий грипп», «Книга без фотографий», «Малыш наказан», «Как меня зовут» и др.) рассматривается в контексте «нового реализма» – литературно-мировоззренческого течения, сущность которого излагается писателем в эссе «Отрицание траура»². Авторы диссертаций стараются перевести яркий метафорический текст этого «манифеста» на язык литературоведческой логики и использовать его главные тезисы в качестве ключей в анализе художественных произведений С. Шаргунова. Е. М. Ротай подчёркивает *традиционалистский*, нравственно-этический аспект «нового реализма», цель которого «обращение к базовым принципам классического реализма в современных контекстах, стремление возродить значение современного художественного текста и литературного процесса через методологию «золотого века» русской словесности»³. А. А. Серова обращает внимание на *эстетическую* программу «нового реализма», выделяя в ней такие положения, как «утверждение «духа серьезного» в литературе, отказ от пародий, глумления, сарказма и иронии; идеологическая эклектичность и отсутствие политической тенденциозности; вместо фантастики и абсурда – «достоверный вымысел», ритмичность; ясность; лаконичность»⁴. Роман «1993. Семейный портрет на фоне горящего дома» в диссертациях не рассматривался, зато после выхода в свет в 2013 г. вызвал многочисленные отклики авторитетной критики по поводу его проблематики, жанровой природы и поэтики. Это статьи В. Басинского⁵ В. Бондаренко,⁶

¹ Ротай Е. М. "Новый реализм" в современной русской прозе: художественное мировоззрение Р. Сенчина, З. Прилепина, С. Шаргунова: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01. 23 с.; Серова А.А. Новый реализм как художественное течение в русской литературе XXI века: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01. Нижний новгород 2015. 21с.

² Шаргунов С.А. Отрицание траура // Новый мир. 2001. №12. С. 179-185.

³ Ротай Е. М. "Новый реализм" в современной русской прозе: художественное мировоззрение Р. Сенчина, З. Прилепина, С. Шаргунова: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01. С.10.

⁴ Серова А.А. Новый реализм как художественное течение в русской литературе XXI века: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01. Нижний новгород 2015. С. 13-14.

⁵Басинский П.В. Вышел новый роман Сергея Шаргунова.// [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2013/10/25/shargunov.html> (Дата обращения 22.05.2019).

⁶ Бондаренко В. Опять на распутье? // [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2013/10/22/1661> (Дата обращения: 26. 05. 19).

А. Десницкого¹ Д. Ефремова,² Л. Подольского³. З. Прилепина⁴. А. Рудалёва,⁵ С. Секретова,⁶ В. Шохиной⁷. Обращает на себя внимание тот факт, что почти во всех этих работах (кроме Л. Подольского) политическая составляющая романа рассматривается как вторичное, фоновое обстоятельство.

Несмотря на активную гражданскую позицию А.А. Проханова и продуктивность творчества, научно-филологический интерес к его прозе несоразмерен её популярности. На сегодняшний день системных аналитических работ, посвящённых его произведениям, единицы. Среди них выделяется ряд исследований ещё советского периода: монография С.В. Булатовой «Модификация жанра политического романа в современной советской литературе»⁸, докторская диссертация А. А. Панкова «Закономерности развития русской советской прозы 60-70-х годов»⁹, кандидатская диссертация А.А. Михайлова «Молодой современник в русской советской прозе 70-х годов. Духовные и нравственные искания»¹⁰. Последнее десятилетие отмечено кандидатскими диссертациями М.П. Евдокимовой «Художественная концепция личности в творчестве А. Проханова»¹¹ и М.А. Ерофеевой «Проза А.А. Проханова

¹Десницкий А. Семейный портрет на фоне горящего дома // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/semejnyj-portret-na-fone-goryashhego-doma/> (Дата обращения: 15.05.2020).

²Ефремова Д. Еще раз про любовь // [Электронный ресурс]. URL: <https://portal-kultura.ru/articles/books/8491-eshche-gaz-pro-lyubov/> (Дата обращения: 26.05.19).

³Подольский Л. Семейный портрет на фоне истории // [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/lit/2013-11-21/5_dom.html (Дата обращения: 25.05.19).

⁴Прилепин З. Пришел, увидел, рассказал // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2013/10/23/56895-poshel-uvidel-rasskazal> (Дата обращения: 26.06.19).

⁵Рудалёв А. Пароль: «Девяносто третий» // [Электронный ресурс]. URL: <http://lgz.ru/article/-33-34-6427-27-08-2013/parol-devyanosto-tretiy/> (Дата обращения: 26.05.19).

⁶Секретов С. Праздник непослушания. // Знамя, №5, 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2014/5/23s.html> (Дата обращения: 26.06.2019).

⁷Шохина В. Коза Ася и Черный Октябрь // Русский журнал. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaia-povestka/Koza-Asya-i-SChernyj-Oktjabr> (дата обращения: 25.05.2019).

⁸Булатова С.Н. Модификации жанра политического романа в современной советской литературе: ("Победа", "Неоконченный портрет" А. Чаковского, "Дерево в центре Кабула", "В островах охотник", "Африканист" А. Проханова, "Южнее реки Бенхай" М. Домогацких). – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. 1986. 46 с.

⁹Панков, Александр Викторович. Закономерности развития русской советской прозы 60-70-х годов. Идеино-художественные тенденции, гуманистические искания, социально-нравственная проблематика: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.01.02 / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1990. 32 с.

¹⁰Михайлов А.А. Молодой современник в русской советской прозе 70-х годов: духовные и нравственные искания: диссертация... кандидата филологических наук. М., 1983. 190 с.

¹¹Евдокимова М.П. Художественная концепция личности в творчестве А. Проханова: дис. кандидат филологических наук: 10.01.01 Русская литература. Армавир, 2009. 231 с.

(проблематика и поэтика)»¹. Список можно дополнить внушительным количеством статей, из которых наиболее интересными, на наш взгляд, являются работы В. Бондаренко², Е. Андреевой³, Л. Данилкина⁴, С. Белякова⁵ и др. Как правило, критиков и исследователей в творчестве А. Проханова привлекают художественная концепция личности и метафорика его стиля. Политическая позиция писателя чётко сформулирована в его философско-публицистических работах⁶ о самобытности русской цивилизации, проблемах её кризиса и мистериального возрождения.

Леонид Иванович Бородин, писатель со сложной жизненной и творческой судьбой, стал одним из популярнейших авторов в «перестроечное» и постсоветское время. Первым диссертационным опытом исследования творчества Л. Бородина стала работа Н.А. Казанцевой⁷, в которой автор на материале произведений 1969-1990 гг. рассматривает поэтику писателя в плане взаимодействия романтических и реалистических элементов. Т.В. Рябова⁸ ставит своей задачей дать представление «общей картины творческого пути» писателя. Большое внимание уделяется биографии Л. Бородина, обозначаются центральные темы и проблемы прозы писателя. Н.Л. Федченко⁹ рассматривает повести Л. Бородина 1990-х годов в контексте жанрово-стилевых моделей современной литературы. Т.И. Васильева¹⁰ сосредотачивает свое внимание на главных аспектах поэтики и проблематики прозы Л. Бородина: конфликт личности и государства,

¹ Ерофеева М.А. Проза А.А. Проханова: проблематика и поэтика: дис. кандидата филологических наук: 10.01.01. Тверь. 2010. 151 с.

² Бондаренко В. «Красно-коричневый» (Владимир Бондаренко – о новом романе Александра Проханова) // Газета Завтра 304 (39 1999). URL: <https://public.wikireading.ru/152958> (Дата обращения 15 08 19).

³ Андреева Е.А. Проблема имперского сознания в очерках А. Проханова // Вестн. Ом.ун-та. 2015. № 2. С. 204-206.

⁴ Данилкин Л. Пинг-понг не по правилам. URL: <http://www.rg.ru/2007/09/26/danilkin.html> (дата обращения: 22.02.2015).

⁵ Беляков С. Проханов. Апология злодея. URL: http://www.chaskor.ru/article/prohanov_apologiya_zlodeya_8243 (дата обращения: 15.08.2019).

⁶ Проханов А. Замковый камень. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1297166/> (дата обращения: 22.02.2015); Проханов А. Симфония «Пятой империи». URL: <http://forum-msk.org/material/society/11610.html> (дата обращения: 24.02.2015).

⁷ Казанцевой Н.А. «Проза Леонида Бородина»: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01. Тверь, 1994. 19 с.

⁸ Рябова Т. В. Проза Леонида Бородина 1970-х - начала 90-х годов: дисс. ... канд. филологических наук: 10.01.02. СПб., 1996. 149 с.

⁹ Федченко Н.Л. Тенденции жанрово-стилевого развития повести 90-х годов: В. Крупин, Л. Бородин, В. Нарбикова: автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.01.01. Армавир, 2000. 19 с.

¹⁰ Васильева Т. И. Творчество Л.И. Бородина: особенности проблематики и поэтики: дисс... кандидат филологических наук: 10.01.01. Магнитогорск, 2007. 189 с.

концепция преступления и наказания, проблема судьбы, образы смутного времени, вопросы авторского нарратива. Монография И. Штокмана «Бородин: слово и судьба»¹ интересна уникальным подходом: соотнесение анализа творчества писателя с фактами его биографии. Духовно-нравственным основам творчества Л. Бородина посвящена кандидатская диссертация Л.А. Нестеровой². Эта работа связана с политическими аспектами деятельности и творчества писателя, считающего духовный фактор основой как личной жизни человека, так и важнейшим условием государственного бытия. В этом смысле его проза выделяется на фоне авторов, подвергавшимся репрессиям, – Б. Ширяева, А. Солженицына, В. Шаламова, О. Волкова – своим религиозно-философским взглядом на события и стремлением не обличать и судить, а разобраться в хитросплетениях отечественной истории.

Актуальность диссертации определяется объективной необходимостью литературоведческого исследования феномена политической тематики в художественных текстах как одного из наиболее распространенных и значимых социально-культурных явлений современного российского социума. Системный анализ политического дискурса с учетом его институциональных характеристик позволяет не только установить способы бытия его ценностно-отмеченных смыслов, но и увидеть специфику профессионально-обусловленной поэтики художественных текстов, расширить представление об их жанровых модификациях и обосновать исключительную роль взаимодействия аксиологических, исторических и религиозно-философских факторов в современной политической прозе.

Объектом исследования являются романы С.А. Шаргунова «1993. Семейный портрет на фоне горящего дома», А.А. Проханова «Красно-коричневый», Л.И. Бородина «Трики, или Хроника злобы дней», а также публицистические работы и интервью этих писателей.

¹ Штокман И. Леонид Бородин – слово и судьба. М.: Моск. гор.орг. Союза писателей России, 2000. 124 с.

²Нестерова Л.А. Нравственно-философские искания автора и героев в прозе Леонида Бородина: дис. кандидата филологических наук: 10.01.01. Саратов, 2007. 268 с.

Предмет исследования – особенности художественного воплощения политических реалий в прозе С. Шаргунова, А. Проханова, Л. Бородина в контексте ценностной традиционалистской парадигмы как мировоззренческой основы творчества этих писателей.

Целью является определение авторского восприятия политической проблематики и ее жанрово-художественного воплощения в современной российской прозе. Цель обусловила постановку следующих **задач**:

1. Выявить жанровое своеобразие романа С. Шаргунова «1993. Семейный портрет на фоне горящего дома», исходя из специфики художественного отображения политических реалий постсоветского периода.

2. Проанализировать своеобразие художественной системы романа А. Проханова «Красно-коричневый», рассмотреть поэтику идеологического и религиозно-философского аспектов произведения.

3. Исследовать метафизический элемент романа «Красно-коричневый», определить его мифопоэтическую структуру и её идейно-эстетические функции.

4. Определить художественное своеобразие политического элемента в романе Л.И. Бородина «Трики, или Хроника злобы дней», исследовать его жанрообразующую функцию в мировоззренческом контексте.

5. Проанализировать концептосферу романа Л. Бородина, выявить её религиозно-этический смысл и средства его художественного воплощения.

Источниковедческая база включает в себя труды по традиционалистской аксиологии Л.Г. Ивашова, И.Д. Осипова, А.С. Панарина, О.Б. Подвинцева, Н.В. Полякова, А.В. Щипкова и др.

Среди публикаций, посвящённых творчеству С. Шаргунова, А. Проханова и Л. Бородина важными для нашего исследования стали работы: Л. Аннинского, П. Басинского, С. Белякова, В. Бондаренко, С. Булатова, Л. Данилкина, А. Десницкого, В. Дружининой, М. Дунаева, И. Казанцева, Л. В. Кублановского,

С. Куняева, А. Нестеровой, Ю. Павлова, А. Панкова, Л. Подольского, А. Рудалёва, В. Шохиной, А. Солженицына, Н. Федченко, И. Штокмана¹ и др.

Новизна исследования определяется тем, что впервые в диссертационной работе институциональный политический дискурс рассматривается как обладающий эстетическим потенциалом и объективирующий не только ценностную парадигму, но и обуславливающий жанровую природу художественного произведения. Впервые конструируется традиционалистская аксиосфера политического дискурса в художественном тексте, определяется его структура и поэтика, представленные архетипическими моделями и религиозно-этическими императивами. Политические реалии в романах С. Шаргунова, А. Проханова, Л. Бородина анализируются в контексте взаимосвязи эстетических, исторических и философских факторов.

Методологической основой исследования являются труды выдающихся отечественных и зарубежных учёных как в области фундаментальной философско-эстетической мысли, так и отдельных литературоведческих проблем. Используя в нашем анализе термин «дискурс», мы понимаем его в широком смысле, как «текст, взятый в событийном аспекте; как речь целенаправленного

¹ См.: Аннинский Л. Правды и правдежки // Литературная газета. 1990. 7 ноября. №45; Басинский П. Как сердцу высказать себя? // Новый мир. 2000. № 4. С.5; Беляков С. Современная русская проза о Великой Отечественной войне // Урал. 2005. № 5. С. 294-300; Бондаренко В. «Красно-коричневый» (Владимир Бондаренко – о новом романе Александра Проханова) // Газета Завтра. 1993. № 6. С. 13; Бондаренко В. Неожиданная проза Леонида Бородина: К 60-летию со дня рождения // Наш современник. 1998. № 4. С. 247-249; Булатова С.Н. Модификации жанра политического романа в современной советской литературе: ("Победа", "Неоконченный портрет" А. Чаковского, "Дерево в центре Кабула", "В островах охотник", "Африканист" А. Проханова, "Южнее реки Бенхай" М. Домогацких). М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1986. 46 с.; Десницкий А. Семейный портрет на фоне горящего дома. URL: <https://www.pravmir.ru/semeynyj-portret-na-fone-goryashhego-doma/>; Дружинина В.И. "Смятенный" человек в прозе Л. Бородина: к проблеме национального характера: дисс. ... кандидата филологических наук. Воронеж, 2009. 154 с.; Дунаев М. Православие и русская литература: В 6 ч. М.: Христианская литература, 2000. Ч.6. С. 396-410; Казанцева И. Проза Л. Бородина: дисс.... кандид. филолог, наук. Тверь, 1994. 216 с.; Кублановский Ю. «Без выбора»: неволя, нищета счастье... // Новый мир. 2004. С. 167-172; Куняев С. «Дон-Кихоты» и «третья правда» // Литература в школе. 1991. №2. С. 26-32. Нестерова Л.А. Нравственно-философские искания автора и героев в прозе Леонида Бородина: дис. ... кандидата филологических наук. Саратов, 2007. 268 с; Павлов Ю. Леонид Бородин: «наказанный» любовью к Родине // Человек и время в поэзии, прозе, публицистике XX-XXI веков. М.: Литературная Россия, 2011. С. 157-171; Панков А. В. Закономерности развития русской советской прозы 60-70-х годов. Идеино-художественные тенденции, гуманистические искания, социально-нравственная проблематика: автореферат дисс.... доктора филологических наук. М., 1990. 32 с.; Подольский Л. Семейный портрет на фоне истории. URL: http://www.ng.ru/lit/2013-11-21/5_dom.html; Рудалёв А. Пароль: «Девяносто третий». URL: <http://lgz.ru/article/-33-34-6427-27-08-2013/parol-devyanosto-tretiy/>; Федченко Н. Тенденции жанрово-стилевого развития повести 90-х годов (В. Крупин, Л. Бородин, В. Нарбикова): дисс. кандид. филолог, наук, 2000. 218 с.; Шохина В. Коца Ася и Черный Октябрь // Русский журнал. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Koza-Asya-i-CHernyj-Oktjabr>; Штокман И. Леонид Бородин – слово и судьба. М.: Моск. гор. орг. Союза писателей России, 2000. 124 с..

социального действия»¹. Подобное понимание предполагает совокупность органично связанных с политикой исторических, идеологических и социокультурных факторов, включающих литературу по философии, религиоведению, политологии, психологии, что обусловило применение соответствующей терминологии. Таким образом, общетеоретической базой исследования стали работы: М. Бахтина, А. Безрукова, Н. Бердяева, М. Дунаева, И. Есаулова, И. Ильина, В. Кожина, К. Леонтьева, А. Лосева, Е. Мелетинского, Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева), В. Проппа, В. Соловьёва, Ю. Сохрякова, А. Щипкова² и др. В работе над диссертацией мы также испытывали влияние идей зарубежных авторов: Ж. Бодрийяра, П. Бьюкенена, М. Вебера, Р. Веймана, С. Хантингтона³. Осознавая отличие «художественного варианта» политического дискурса от его документального (институционального) аналога, мы строго следуем специфике литературоведческого анализа, акцентируя внимание на поэтике воссоздания политических ситуаций, образов, мотивов в прозе С. Шаргунова, А. Проханова и Л. Бородина. Методологическим принципом исследования являются системность, последовательность и объективность анализа. Рассматривая национально-

¹ Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов.энцикл., 1990. С.137.

² См.: Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Наука, 1963. 250 с.; Безруков А. А. Феномен возвращения к православному и категория страдания в русской классической литературе XIX века: дис. ... доктора филологических наук: 10.01.01/Место защиты: Кубан. гос. ун-т. Краснодар, 2007. 360 с.; Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.; Дунаев М. М. Православие и русская литература: [в 6-ти ч.] / Моск. духов. акад. Изд. 2-е, испр., доп. М.: Христиан. лит., 2001-2004. Ч. 1-2. 2001. 735 с.; Ч. 3. 2002. 762 с.; Ч. 4. 2003. 778 с.; Ч. 5. 2003. 780 с.; Ч. 6. кн. 1. 2004. 509 с.; Ч. 6. кн. 2. 2004. 525 с.; Есаулов И.А. Русская классика: новое понимание /3-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2017. 550 с.; Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 431 с.; Кожин В.В. Россия как цивилизация и культура. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 1072 с.; Кожин В.В. Размышления о русской литературе. М.: Современник, 1991. 431 с.; Кожин В.В. Судьба России: вчера, сегодня, завтра. М.: Мол. Гвардия, 1990. 252 с.; Леонтьев К. «О всемирной любви» / Речь Ф.М. Достоевского на Пушкинском празднике. // Ф.М. Достоевский и Православие. М.: «Отчий дом», 1997. С. 261-297; Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 1232 с.; Лосев А.Ф. Философия, мифология, культура. М.: Политиздат, 1991. 525 с.; Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 406 с.; Митрополит Иоанн (Снычев И.) Самодержавие духа. СПб.: «Царское дело», 1995. 346 с.; Митрополит Иоанн (Снычев И.) Русь соборная. М.: Царское дело, 1995. 248 с.; Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2007. 128 с.; Соловьёв В.С. Смысл любви: избранные произведения. М.: Современник, 1991. 525 с.; Сохряков Ю.И. Русская цивилизация: Философия и литература. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 720 с.; Щипков А.В. Либерализм и социал-консерватизм в современном идеологическом дискурсе: диссертация ... доктора политических наук. М., 2016. 418 с..

³ См.: Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: Рипол-Классик, 2018. 320 с.; Бьюкенен П. Смерть Запада / пер. с англ. А. Башкирова. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 444 с.; Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Ивано-Франковск: Ист-Вью. 2002. 352 с.; Вейман Р. История литературы и мифология / пер. с нем. О.Н. Михеевой. М.: Прогресс, 1971. 302 с.; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. М.: АСТ: АСТ Москва, 2006. 571 с.

духовные традиции и культурно-исторический контекст художественных произведений, мы используем подходы как междисциплинарных исследований, так и традиционные методы историко-функционального и историко-типологического исследования (А.Н. Веселовский, В.М. Жирмунский и др.). Помимо этого, в зависимости от конкретных задач, нами задействуются приёмы и инструментарий мифопоэтического, биографического, структурного и мотивного анализов.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Политический дискурс в романе С. Шаргунова «1993» имеет хроникально-исторический характер, реализующийся в рамках нормативно-ценностной методологии. Особое внимание автор уделяет стратегиям и тактикам политической борьбы, отсюда доминирование в поэтике текста публицистической документальности. Книгу С. Шаргунова, в которой превалирует предметный мир, можно определить, как «роман-свидетельство», где используется художественно-реалистический подход, основанный на сущностном, непредвзятом описании политических феноменов без навязчивых комментариев. Если в политическом плане авторский голос относительно нейтрален, то идеологический подтекст романа предполагает систему традиционалистских ценностей, а также ностальгию по русской соборности как духовно-организационному единству нации, жизненно необходимому ей во времена серьёзных испытаний.

2. По своему жанровому статусу книга А. Проханова «Красно-коричневый» представляет собой политический, державный, монолитно-монологический «роман-памфлет» антилиберального характера. Проблематика произведения усложняется нюансами религиозно-философского аспекта, представляющего собой антиномию понятий «воинствующее Православие - добротолубие».

3. Новаторской особенностью политического дискурса в романе А. Проханова «Красно-коричневый» являются элементы полисемантической поэтики, включающей наряду с метафизической образностью трансформации средневековых литературных, апокрифических и фольклорных традиций, а именно: образно-структурное начало «мифа о Граале», объединяющее мотивы

сакрального поиска с идеей сублимации рыцарства как искупительной жертвы; сюжетообразующий стержень жанра «хождений» в прямом и метафорическом смыслах; интригу, развивающуюся по функциональной схеме «волшебной сказки», что придаёт содержанию народно-творческие черты, дополнительный эмоциональный заряд, динамику и увлекательность.

4. Роман Л.И. Бородина «Трики, или Хроника злобы дней» определяется как философско-политическое произведение. Сюжетная развязка романа, несмотря на то, что касается кульминации конституционного кризиса 1993 года, не несёт в себе политологического смысла *борьбы за власть* между её исполнительной и законодательной ветвями. Политический дискурс в романе Л. Бородина является не самоцелью произведения, а средством постижения провиденциальных смыслов русской истории, функциональной частью религиозно-философской парадигмы национального бытия. Жанровую специфику произведения можно определить как «роман-размышление» об эпохе сложнейших исторических, духовных и политических коллизий.

5. Основная концептосфера романа Л. Бородина отражена в его названии – «Трики, или Хроника злобы дней» – и предполагает метафорический образ «смуты», реализующийся посредством взаимодействия нескольких художественно-семантических блоков: мотива троичности, литературных реминисценций, библейских аллюзий, связанных с идеями добротолубия и противления злу, намёков на исторические и культурные параллели, а также достоверности, предполагающей реалистический хронотоп художественного мира романа.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что проведенный анализ расширяет теоретический аппарат литературоведения, вносит вклад в дискурсивно-аксиологическую парадигму литературоведения и составляет теоретическую базу для изучения и моделирования концептосферы политической тематики в современной художественной прозе. Теоретическую значимость представляют полученные выводы о жанровой специфике и типологии политического романа, позволяющие рассматривать социально-политическую

реалию как литературный феномен. Существенно также определение функций и роли религиозно-этического фактора в развитии драматических коллизий сюжета и создании художественных образов, рассмотрение «соборности», «нестяжательства», «добротолюбия» и «державности» как мировоззренческих доминант, современной традиционалистской литературы, описание художественного «двоемирия» как проекции метафорического взаимодействия социологии и метафизики, а также обоснование политического дискурса как средства постижения провиденциальных смыслов русской истории

Практическая значимость. Материалы исследования могут быть использованы в лекционных курсах по русской литературе, в спецкурсах и семинарах по истории литературы России.

Апробация результатов исследования. Опубликовано 13 статей, из них 4 в научных изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ. Основные положения диссертации и ее результаты были представлены в докладах на различных научно-практических конференциях: Международная научная студенческая конференция «Русский язык, литература, культура: от прошлого к настоящему», посвященная 100-летию со дня рождения А. И. Солженицына (Эскишехир, Турция, 2018); Международная научная конференция «Художественное осмысление действительности в зарубежной литературе» (Москва, 2019); Научно-методические чтения ПГУ (Пятигорск, 2018, 2019, 2020); Международная научная конференция «Культурный код в интермедиаальном пространстве» (Алматы, Казахстан, 2019); Международная научно-практическая конференция «Творчество В.И. Лихоносова и актуальные проблемы развития языка, литературы, журналистики, истории» (Краснодар, 2019, 2020).

Структура диссертации обусловлена методологией исследования и логической последовательностью решаемых задач. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографического списка.

Глава 1. Истоки, сущность и типология русского традиционализма в художественной литературе

1.1. Эстетика и политика в структуре художественного текста: постановка проблемы и дискурсный подход

Политический дискурс представляет собой особое социальное явление в жизни общества. Несмотря на его популярность в научной литературе, этот феномен не имеет однозначного определения, поскольку связан с анализом многообразных форм, задач и содержаний речи в политических ситуациях. Мы рассматриваем и используем термин «дискурс» в широком смысле как вербальный феномен «целенаправленного социального действия», то есть как «речь, погружённую в жизнь»¹.

Характерной приметой современного состояния дискуртологии является повышенный интерес учёных к природе художественного (авторского) текста в плане коммуникативных отношений, а именно: стремления воздействовать на интеллектуальную, волевою и эмоциональную сферу адресата посредством сложной образной системы произведения. Следовательно, цель художественного текста – воздействие на «духовное пространство» читателя, то есть сложившуюся в менталитете реципиента определённую аксиологическую матрицу, состоящую из моральных принципов, вероисповедания, взглядов, желаний, вкусов, стремлений² и т.д.. Все вышеуказанные факторы, в той или иной степени, определяют жизненную либо гражданскую позицию человека, поэтому художественный текст по сути своей идеологичен, что предполагает в ряде случаев его активное взаимодействие с дискурсом политическим. Художественный аспект политического дискурса вызывает у филологов определённый интерес (Е.Ю. Глотова³, В.И. Шульженко⁴). Следует отметить, что

¹ Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Яреца. М.: Сов.энцикл., 1990. С.137.

² Галева Н.Д. Параметры художественного текста и перевод: Монография. Тверь: ТвГУ, 1999. 155 с.

³ Глотова Е.Ю. Художественный политический дискурс и критерии его определения // Изв. Рос.гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. Вып. 73-1. С. 154-158.

⁴ Шульженко В.И. Дискурсионная классификация «кавказского текста» // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 4. С. 181-184; Шульженко В.И. Поэтика теракта в «кавказском тексте»

взаимодействие поэтики художественного текста с его политической составляющей имеет сложный характер. Не все учёные согласны с тем, что «эстетика и политика» взаимно-комплементарны в структуре авторского текста (В.В Юркевич¹). Действительно, как в отечественной, так и зарубежной литературах есть немало тому примеров, когда политическая декларативность либо догматический патриотизм деформируют художественный мир произведения, превращая его в банальный пропагандистский фарс. С другой стороны, виртуозная эстетика произведения может работать на усиление политического пафоса, отвечающего общечеловеческим ценностям, как это мы видим в поэзии В. Маяковского и У. Уитмена, прозе М. Горького и Л. Арагона, драматургии Б. Шоу и В. Вишневского. В целом же взаимодействие двух дискурсов в рамках одного текста открывает широкое поле возможностей для исследователей и данная проблема, судя по небольшому количеству работ в этой области, далека ещё до терминологического консенсуса и своего окончательного концептуального решения.

К наиболее восприимчивым к политическому дискурсу жанрам можно отнести: политический роман (Ч.П. Сноу, Дж. Олдридж, Г. Видал, А. Проханов, Ю. Козлов); политический детектив (Д. Пристли, Г. Грин, Ф. Дюрренматт, Ю. Семёнов); политическую поэзию (У. Уитман, В. Маяковский, И. Северянин, И. Бродский); мемуары (У. Черчилль, Дж. Картер, Е. Примаков), дневники (Ф. Достоевский, И. Бунин, М. Пришвин) и т.д. Закономерный интерес в настоящее время вызывает литература, посвящённая экстремистским методам политической борьбы. Главная цель художественно-политического дискурса направлена на формирование политического сознания как своеобразного генератора определённых мотиваций. История знает немало красноречивых примеров от афоризмов и басен, до пьес и романов, влиявших на политическую обстановку не менее эффективно, чем лозунги, декларации и декреты. Нельзя не

русской литературы // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2012. №4. С. 271-276; Шульженко В.И. Буденновск-95: опыт деконструкции коллективного бессознательного. / Язык и текст в пространстве культуры. Ставрополь, 2003. С. 357-361.

¹ Юркевич В. В. Политический и художественный виды дискурса: сходства и различия // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2014. № 6. С. 106-110.

согласиться с китайским учёным Лю Хуном полагающим, что оба типа дискурса – политический и художественный – «обладают потенциалом к слиянию, к формированию дискурса комплексного типа со сложной системой внутренних взаимоотношений между художественным и политическим началами»¹. При этом он считает весьма плодотворным исследование данного «комплексного типа» в терминологии исторической поэтики.

В нашем исследовании под политическим дискурсом комплексного типа мы понимаем художественный текст с учетом экстралингвистических факторов, связанных с его созданием, передачей, воспроизведением и восприятием. Такими факторами главным образом являются: а) политическая ситуация и политические события, б) идеологические императивы; в) позиция автора и его оценка происходящего; г) реакция читателей.

В названии темы нашей работы в качестве её объекта мы используем понятие «политические реалии», а не «политическая проза», предполагающая строгие жанровые рамки произведения. При этом мы рассматриваем термин «реалия» в его хрестоматийном смысле как «объективный факт, социальный процесс, явление, существующие в реальной жизни»², а также «как исторический фон литературного или иного описания»³. Это даёт возможность анализировать политические аспекты в более широком литературном контексте, поскольку зачастую они присутствуют и играют определённую роль в произведениях далеко не политических по жанру («Анна Каренина» Толстого, «Тихий Дон» Шолохова, «Мастер и Маргарита» Булгакова, «Красное и Чёрное» Стендаля, «Три товарища» Ремарка, «Сто лет одиночества» Маркеса и проч.) Помимо этого, определение политического жанра с учётом всех его особенностей представляет собой сложную проблему. Первым системным исследованием в этом направлении была кандидатская диссертация Л.А. Трубиной⁴, в которой автор на материале

¹ Лю Хун. Особенности реализации политического дискурса в художественном тексте: к постановке проблемы // Политическая лингвистика 3(63). Екатеринбург: УГПУ. С. 31-42.

² Большой энциклопедический словарь. URL: <https://gufo.me/dict/bes?letter=%D1%80>

³ Большой словарь иностранных слов/ URL: https://gufo.me/dict/foreign_words

⁴ Трубина Л.А. Творчество Саввы Дангулова: становление политического романа : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.02. Москва, 1983. 220 с.

прозы Саввы Дангулова («Дипломаты», «Кузнецкий мост» и др) рассматривает процесс становления политического романа на пересечении мировоззренческих, этических и культурных кодов. В дальнейшем подобный подход обусловил методологию докторской диссертации Л.А. Трубиной (1999)¹, в которой понятие «историческое сознание» как воплощение ценностной системы рассматривается в качестве краеугольного камня литературно-творческого процесса, отражающего драматизм коллизий национального бытия в переломные исторические периоды.

Особенностям политической прозы посвящена также монография С.В. Булатовой² «Модификация жанра политического романа в современной советской литературе» (1986). Политический фактор затрагивается в докторской диссертации А.В. Панкова³ «Закономерности развития русской советской прозы 60-70-х годов. Идеино-художественные тенденции, гуманистические искания, социально-нравственная проблематика» (1990) и в кандидатской диссертации А.А. Михайлова⁴ «Молодой современник в русской советской прозе 70-х годов. Духовные и нравственные искания» (1983). Большой вклад в исследование теории политической прозы внесла докторская диссертация Б.М. Проскурина⁵ «Английский политический роман XIX века (проблемы генезиса и эволюции» (1997), где анализируются такие аспекты политического романа, как: а) специфика эволюции образа человека-политика как основного ядра всего развития жанра; б) повествовательная многослойность романа, включающая символичность, «метафизичность» образов и сюжетных линий, а также мотивы, компенсирующие отсутствие интенсивного психологизма; в) генетика жанра как синтез политологического, документально-публицистического, историко-политического, социально-аналитического и психолого-характерологического

¹Трубина Л.А. Историческое сознание в русской литературе первой трети XX века: Типология, поэтика: диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.01. Москва, 1999. 328 с.

²Булатова С.Н. Модификации жанра политического романа в современной советской литературе: ("Победа", "Неоконченный портрет" А. Чаковского, "Дерево в центре Кабула", "В островах охотник", "Африканист" А. Проханова, "Южнее реки Бенхай" М. Домогацких). М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. 1986. 46 с.

³Панков Александр Викторович. Закономерности развития русской советской прозы 60-70-х годов. Идеино-художественные тенденции, гуманистические искания, социально-нравственная проблематика: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.01.02. М., 1990. 32 с.

⁴ Михайлов А.А. Молодой современник в русской советской прозе 70-х годов: духовные и нравственные искания : диссертация... кандидата филологических наук. М., 1983. 190 с.

⁵ Проскурина Б.М. Английский политический роман XIX века: Очерки генезиса и эволюции. Пермь, 2000. 462 с.

способов романного перевоссоздания политики. Не утрачивает популярности монография Д. Затонского¹ «Художественные ориентиры XX века», в которой одна глава посвящена современному политическому роману, где главным жанрообразующим фактором становится геополитика.

Нельзя не согласиться с критиком В. Разиным, считающим, что «политического романа» в смысле, как его понимают за рубежом, в нашей стране не было. Все, что касалось алгоритма принятия важных политических решений, деятельности высших эшелонов власти было тщательно засекречено», поэтому политический роман зачастую отождествляли с политическим детективом, хотя между ними есть существенная разница. Тематический охват детектива всегда однонаправлен в том смысле, что его сюжет должен касаться преступлений и расследований, политика же играет роль фона². Однако утверждение, что невозможность существования советской политической беллетристики в ином жанре кроме детективного была обусловлена закрытостью темы о «принятии важных решений», нам кажется спорным. Во-первых, потому что тема «подковёрной политики» и на демократическом Западе никогда не была особенно открытой. Во-вторых, политический детектив является самостоятельным популярнейшим жанром, в чём убеждают миллионные тиражи Г. Грина, Дж. ЛеКарре, Ф. Форсайта, Я. Флеминга, Т. Клэнси и др. Поэтому востребованность политического детектива в СССР логичней рассматривать как мировую тенденцию, при этом, не более идеологизированную, чем за рубежом. Детективные мотивы, как правило, придают политической тематике дополнительную интригу, без которой этот жанр превратился бы в скучное бытописание для политологов. Произведения Р. Кима («Кобра под подушкой», «Агент особого назначения»), Н. Шпанова («Первый удар», «Поджигатели»), С. Снегова («Диктатор»), И. Ефремова («Час Быка») и др. показывают, как политическая тема синтезируется с другими жанровыми признаками: детективом, антиутопией, научной фантастикой. Эта традиция получила своё дальнейшее

¹ Затонский Д. Художественные ориентиры XX века. М.: Советский писатель, 1988. 416 с.

² Разин В. Политический роман? или политический детектив? // URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A0/razin-vladimir/v-labirintah-detektiva/1> (Дата обращения: 15.07.19).

развитие в творчестве Ю. Семёнова, Л. Млечина, В. Черняка, Г. Петросяна. В. Виноградова и др. На стыке детективно-политического жанра с баталистикой написано «семикнижье» А. Проханова. Политическим боевиком является роман О. Маркеева «Угроза вторжения». В жанре синтеза философско-политического триллера с футурологией работает Ю. Козлов («Реформатор», «Геополитический романс», «Новый вор» и др.). В современной мировой и отечественной беллетристике сложно найти политический роман безупречной жанровой чистоты.

Проблемы, связанные с поэтикой политического романа, довольно актуальны в современном литературоведении. Например, М.Ш. Шарифов, используя диахронический принцип анализа, рассматривает генезис и эволюцию этого жанра с позиции взаимодействия романной формы с политическим дискурсом. Прослеживая историю развития этого синтеза с античных времён до настоящего времени, он приходит к выводу, что появлению политического романа как самостоятельного жанра предшествовали, как минимум, два этапа его становления: а) произведения с романским началом и доминирующей политической тематикой и б) романы, в художественный мир которых, наряду с другими проблемами, органично вписывается и политическая тематика¹. Концепция Шарифова, безусловно, оригинальна, но некоторые её положения имеют откровенно дискуссионный характер. Но нельзя не согласиться с ним в том, что в современной русской литературе усиливается интерес к проблеме именно государственной власти, что наглядно демонстрируется творчеством писателей, принадлежащих к различным политическим группам, и свидетельствует об актуализации в отечественном литературоведении традиции художественного анализа социальных и политических противоречий².

К.В. Алексеев предпринимает попытку дать оптимальное определение социально-политическому роману путём анализа его смысловой структуры, а также предлагает свой вариант его типологии. По мнению автора, социально-

¹ Шарифов М.Ш. Этапы развития политического романа. // [Электронный ресурс]. URL: <http://ulakbilge.com/makale/pdf/1414431811.pdf> (дата обращения 16.01.2019).

² Там же.

политическая направленность произведения обуславливается совокупностью трёх жанрообразующих факторов: политической целью, идеей и воздействием на политическую жизнь общества. Сопутствующими мотивами могут быть политическая борьба, определяющая злободневность проблемы, а также изображение других реальных социально-политических процессов. При этом особое значение обретает аксиологически мотивированная авторская самоидентификация, что, с одной стороны, определяет характер лирической дистанции произведения, а с другой – оппозицию «свои-чужие». Таким образом, автор приходит к утверждению, что «синтез антитез» является ключевым элементом поэтики социально-политического романа, а излюбленным приёмом – противопоставление и контраст. Алексеев не использует термин «политический роман», считая его недостаточно ёмким для определения жанра, поскольку всегда, наряду с политической проблематикой, произведение содержит целый ряд «неполитических» аспектов: семейно-бытового, психологического либо философского плана. Поэтому для обозначения романов данного направления более приемлемым автор считает термин «социально-психологический». Интересны критерии предлагаемой Алексеевым типологии. Вариант жанра определяется действующими в нем факторами, например, такими как: а) главная действующая политическая сила; б) пафос; в) воплощённая идея; г) степень конформизма; д) художественный метод. Опираясь на данный принцип, Алексеев выделяет 16 разновидностей социально-политического романа! При этом автор подчёркивает, что его схема не является догмой, вполне допускает иные варианты классификации и не противоречит традиционному делению романов на «нигилистические», «антинигилистические», «о новых людях»¹ и т. д.

Попытку разобраться в хитросплетениях жанра политического романа с позиции «дискурсивно-когнитивного подхода к описанию коммуникации» предпринимает Н.В. Зайчикова. Подобный ракурс представляется ей наиболее продуктивным, поскольку позволяет избежать противоречий в описании

¹ Алексеев К.В. Русский социально-политический роман: признаки, типология. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-sotsialno-politicheskiy-roman-priznaki-tipologiya> (Дата обращения 16.01.2019).

различных жанровых форм коммуникаций и наиболее оптимально обеспечивает их системный анализ. В её исследовании широко и плодотворно используются работы Е.И. Шейгал по семиотике политического дискурса. Автор подчёркивает бинарность жанра, сочетающего в себе элементы реального, объективного политического сознания и субъективного фактора, отражённого в авторских интенциях и установках. Следовательно, «политический роман – есть личностная, художественно обусловленная экспликация информации о политической действительности»¹. А в качестве жанрообразующих признаков политического романа Н.В. Зайчикова, вслед за Е. Шейгал, приводит дифференциации структуры жанрового пространства политического дискурса по следующим признакам: а) по степени институциональности, б) по субъектно-адресатным отношениям, в) социокультурным параметрам, г) по событийной локализации. В заключении политический роман определяется автором как «синтетический жанр политического дискурса, находящийся на пересечении с художественным и имеющий вторичный респонсивный характер, связанный с оценочным переосмыслением первичных текстов политического дискурса»².

Следует отметить, что все предыдущие оценки и интерпретации, несмотря на различие подходов, соглашаются в одном – политический роман имеет чрезвычайно сложную поэтику, где элементы политического дискурса в художественном контексте, проявляя себя на различных уровнях произведения, способны образовывать оригинальные смысловые конфигурации и жанровые модели. В связи с этим хотелось бы, используя конкретные примеры, обратить внимание на некоторые особенности этого «литературно-политического» феномена. Мы предлагаем рассматривать типологию политического романа, исходя из принципа его взаимодействия с политическим дискурсом реальной политики. Используя этот критерий, романы с политическим дискурсом можно

¹ Зайчикова Н.В. Гибридность жанра политического романа // Современные проблемы взаимодействия языков и культур / Материалы Международного форума 14-15 декабря 2012 г. Часть I. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2012. С. 89.

² Зайчикова Н.В. Гибридность жанра политического романа // Современные проблемы взаимодействия языков и культур / Материалы Международного форума 14-15 декабря 2012 г. Часть I. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2012. С. 93.

условно разделить на два основных типа. К первому мы относим произведения, являющиеся *реакцией* автора на определённую политическую ситуацию. Наличие политического события как сюжетообразующего фактора – обязательное условие этого типа. Диапазон и степень этой реакции могут быть различны: от «полной», когда политическая реалья находится в центре художественного мира произведения, а соответствующий ей контекст пронизывает все уровни текста (М. Горький «Мать», Н. Островский «Как закалялась сталь», Ч.П. Сноу «Коридоры власти», Р.П. Уоррен «Вся королевская рать»), до «нулевой» (И. Тургенев «Первая любовь», «Вешние воды», А. Франс. «Преступление Силвестра Боннара» и др.). Помимо этого, реакция на ситуацию может быть открытой, агрессивной, подобно лозунгам реальной политики, призывающей открыто или иносказательно к свержению существующего порядка либо к его защите. Достаточно вспомнить роман Н. Чернышевского «Что делать?», который называли «катехизисом» революционеров, роман С. Степняка-Кравчинского «Андрей Кожухов», социалистический романтизм М. Горького («Данко», «Песнь о буревестнике»), рассказы А.С. Серафимовича (цикл «1905»), антисоветские труды А. Солженицына («Архипелаг ГУЛАГ»), социальную критику американских «макрейкеров» (Л. Стеффенс, И. Тарбелл, Р.С. Бейкер), революционный пафос Дж. Лондона («Железная пята»), Л. Арагона («Коммунисты»), А. Барбюса («Огонь»), антинигилистические романы Ф. Достоевского («Бесы»), Н. Лескова («На ножах»), А. Писемского («Взбаламученное море»).

В то же время, реакция эта может быть сдержанной, закамуфлированной под «неполитические» жанры семейно-бытовой, психологической или философской прозы. Подобная литература наиболее привлекательна для филолога, поскольку отличается сложной жанрово-стилистической фактурой. В этом смысле интересна политическая тематика в творчестве Б.К. Зайцева, реализующаяся в различных жанрах: психологическом романе «Дальний край», социально-трагическом этюде «Чёрные ветры», революционно-романтической

поэме в прозе «Завтра!», семейно-психологической драме с религиозным подтекстом «Изгнание», метафизической притче «Улица св. Николая».

Этот тип литературы включает также и политические аллегории О. Хаксли, Дж. Оруэлла, Е. Замятина, В. Пелевина, А. Проханова.

Ко второму типу можно отнести художественные произведения, содержащие материалы, которые сами стали *политическими* документами. Прежде всего, к этой группе можно отнести жанр «утопий» Т. Мора, Т. Кампанеллы, Ф. Бэкона, чей вклад в развитие «левого» политического движения сложно переоценить.

Тенденция «метафоризации эссеистики» в XX веке наглядно проявила себя в философском дискурсе. Этот феномен, связанный с кризисом рационализма, был теоретически оформлен М. Хайдеггером, хотя традиция эта уходит своими корнями в античные времена, когда афинский политик Солон «облекал в стихотворную форму и философские мысли и часто излагал в стихах государственные дела»¹. В системе доказательств немецкого философа поэтическому языку также отводится особая роль. «...Учёный прибегает к технике словесно-выраженного «намёка», то есть к помощи не столько дискурсивно, логически обоснованной аргументации, сколько литературных, художественных средств, восходящих к платоновским диалогам и диалогам восточной дидактики, где раскрытие смысла понятия идёт поэтически-ассоциативным путём»².

Схожая тенденция наблюдается и в политическом дискурсе. Родоначальником жанра художественно-политической литературы принято считать Бенджамина Дизраэли, соединившего в себе дарование беллетриста с опытом политика. Ярче всего это проявилось в «социальном романе» «Конингсби» (1844). Наилучшей формой для оглашения своей политической программы Дизраэли считает роман: «Использование формы художественного произведения в качестве средства выражения своих политических задумок не

¹ Плутарх. Избранные жизнеописания. М. Правда, 1987. Т. 1. 592 с. С.159.

² Ильин И.П. Постмодернистская чувствительность. // URL: <https://mylektsii.ru/9-7304.html> (Дата обращения: 02.05.20).

было моим первоначальным намерением. Но поразмыслив, вполне в духе времени, я решил обратиться к методу, который наиболее оптимально мог бы воздействовать на общественное мнение»¹. Не ставя задачи оценивать политические воззрения Дизраэли, мы констатируем, что первый опыт политического романа в Англии был более чем удачен: за пять лет – пять изданий.

Примерами дискурса, ставшего *политическим документом* в советской литературе можно считать русофобские речи американского генерала Думбрайта из шпионского триллера Ю.П. Дольд-Михайлика «У чёрных рыцарей» (1964) и предателя Лахновского из социально-исторической эпопеи А. Иванова «Вечный зов» (1968). Эти политические пассажи известны в современной политологии как «план Даллеса» о поэтапном уничтожении «самого непокорного на земле народа, об окончательном, необратимом угасании его самосознания»². Официальное название «Плана» звучит так: «Размышления о реализации американской послевоенной доктрины против СССР» (1945). Интересно то, что англоязычный текст этой доктрины не установлен. Основные тезисы её обычно цитируются по книге советского историка, профессора Н.Н. Яковлева «ЦРУ против СССР»³ и представляет собой компоновку цитат из «Вечного зова» и директивы Совета Национальной Безопасности США 20/1 от 18 августа 1948 г. (NSC 20/1)⁴. которая представляет собой разработку геополитической стратегии США в послевоенном мире и имеет агрессивный антисоветский характер, но не до такой степени, как это показано в романе. Текст «Плана Даллеса», имеющего беллетристические корни, что подтверждается и его стилем, сегодня широко используется в публицистике, политологических исследованиях, а также в политических передачах и дебатах на радио и ТВ (А. Пушкин, Н. Михалков, А. Караулов и др.).

¹ Disraeli B. *Coningsby or The New Generation*. London: Routledge, Warnes and Routledge, 1859. P. iii

² Иванов А. «Вечный зов»: в 2-х томах // Кн. 2. Кишинёв: Литература артистик, 1986. С. 399-410.

³ Яковлев Н. ЦРУ против СССР. М.: Правда, 1983. 464 с.

⁴ План Даллеса // Thomas H. Etzold and John Lewis Gaddis, eds., *Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945-1950 NSC 20/1* (pages 173-203). URL: <http://timecops.biz/forum/viewtopic.php?p=1158> 11 9Дата обращения 11.01.2019).

Завершая раздел, отмечаем, что политический институциональный и художественный дискурсы не существуют отдельно, но находятся в состоянии взаимодействия и обогащают друг друга как в идейно-содержательном, так и стилистическом планах. Предлагаемая нами система классификации имеет гибкий характер, а границы между типами не являются абсолютными. В некоторых случаях одно и то же произведение можно отнести к различным группам. Например, роман М. Горького «Мать» можно рассматривать и как реакцию на революцию 1905 г. и как художественное воплощение – репрезентацию (речь Павла Власова на суде) реальной политической программы РСДРП(б).

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод и о том, что политический дискурс в определенной степени сочетается с любым из художественных жанров, модифицируя его в рамках, определённых авторским замыслом, характером главного конфликта и социально-политическим контекстом.

1.2. Консервативные тенденции в русской литературной классике

Мировое политическое пространство представляет собой довольно пёструю картину из различных мировоззренческих течений. В зависимости от аксиологических парадигм их принято подразделять на консервативные и либеральные. Несмотря на то, что в современном мире вряд ли можно найти консерватора или либерала в чистом виде, разделение этих базисных платформ по сей день существует и во многом обуславливает надстроечные элементы различных социальных концепций.

Интерпретация консерватизма зависит от его места и функций в определённой социально-идеологической системе, что обуславливает целый ряд его исторических разновидностей. Сам термин «консерватизм» впервые был употреблен в 1818 г. французским писателем Франсуа Рене де Шатобрианом и означал идеологию феодально-аристократической реакции на «ужасы Французской революции» и философию Просвещения. Родоначальником идеологии консерватизма считается англо-ирландский парламентарий Эдмунд Берк, автор книг «Размышления о революции во Франции» и «Оправдание

естественного общества». Основой «подлинной цивилизации» он считает Божественный порядок мироздания и благоразумие народа как фактор сдерживания «противоположных элементов свободы»¹.

В художественной литературе этого периода консерваторами были представители немецкого романтического национализма в лице «Йенской» (Новалис, Л. Тик) и «Гейдельбергской» (фон Арним, Brentано, братья Гримм) школ, а также английские «лейкисты» (С. Кольридж, У. Вордсворт, Р. Саути). В Соединённых Штатах особым консерватизмом отличались произведения писателей Юга (Дж. П. Кеннеди, У.Г. Симмс).

Дух консерватизма был всегда присущ русской старине, и тот «авторитет церкви и семьи», за который ратует Берк, был сформулирован на два столетия раньше в «Домострое» (1547) – своде правил, поражающих воцерковлённостью русского семейного быта, требующего «следовать христианским законам, жить с чистой совестью и по правде, в вере соблюдая волю Божию и заповеди Его, а себя утверждая в страхе Божьем и в праведном житии...»². О сакральном смысле русской верховной власти пишет Иван Грозный в письме князю Курбскому: «...Русская земля держится Божьим милосердием, и милостью пречистой Богородицы и молитвами всех святых, и благословением наших родителей, и, наконец, нами, своими государями, а не судьями и воеводами, не ипатами и стратигами»³.

Что касается теории русского консерватизма, то в XVIII веке условий для его идейно-институционального оформления, как это было в Европе, в России не существовало, хотя приверженцами старины и традиций были А. И. Сумароков, Г.Р. Державин, М.М. Щербатов. Важнейшим документом русского консерватизма стала работа Н.М. Карамзина «О древней и новой России» (1811), написанная специально для Александра I. Поскольку эта «записка» представляла собой альтернативный либеральному курсу путь, то её содержание, направленность и

¹ Берк Э. Размышления о революции во Франции. М.: Рудомино, 1993. С. 142.

² Домострой / Сост. Вступ. Ст., пер. и коммент. В.В. Колесова; Подгот. текстов В.В. Рождественской, В.В. Колесова и М.В. Пименовой; Худож. А.Г. Тюрин. М.: Сов. Россия, 1990. С. 115.

³ Первое послание Ивана Грозного князю Курбскому. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подготовили Лурье Я.С., Рыков Ю.Д. М.: Наука, 1993. С. 136.

политическая роль вполне сравнимы со знаменитыми работами Берка. Карамзин подчёркивает важность исторической преемственности в развитии страны («соединения нового со старым») и предостерегает от «заимствований у Европы» обычаев, чуждых русским традициям¹. Консервативное мировоззрение в России формировалось под влиянием как национальной традиции, так и благодаря книгам западных традиционалистов. А поскольку, по словам К.Д. Кавелина, «у нас публика и народ величайшие, неумолимые консерваторы»², то наиболее органично воспринимались идеи о бессилии индивидуального разума, усилении роли религии и традиций в общественной жизни. Знакомство с немецким романтизмом (Шеллинг, братья Шлегели, Новалис) подогрело интерес русской интеллигенции к иррациональным началам бытия и проблемам интуиции. Под воздействием немецкого романтического национализма русские консерваторы, в частности, славянофилы и почвенники, категорию нации сделали исходным принципом философствования³. Разница была в том, что в основании русской консервативной идеологии лежали не абстрактно-пантеистическая вселенность, а ценности православного христианства. «Именно православие придавало русскому консерватизму своеобразный, самобытный характер, так как идеи, воспринимавшиеся у западных мыслителей, во многом трансформировались под его влиянием. В частности, романтическая идея органичности нашла своеобразное преломление в учении о соборности славянофилов и философии всеединства В.С. Соловьёва»⁴. Таким образом «в консервативном мировоззрении выражается онтологичность бытия, отсюда и «почвенничество» консерватизма – обоснование принципа развития на основе изучения истоков общества и культуры. В почвенничестве также скрыто или явно выражено коллективное начало, те родовые формы бытия, которые в прошлом объединяли людей»⁵.

¹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. – М.: Наука, 1991. С. 33.

² Кавелин К.Д. Собр. соч. в 4 т. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1898. Т. 3. С. 1037.

³ Осипов И.Д. Аксиология русского консерватизма // «Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России: От истоков к современности». 2004. Вып. 1. С. 113.

⁴ Осипов И.Д. Аксиология русского консерватизма // «Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России: От истоков к современности». 2004. Вып. 1. С. 113.

⁵ Там же, С.107.

Носителями «охранительных начал» в России были дворянская знать, церковники и крестьянство. Консервативность этих кругов проявлялась в уважении к обычаям, в любви к старине и в негативном отношении к нововведениям¹. В этих установках консерватизма проявляется его главное противоречие между принципом развития с опорой на старину и категорическим неприятием инноваций, то есть тем «дурным консерватизмом», который, по выражению Н.А. Бердяева, «гасит духовность и задерживает творческое движение». Эта двойственность консерватизма в полной мере нашла свое отражение в русской литературной классике.

В XIX веке апологетике консервативных ценностей было посвящено немало произведений художественной прозы, поэзии и драматургии. Идея самобытности русского народа была главной в творчестве славянофилов. К. Аксаков в своей поэзии призывал к сближению с народом, единению всех сословий в «одну великую семью» и порицал западников за «равнодушие и презрение к Родной земле» («Поэту-укорителю» (1845), «Возврат» (1845) «Союзникам» (1844)). Теме героического прошлого посвящена его драма «Освобождение Москвы в 1612 году» (1848), где главной действующей силой выступает русский народ. Автобиографическая диалогия С. Аксакова «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» (1858) создаёт образ семейной гармонии и согласия, поразившие И.С. Тургенева «тоном и стилем» настоящей русской жизни². Слияние вселенского чувства с национально-русским восприятием природы становится главной чертой пейзажно-философской лирики Ф. Тютчева, где божественная красота мира сочетается с романтической грустью, осуждением индивидуализма и безверия как характерных примет нового времени («Есть в осени первоначальной...»), «Осенний вечер» (1830), «Эти бедные селенья» (1855), «Умом Россию не понять...» (1866)) и проч.

Несколько ярких консервативных векторов мы видим в творчестве Н.С. Лескова. Губительная для России бесперспективность революционного

¹ Чичерин Б.Н. Социология. Тамбов: Тамбовполиграфиздат, 2004. С. 240.

² Тургенев И.С. Аксакову С.Т. 22 января (3 февраля) 1856 г. С. Петербург // URL: <http://turgenev-lit.ru/turgenev/pisma-1855-1858/letter-95.htm> (Дата обращения: 10.08.2020).

движения становится темой антинигилистических романов «Некуда» (1864) и «На ножах» (1872). Нравственно-проповедническим духом пропитаны его святочные рассказы («Христос в гостях у мужика» (1881), «Неразменный рубль» (1883)), «Зверь» (1883) и др.) и патериковые легенды («Сказание о Феодоре-христианине и Абраме-жидовине» (1886), «Легенда о совестном Даниле» (1888), «Лев старца Герасима» (1888), «Аскалонский злодей» (1890) и т.д.). Рассказ «Запечатлённый ангел» (1873) посвящён силе древнерусской иконы, помогающей староверам вынести тяжёлые испытания. Лесков был непревзойдённым мастером создания народных характеров («Соборяне», 1872, «Однодум», 1879, «Левша», 1881 и др.). В повести «Очарованный странник» (1873) мы встречаем образ героя, воплощающего в себе физическую и нравственную стойкость русского народа.

А.Ф. Писемский в романе «Взбаламученное море» (1863), показав широкий спектр социальных сил 60-х годов, отдаёт предпочтение русской национальной самобытности. И, безусловно, наиболее глубоким художественным исследованием русского характера на пересечении богоборческих и национально-православных тенденций было творчество Ф.М. Достоевского, по сей день не утратившее своей политической и социокультурной актуальности.

Наряду с охранительной направленностью в русской литературе XIX века имело место, особенно среди просвещённой элиты, критическое отношение к теневой стороне консерватизма. Это было обусловлено, по мнению известного учёного-правоведа (с репутацией государственника) Б.Н. Чичерина, отдалённостью «дворянских гнёзд» от культурных центров, привязанностью к местным проблемам и низким образованием¹. Объективность подобного наблюдения подтверждается множеством примеров из художественной литературы. Приведём несколько свидетельств *бытового* консерватизма. Детальная картина уходящего старопомещичьего уклада представлена в «Евгении Онегине» семьёй Лариных: «Они хранили в жизни мирной / Привычки милой старины...». Но если «милая старина» Лариных изображается безобидной традицией, то «консервативные» портреты некрасовских персонажей отличаются

¹ Чичерин Б.Н. Социология. Тамбов: Тамбовполиграфиздат, 2004. С.240.

сатирической резкостью. Карикатуру на патриархальное самодурство мы видим в лице помещика Утятин, который и при «новых порядках» (после отмены крепостного права) «куражится» и «дурит по-старому»¹. О том, что «не только над помещиком, привычка над крестьянином сильна», в той же поэме рассказывает история о конокраде Сидоре, который даже из острога барину посылал оброк². Недоверие к медицинским инновациям демонстрирует щедринская поветуха Ульяна Ивановна, не допустившая «учёного акушера» со шприцами и ножами до рожающей своей барыни и «и с помощью мыльца в девятый раз вызволила свою пациентку и поставила на ноги»³. Складывается впечатление, что сама жизнь и природа российской глубинки противятся «нововведениям». В этом смысле показательна картина в финале «Старосветских помещиков» Н.В. Гоголя, где реформаторская деятельность молодого наследника закончилась тем, что избы «развалились вовсе», а «мужики распьянствовались» и ударились в бега⁴. Помещик-ретроград Николай Иванович Свияжский из «Анны Карениной» Л.Н. Толстого считает отмену крепостного права разрушительным шагом: «Теперь-с, при уничтожении крепостного права, у нас отняли власть, и хозяйство наше, то, где оно поднято на высокий уровень, должно опуститься к самому дикому, первобытному состоянию»⁵. Печать культурной отсталости А.И. Герцен видел даже в архитектуре «московских дворишков» с их «однообразным порядком и каким-то затаенным озлоблением против всего нового»⁶. Не менее показательны зарисовки из мещанской жизни в ностальгическом романе И. Шмелёва «Лето Господне». Здесь искренняя воцерковлённость московского купеческого быта соседствует с допотопным, на грани чудачества, отношением к окружающей среде. Например, в главе «Именины» непролазная уличная грязь воспринимается обывателями как национальная реликвия: «Осень без грязи не

¹ Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо. Л.: «Советский писатель», 1967. С. 130.

² Там же, с. 133.

³ Салтыков-Щедрин М.Е. Житие Никанора Затрапезного пошехонского дворянина. М.: «Правда», 1988. Т. 10. С. 17.

⁴ Гоголь Н.В. Старосветские помещики. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. – Т.2. С. 29.

⁵ Толстой Л.Н. Анна Каренина. М.: Правда, 1978. С. 203.

⁶ Герцен А.И. Кто виноват? / Собрание сочинений в 8 т. Т 1. М.: Правда, 1975. С. 138.

бывает... зато душе веселей, как снежком покроеет... Дедушка покойный рассердился как-то на грязь... – пригнал камню, и мостовщики пришли. ...А прабабушка Устинья от обедни как раз и приезжает: увидала камень да мужиков с лопатами – с ломами – «да что вы», – говорит, – двор-то уродуете, земельку калечите... побойтесь Бога!» – и прогнала...»¹.

Откровенно гротескный характер имеет *народно-мистический* консерватизм, смешивающий христианские представления с дикой, языческой архаикой. Это явление было характерно для крестьянской среды, в которой библейские истины воспринимались на слух, искажались пантеистической фантазией и облекались в самые невероятные формы, как, например, обряды «крещения кукушки» в день Вознесения Господне или священнодействия «о благорастворении воздуха» в романе К.Н. Леонтьева «Подлипки»².

Настоящим шедевром смеси народного христианства с языческими ритуалами является сцена расправы с «коровьей смертью» с помощью «огня чистого с древа непорочного»³ в романе Н.С. Лескова «На ножах». Расправа над «соломенной куклой марой», олицетворяющей коровью смерть, происходит под аккомпанемент богатейшего фольклорного материала: легенд, быличек, поверий, каламбурных споров, загадок, «народных» псалмов, лубочных картин библейской космогонии, речевых образно-сказочных оборотов и т.д.

Особого внимания заслуживает так называемый *бюрократический* консерватизм». Исчерпывающий портрет этого сословия Н.С. Лесков создал в своём романе «Чёртовы куклы». С одним из крайних образцов подобных «кукол» мы встречаемся в повести И.С. Тургенева «Новь» в образе камер-юнкера Семена Петровича Калломейцева, не верившего в существование «ежедневного» русского языка и признающего только «российский язык указов и постановлений правительственных»⁴. Встречаясь с подобным «административным сословием» в произведениях Пушкина, Грибоедова, Гоголя, Достоевского, Лескова, Толстого,

¹ Шмелев И.С. Избранное. М.: Правда, 1989. С. 460.

² Леонтьев К.Н. Египетский голубь: Роман, повести, воспоминания. М.: Современник, 1991. С. 23, 31.

³ Лесков Н.С. На ножах. – М.: Русская книга, 1994. С. 406.

⁴ Тургенев И.С. Новь / Собрание сочинений в 6 т. Т. 3. М.: Правда, 1968. С. 200-201.

Чехова и др., трудно не согласиться с А. Новиковой-Строгановой в том, что понятия «чиновник» и «подлец» в русской классической литературе составляют единый синонимический ряд»¹. Однако один из теоретиков российского консерватизма, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн (Снычев), считает подобное отношение к чиновничеству предвзятым. Простая справедливость, по мнению владыки, требует признать не только просчёты бюрократии и её вину за многие социальные катаклизмы, но и «несомненные заслуги русского чиновника в устройении и упорядочении всех областей жизни страны, во всех успехах и победах Империи», так как в реальной жизни значение этого сословия выражалось «языком законов, практических действий и политических решений», направленных на усиление «роли государства во всех областях человеческой жизни». И в этом смысле «карикатурные персонажи гоголевского Городничего или грибоедовского Скалозуба» были искажением той социальной функции, которую реально выполняло чиновничество, особенно после реформ Сперанского. Действительно, русская классика не особо жалуется на чиновничье сословие. Но нельзя сказать, что такое не комплементарное отношение было всеобщим. Галерею портретов «государевых людей» мы видим в «политически нейтральном» романе «Анна Каренина», где наряду с интриганом Стрёмовым и гедонистом-бездельником Стивой Облонским встречаются и такие чиновники, как «правитель дел» Михаил Васильевич Слюдин – «умный, добрый и нравственный человек»² или губернский предводитель Снетков – добрый, честный человек «старого дворянского склада», отвечающий в своём округе и за огромные деньги, и за все гимназии, и за народное образование, и за земство³. Образцом отношения к своему служебному долгу можно считать и «сдержанного», «честного» Алексея Александровича Каренина, предпочитающего «живое дело» «бумажной официальности» и волоките⁴, Дружескую, деловую атмосферу Левин наблюдает в «заседании», где «славные

¹ Новикова-Строганова А «Чёрные куклы» закабалённой России / Русский вестник. – 2018. – № 23. С. 14.

² Толстой Л.Н. Анна Каренина. М.: Правда, 1978. С. 309.

³ Там же, с. 391.

⁴ Там же, с. 178.

люди» к «общему удовольствию» решали бытовые вопросы о каких-то «суммах и трубах»¹.

Главной ошибкой государственного аппарата митрополит Иоанн (Снычев) считает попытку подчинить себе всякую деятельность, включая проявления человеческого духа, то есть стремление бюрократии поставить под контроль светской власти все стороны религиозной деятельности, превратив церковь в этакий «департамент по улучшению нравов народа»². Это искажало саму идею Божественного происхождения верховной власти, низводило Царя до роли главы административной системы, а русский народ превращало в простые детали грандиозного имперского механизма³.

Следует отметить, что идеологическая платформа консерватизма, особенно на ранних этапах становления, представляла собой эклектичную картину, сочетающую средневековые представления с идеями европейского Просвещения, либеральное понимание свободы личности с религиозной соборностью. В середине XIX века в консервативном лексиконе появляются такие понятия, как «русское воззрение», «самобытничество», «контрпросвещение». С.С. Уваров разрабатывает доктрину «Православие. Самодержавие. Народность», идеи славянофилов и Данилевского дали толчок «охранительному» русскому монархизму (К.Н. Леонтьев, М.Н. Катков, Л.А. Тихомиров и др.). Для второй половины XIX в. характерно нюансовое разнообразие консерватизма. В движение вовлекаются видные писатели, историки и философы, ориентирующиеся на укрепление русской государственности. Видную роль на политической сцене начинают играть такие направления, как: неославянофильство (С.Ф. Шарапов, И.С. Аксаков, Д.Н. Шипов), почвенничество (Ф.М. Достоевский, Н.Н. Страхов, А.А. Григорьев), охранительный монархизм (М.Н. Катков, К.П. Победоносцев, К.Н. Леонтьев, В.П. Мещерский), а также русский национализм, представленный М.О. Меньшиковым, В.М. Пуришкевичем, П.Е. Ковалевским.

¹ Там же, с. 244.

² Митрополит Иоанн (Снычев И.) Самодержавие духа. СПб.: «Царское дело», 1995. С. 243.

³ Там же, с. 244.

И.Д. Осипов, обобщая фактический материал, в статье «Аксиология русского консерватизма» (2004), рассматривает в историческом ракурсе четырёхступенчатую модель его русского варианта:

1. Приоритет общего, государственного, национального интереса над личным, ибо общество «есть не что иное, как сам народ в его поступательном движении (И.С. Аксаков). Угроза же целостности народного организма исходит от интеллигенции – «небольшой группы западников-индивидуалистов». К.Н. Леонтьев в статье «Как надо понимать сближение с народом?» (1881) сформулировал эту идею по-народному просто: «Идеи и политические вкусы, господствующие в интеллигенции, *все заимствованные*, а у народа идеи и вкусы *все свои*; сближаясь с народом, мы только вредим ему»¹.

2. Сильный властный порядок, реализованный в иерархически организованной государственности. Политическим идеалом является просвещенный авторитаризм, при котором свобода связывалась с нравственно-религиозным самосознанием личности и нравственной культурой общества, отсюда недоверие к разуму, который без опоры на религиозную веру способен оправдать любое зло².

3. Ценность нации и критика космополитизма, хотя были расхождения в понимании универсального и национального в христианском вероучении.

4. Ценность культурного традиционализма как основы эволюционных социальных изменений и саморегуляции общества. Признание привычек и чувств фундаментальными силами в обществе и в жизни человека³.

В заключение И.Д. Осипов отмечает, что российский консерватизм не был обособленным явлением. Он стал продуктом взаимодействия европейского консерватизма с особенностями отечественной культуры⁴. Интересное развитие консервативная традиция получила в русском зарубежье, а именно: «И.А. Ильин, Н.А. Бердяев и С.Л. Франк разрабатывают творческий, духовный консерватизм, в

¹ Леонтьев К.Н. Как надо понимать сближение с народом? М.: тип. Е.И. Погодиной, 1881. С. 8.

² Осипов И.Д. Аксиология русского консерватизма // «Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России: От истоков к современности». 2004. Вып. 1. С. 116.

³ Там же, с.117.

⁴ Там же, с.117.

котором ценность охранения синтезирована с ценностью духовной свободы и творчества личности»¹. Что касается современного, постсоветского, варианта консерватизма, то учёный видит в нём парадоксальную конструкцию из либеральной экономики, консервативной идеологии и активной социальной политики².

Подобный принцип классификации консервативных ценностей можно условно назвать «социал-патриотическим», поскольку в нём доминируют понятия светской государственности: национальный интерес, властный порядок, национализм и преемственность. Религиозный фактор не ставится во главу угла, но связывается с «нравственной культурой» и «самосознанием личности», то есть играет скорее психологическую, а не политическую роль.

1.3. Ценностная парадигма современного философско-литературного традиционализма

Обобщая различные варианты русского традиционализма, не так просто зафиксировать ценностную парадигму и определить его историческую либо идеологическую разновидность. С философской точки зрения одной из его краеугольных основ является религиозное начало, «охранительная» функция которого, по словам Н.Я. Данилевского, вытекает из его «небесной» сущности – «быть твёрдой, незыблемой основой практической нравственности»³. В современной науке эта идея нашла своё развитие в работах А.С. Панарина, А.В. Щипкова, О.Б. Подвинцева, В.А. Гусева и др. Например, А.С. Панарин сущностью русского консервативного направления считает «общинно-солидаристский идеал православной цивилизации»⁴. А.В. Щипков полагает, что религиозной основой социал-консерватизма является апостольское христианство, то есть новозаветные тексты, проповедующие принципы коммунитарной

¹ Там же, с.117.

² Там же, с.118.

³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 481.

⁴ Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. 1248 с.

социальной этики»¹. Особое внимание он уделяет связи консерватизма с традиционализмом. «Новая философская энциклопедия» разграничивает эти понятия и определяет традиционализм как панхроническое явление, тогда как «консерватизм близок к политике, и его отношение к прошлому избирательно»². А.В. Щипков даёт лаконичное и убедительное определение традиционализму в современном политическом контексте, исходя из необходимости «воспроизводить принципы и содержание традиции в новых условиях» с учётом национальной стратегии и исторической перспективы: «Традиционализм – это историческое целеполагание нации, которое обеспечивает определенность коллективной интенции народа. Это направленность усилий общества, скрепленного исторической судьбой, устремленность социальных перемен в таком направлении, где традиция воспроизводится в новых культурно-исторических формах, поддерживая начавшиеся процессы социального роста»³.

Именно в русле восприятия «традиции в новых культурно-исторических формах» формируется идеология творчества таких писателей, как Л. Бородин, А. Проханов, С. Шаргунов.

Особое место в становлении русской национально-культурной традиции наряду с музыкой, живописью, архитектурой занимают «программные» литературные памятники. Эта традиция начинается в XI в. со «Слова о Законе и Благодати» митр. Илариона – знаменитой апологии Земли Русской. В другие эпохи к ней также можно отнести «Переписку Ивана Грозного с князем Курбским», «Четьи-Минеи» митрополита Макария, «Выборные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя, «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского, «Окаянные дни» И. Бунина, «Народная монархия» И. Солоневича и т.д.. В ранний постсоветский период наиболее популярной работой, написанной в традиционалистском русле, было публицистическое эссе А.И. Солженицына «Как нам обустроить Россию» (1990). Таким совокупным образом проходило

¹ Щипков А.В. Либерализм и социал-консерватизм в современном идеологическом дискурсе: диссертация ... доктора Политических наук. М., 2016. С. 26.

² Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Под редакцией В. С. Стёпина. М.: Мысль, 2010. С. 2010.

³ Щипков А.В. Либерализм и социал-консерватизм в современном идеологическом дискурсе: диссертация ... доктора политических наук. М., 2016. С. 233.

становление того, что сегодня называется «русской идеей», являющейся основой патриотизма. Неоспорим теоретический вклад в разработку этой идеологии русского философа И. Ильина. В статье «О русской идее» Ильин подходит к этому вопросу с историческим оптимизмом и сущность русской идеи видит в триединстве её основ: *любви, созерцанию и свободы*. *Любовь* – это источник жизни, веры и культуры духа. Это ответ русской души на главную заповедь «Бог есть Любовь», поэтому Русское Православие воспринимает Бога не воображением, не волей, не страхом, не мыслью, а любовью, поэтому русский человек верует «огнём сердца»¹. ... Из любви, которая есть «живая сила русской души», вытекают доброта, ласковость, гостеприимство, о чём обильно свидетельствуют русские народные сказки, песни, танцы, летописи, литература, живопись, музыка, медицина, история, где «русские князья суть герои сердца и совести»². «Без любви, – утверждает Ильин, – русский человек есть неудавшееся существо», поскольку «ум и воля русского человека приводятся в духовно-творческое движение именно любовью и верою»³. Главным же проявлением «любви и веры» является «*живое созерцание*» как источник мечтательности, восприимчивости к красоте, любви к живому, отчего «душа становилась нежнее, утончённее и глубже». С другой стороны, «созерцание вносилось и во внутреннюю культуру – в веру, в молитву, в искусство, в науку и в философию»⁴. Третьим важным началом русской идеи является *свобода*, так как «созерцанию нельзя предписать, что ему надо видеть и что оно должно творить. Дух человека есть бытие личное, органическое и самодеятельное: он любит и творит сам, согласно своим внутренним потребностям»⁵. В этом, по мнению философа, заключается и «русско-славянская приверженность к национально-религиозному своеобразию», и «терпимость ко всякому иноверию и ко всякой иноплеменности,

¹ Ильин И.А. Наши задачи. 2 т. Т.1. М.: МП «Рарог», 1992. С. 323.

² Там же, с. 324.

³ Там же, с. 324.

⁴ Там же, с. 324.

⁵ Там же, с. 325.

открывшая России пути к имперскому (не «империалистическому») пониманию своих задач»¹.

Таким образом, главная цель русского творческого акта, исходя из уклада души, – «духовно осуществлять своё национальное своеобразие», а именно: «наполнить данное нам свободное и любовное созерцание настоящим предметным содержанием», чтобы «верно воспринять и выразить Божественное», заложенное в нас свыше². Главная мысль Ильина, рефреном звучащая в каждом разделе статьи, это: «Мы не призваны заимствовать духовную культуру у других народов или подражать им. Мы призваны творить свое и по-своему: русское по-русски», ибо «плох тот народ, который не видит того, что дано именно ему, и потому ходит побираться под чужими окнами»³.

В постсоветском социально-политическом пространстве традиция И. Ильина получила своё дальнейшее развитие в просветительской деятельности магистра богословия, митрополита Санкт-Петербургским и Ладожского Иоанна (Снычев). Наиболее значимым его трудом считается Пятикнижие: «Самодержавие духа», «Голос вечности», «Одоление смуты», «Стояние в вере», «Русь соборная». Сущность предлагаемой им державно-теократической парадигмы российского жизнеустройства заключается в изучении и использовании национального духовного наследия для решения насущных проблем современности⁴.

Если эти «важнейшие истины» понимать как стратегические цели, то владыка, следуя традиции «церковного вразумления в години всенародных испытаний и смут», формулирует и тактические задачи по «воссозданию Святорусской Державы». Исходным тезисом программы владыки, озаглавленной «Пути русского возрождения», является возвращение страны на путь её естественного, самобытного развития с учётом как «до-, так и послереволюционного положительного опыта». Программа охватывает важнейшие сферы жизнедеятельности государства (мировоззренческую,

¹ Там же, с. 325.

² Там же, с. 326.

³ Там же, с. 326-327.

⁴ Он вернул нам историческую память! Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн был и остаётся идейным вождём русских патриотов (редакторская статья) // Русский вестник 2019. № 22. С.1.

экономическую, оборонную, информационную и т.д.) и представляет собой синтез идей российских консервативных теорий с акцентом на религиозный фактор¹. Изложенная в декларативно-тезисной форме она во многом созвучна «Основам социальной концепции Русской Православной церкви» (2000), официальному документу, отстаивающему духовный и государственный суверенитет России в современном мире².

Среди серьёзных публицистических работ традиционалистского толка, изданных за последнее время, можно назвать сборники очерков известных современных писателей, политиков, журналистов, вышедших отдельными книгами. Наиболее значимые, на наш взгляд, это: Бондаренко В.Г. «Русский вызов» (2011), Осипов В.Н. «Возрождение русской идеологии» (2012), Бабурин С.Н. «Возвращение русского консерватизма» (2012), Крупин В.Н. «Книга для своих» (2012), Сенин А.А. «Служить правде», (2013), Личутин В.В. «Размышления о русском народе (2013) Хатюшин В. В. «Вехи окаянных лет» (2013), Ганичев В.Н. «О русском» (2013), Любомудров М.Н. «Каноны русского мира. Идеология. Культура. Искусство» (2014), Поляков Ю.М. «Быть русским в России» (2019).

Из крупных монографических произведений, системно исследующих цивилизационную роль России в современном мире, можно выделить книгу Л.Г. Ивашова «Геополитика Русской цивилизации» (2015). По своему содержанию, значению и методологическому подходу эту работу Л.Г. Ивашова можно поставить в один ряд с книгами С.Ф. Хантингтона, А.А. Дж. Тойнби, П. Дж. Бьюкенена и др..

Пафосное название книги М. Назарова «Вождю Третьего Рима. К познанию русской идеи в предапокалипсическое время» (2005) предполагает жанр вселенского «послания», нацеленного на спасение мира. По сути же это политизированная, с элементами конспирологии, «церковная история» России

¹ Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн «Пути русского возрождения» / Русский Вестник. 2020. № 8. С.8-9.

² Основы Социальной Концепции Русской Православной Церкви, 2000 // [Электронный ресурс]. URL: http://www.prihod.rugraz.net/assets/pdf/Osnovi_socialnoj_koncepcii_Russkoj_Pravoslavnoj_Cerkvi.pdf (Дата обращения 15.05.2020).

в преддверии Нового мирового порядка. В контексте нашей работы особый интерес в ней представляет 6-ая глава «О православной государственности и удерживающем принципе вечного Рима», где автор идею религиозного «спасения», соединяющего личное с коллективным началом, «ибо главное средство спасения состоит в заповеданной нам любви к другим людям...»¹, противопоставляет постмодернистской формуле с её акцентом на «освобождение» лучших, избранных, ставящих свободу выше справедливости².

В 1990-е годы обозначилась тенденция анализа художественной литературы с опорой на православные ценности, то есть включения в понятийный аппарат литературоведения богословских категорий, таких как «соборность», «рождественский и пасхальный архетипы», «закон и благодать»³, «страдание»⁴ и т.д. Философско-методологической основой этого направления стала концепция укоренённости русской классики в тысячелетней православной традиции, а целью – создание «принципиально новой истории русской литературы, глубинно связанной с доминантным для отечественной культуры типом христианской духовности»⁵ При этом отвергается понятие «религиозная филология», как чреватое *идеологизацией* художественных текстов посредством трансплантации в их содержание христианской догматики. Судя по количеству конференций и публикаций на эту тему, можно уверенно говорить о превращении тенденции в значимую литературоведческую школу⁶. Религиозное осмысление русской литературы стало главным направлением научной и педагогической деятельности М.М. Дунаева.⁷ Его шеститомный труд «Православие и русская литература», представляющий курс лекций для Московской Духовной Академии, охватывает

¹ Назаров М. Вождю Третьего Рима. К познанию русской идеи в предапокалипсическое время. М.: Русская идея, 2005. 992 с. // [Электронный ресурс]. URL: <https://rusidea.org/410106> (Дата обращения: 14.05.20).

² Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. С. 31.

³ Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. 288 с.; Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М Круг 2004 г. 640 с.

⁴ Безруков А. А. Феномен возвращения к православности и категория страдания в русской классической литературе XIX века : Дис. ... доктора филологических наук : 10.01.01. Краснодар, 2007. 360 с.

⁵ Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. С.2.

⁶ В спектре адекватности. К 60-летию И. А. Есаулова: сборник статей. Сост. Ю. Н. Сытина. СПб. РХГА 2020г. 516 с.

⁷ Дунаев М. М. Православие и русская литература: [в 6-ти ч.] / Моск. духов. акад. Изд. 2-е, испр., доп. М. : Христиан. лит., 2001-2004. Ч. 1-2. 2001. 735 с.; Ч. 3. 2002. 762 с.; Ч. 4. 2003. 778 с.; Ч. 5. 2003. 780 с.; Ч. 6. кн. 1. 2004. 509 с.; Ч. 6. кн. 2. 2004. 525 с.

период с XVII века до наших дней. В последних двух томах подчёркивается преемственность между русской и советской классикой в плане высших духовных ценностей.

Монументальный труд Ю.И. Сохрякова «Русская цивилизация: философия и литература» (2010) посвящена проблеме, которую автор определяет как «исследование различных аспектов русской идеи, контуры которой определяются уже у ранних славянофилов, а в творчестве Ф. Достоевского, К. Леонтьева, В. Розанова, Н. Федорова, Н. Бердяева, М. Меньшикова, И. Ильина, И. Солоневича и др. каждый из компонентов русской идеи получает своё более полное и глубокое раскрытие»¹. По мнению автора, мессианская роль русской идеи, порождённой Божиим замыслом о России как мировом оплоте христианской веры и духовности, заключается в спасении человечества от окончательного краха, к которому ведёт его западная цивилизация. При этом русскую идею он определяет как «сложнейший комплекс духовно-нравственных и религиозно-философских ценностей, выработанных народной жизнью с помощью Православия»². Особый интерес в книге Ю.И. Сохрякова вызывает анализ современной русской литературы в контексте культурно-политического постмодерна. Опираясь на идеи Ф.М. Достоевского и И.А. Ильина, Ю.И. Сохряков на материале современной российской прозы создаёт типологию бесовщины, являющейся «порождением либерального западничества, далёкого от русской «почвы», от понимания России, её народа с многовековыми религиозными идеалами, верованиями и обычаями»³. Сила «бесовщины» в её всеядности, то есть способности примкнуть к любой идее, чтобы опошлить её, извратить, превратить в свою противоположность. Предусмотреть все метаморфозы «бесовщины» немислимо, но для успешной борьбы с ней надо безошибочно знать её признаки, чтобы не только не «участвовать в делах тьмы», но и противостоять им.

Знаменательным событием в патриотических кругах России стал выход подготовленных Институтом русской цивилизации таких книг, как «Русский

¹ Сохряков Ю.И. Русская цивилизация: Философия и литература. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 10.

² Сохряков Ю.И. Русская цивилизация: Философия и литература. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 9.

³ Там же, с.308.

патриотизм» (2003) и «Вера. Держава. Народ» (2016). Если первая представляет собой справочник по истории консервативной мысли, то вторую можно назвать энциклопедией современного российского традиционализма. Задачей этого общенационального проекта было выявить главные направления русской мысли и определить её жизненные силы в современных условиях. Структура издания представляет собой опрос 32-х известных политиков, общественных деятелей, учёных, литераторов, среди которых такие знаменитые писатели, как В. Белов, В. Ганичев, В. Распутин, А. Проханов, В. Крупин, В. Бондаренко, С. Куняев, В. Личутин, И. Шевцов и др. Каждому из них было задано около 40 вопросов, которые можно условно подразделить на 4 группы: *биографические* – о главных вехах профессиональной карьеры и личной жизни; *исторические*, предлагающие оценить судьбоносные события и политических лидеров страны в различные периоды; *ценностные*, касающиеся духовных основ русской цивилизации, и *политические*, имеющие отношение к текущему положению дел в стране и перспективам её развития. Все вопросы идеологически ориентированы, поэтому многие ответы были вполне предсказуемы.

Наиболее значимыми являются вопросы аксиологического плана, касающиеся особенностей русского культурно-цивилизационного кода, включающего в себя религиозные воззрения, национальную психологию, нравственно-этические традиции. Согласно высказываниям подавляющего большинства участников опроса, главной основой русской цивилизации является Православие – источник всех национальных, жизнеобразующих ценностей, а именно: неразрывности веры и жизни, соборности, добролюбия, жертвенности, нестяжательства, патриотизма. Однако акценты в этой ценностной парадигме расставляются по-разному. Наиболее воцерковлённые из писателей В. Крупин, скульптор В. Клыков, публицист А. Степанов, писатель-публицист К. Душенов, духовный писатель В. Ерчак и др., следуя уваровской традиции, считают основой основ русской государственности формулу: «Православие. Самодержавие. Народность». Олег Платонов заменяет в этой триаде «народность» на «соборность» и добавляет «патриотизм», который «после веры в Бога» есть

«высшее выражение духовности человека»¹. В смягчённом варианте эту позицию, в той или иной степени, разделяют С. Бабурин, В. Катасонов, М. Лобанов, А. Сенин, Н. Карташова. Писатель А. Проханов предлагает метафорический образ русского «инобытия», символом которого является Христос, сказавший: «Вы, дети мои, не от мира сего»². Отсюда извечное стремление русского человека «вырваться за пределы материального»³. В. Белов, определяя себя как «советского человека», считает «совестливость» синонимом «христианства»⁴ и верит в его спасительную для России силу⁵.

Ряд писателей, признавая значение Православия в становлении русской цивилизации, не считают его роль исключительной и первичной. Редактор журнала «Молодая гвардия» В. Хатюшин связывает христианскую этику с природным стремлением русского человека к добротолению, что наиболее отчётливо проявилось в Православии⁶. Поэт, публицист, главный редактор «Нашего современника» С. Куняев также во главу угла ставит «стихию народной жизни»: «...Есть Десять заповедей, но каждая наша поговорка сама как заповедь. Это свод жизненных правил, не менее значимый для жизни народа, нежели Священное писание»⁷. Не говоря конкретно о Православии, его ценности поддерживают писатель В. Ганичев (соборность, глубинная вера, семейный лад)⁸ и поборник «русского просвещённого национализма» В. Личутин (отзывчивость, нестяжательство, добротоление, долготерпение, соборность)⁹. Литературный критик В. Бондаренко, не упоминая религию, отмечает в русской идее «примат идеального над материальным», что в корне отличает русскую идеологию от европейской¹⁰. И. Шевцов, ратующий за «воинствующий патриотизм», говорит о

¹ Вера. Держава. Народ: Русская мысль конца XX – начала XXI века / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2016. С. 920.

² Вера. Держава. Народ: Русская мысль конца XX – начала XXI века / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2016. С. 960.

³ Там же, с. 962.

⁴ Там же, с. 151.

⁵ Там же, с. 155.

⁶ Там же, с. 1008.

⁷ Там же, с. 617.

⁸ Там же, с. 271.

⁹ Там же, с. 693-704.

¹⁰ Там же, с. 205.

таких ценностях русской идеи, как «любовь к жизни, вера в лучшее, душевность, доброта и порядочность»¹.

Академик И. Шафаревич, не затрагивая теологии, рассуждает философски о русском и западном цивилизационных типах. Ссылаясь на идею И. Солоневича об «уживчивости» русского характера и работу К. Касьяновой (В.П. Чесноковой) о двух принципах существования общества, Шафаревич подчёркивает, что «дух активного насилия», характерный для Запада утрачивает свою пассионарность и он с опасением смотрит на Россию как на возможного лидера мировой цивилизации². Из этого вытекает особая роль национально-государственного фактора в процессе выхода мирового сообщества из глобального кризиса.

Среди многообразия элементов традиционализма мы особое внимание уделяем религиозно-идеологическим понятиям, таким как как «*соборность*», «*добротолюбие*» и «*нестяжательство*».

«Новая философская энциклопедия» (2001) определяет «*соборность*» как «понятие русской философии, означающее свободное духовное единение людей как в церковной жизни, так и в мирской общности, общение в братстве и любви. Термин не имеет аналогов в других языках»³. Особое значение соборности придавали славянофилы и считали её источником «хоровое начало», призванное подавлять эгоистические устремления человека. Следуя этой концепции К.С. Аксакова, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн (Снычев) связывает соборность с «вечевым строем» на Руси, где «наследственность высшей княжеской власти не была оформлена строго», поэтому «в общественном жизнеустройстве славян было больше народовластных признаков, чем монархических», например, «Рюрик был избран на новгородском вече»⁴. В славянофильской гносеологии соборный принцип «мы мыслим» противопоставляется картезианскому – «я мыслю». Это означает, что через взаимную любовь в Боге человек утверждает свое личное бытие. Развивая

¹ Там же, с. 1136.

² Там же, с. 1127.

³ Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Под редакцией В. С. Стёпина. М.: Мысль, 2010. С.162.

⁴ Митрополит Иоанн (Снычев И.) Русь соборная. М.: Царское дело, 1995. С. 23.

теологию «соборности» в символическом плане, С. Булгаков видит в «умопостигаемой небесной Церкви» воплощение соборной сущности Святой Троицы: «И в живом многоединстве человеческого рода уже заложено церковное многоединство по образу Св. Троицы»¹. Н. Бердяев связывает соборность с идеей спасения, так как «круговая соборная ответственность» обеспечивает спасение только «вместе с миром»². При этом практика безликого социального коллективизма считается суррогатом русской идеи (Н. Бердяев) либо «лжесоборностью», так как его высший идеал не в любви, а в «солидарности», либо воспринимается как «заблудившаяся жажда соборности»³ (Г. Флоровский).

В современном идеологическом пространстве понимание соборности также отражает единство теологического и социологического начал. При этом каждый из толкователей, подчёркивая сложность этого понятия, выделяет в нём ту или иную «каноническую ипостась» и связывает её с современностью. Владыка Иоанн (Снычев) выводит понятие «соборности» из пасторского поучения Киевского митрополита Илариона «Слово о законе и благодати», которое было «одной из первых попыток христианского осмысления русской истории». «Главным прозрением Илариона, – пишет Иоанн, – стало его утверждение о духовной природе той силы, которая соединила разрозненные славянские племена в единый народ. Само «Слово» является едва ли не единственным памятником XI века, в котором употреблено словосочетание «русский народ», а не обычное для того времени понятие «Русская земля»⁴. В том же русле рассматривает «соборность» И.А. Есаулов, подчёркивая, что «Благодать Божья» – есть зерно самой «соборности», которая является не только категорией высшей духовности, но и важнейшим элементом поэтики русской словесности⁵. Для А. Проханова, соборность также несёт в себе «онтологические смыслы». Это русское братство во Христе, в основе которого любовь. То есть две важнейшие христианские заповеди – «возлюби ближнего, как самого себя» и «возлюби Бога своего» – по

¹ Православие: Очерки учения Православ. церкви / Прот. Сергей Булгаков. Paris: YMCA-press, 1985. С. 39.

² Бердяев Н. «Философия свободы. Смысл творчества». М.: Правда, 1989. С. 190.

³ Флоровский Г. «Философы русского послеоктябрьского зарубежья». М.: Наука, 1990. С. 339.

⁴ Митрополит Иоанн (Снычев И.) Самодержавие духа. СПб.: «Царское дело», 1995. С. 35.

⁵ Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. С. 16-18.

сути едины, поскольку «нельзя возлюбить ближнего, не возлюбив Бога»¹. Учёный-экономист В. Симчера, рассматривает соборность в политическом разрезе и делает очень важное замечание о необходимости отличать подлинную соборность, органично сочетающуюся с «первородными» общинными правилами, от «псевдособорности» как инструмента реализации корыстных целей, как это имело место, например, на киевском «евромайдане»².

В конкретном смысле «*добротолюбие*» – есть «пятитомный сборник творений 24-х отцов Церкви, посвященный аскетическому любомудрию и практике христианского подвижничества» (1782) (русск. пер.1793)³. Этот объёмный труд о христианском мистическом мировоззрении и традиции духовной практики был особенно популярен в среде русского старчества. Однако в книге «Вера. Держава. Народ» вопрос о «добротолюбии» предполагает не этот конкретный пятитомник, а смыслы, заложенные в его греческом названии «**Φιλοκαλία**»: «любовь к прекрасному, возвышенному, доброму», то есть любовь к той жизни, к которой призывает нас Благодать Божия⁴. Кажущаяся простота этого проявления человеческого духа обманчива. Ответы, касающиеся «добротолюбия», в этом убеждают. Если двухступенчатая, богословско-социологическая структура «соборности» очевидна, то в слове «добротолюбие» присутствует элемент метафорической расплывчатости, отсюда и во многих толкованиях больше поэзии, чем логики. О. Платонов связывает воедино три начала: божественное, цивилизационное и народно-этическое. Для него «добротолюбие – главный критерий человеческой жизни и святости, поскольку «вера в Бога как в Добро и путь к Богу через Добро пронизывают русское национальное сознание»⁵. Доказательством этого являются сотни народных пословиц и поговорок, посвященных теме добра: «Без добрых дел вера мертва

¹ Вера. Держава. Народ: Русская мысль конца XX – начала XXI века / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2016. С. 964-965.

² Вера. Держава. Народ: Русская мысль конца XX – начала XXI века / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2016. С. 1031.

³ Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Под редакцией В. С. Стёпина. М.: Мысль, 2010. 2816 с.

⁴ Добротолюбие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. С. Ііі.

⁵ Вера. Держава. Народ: Русская мысль конца XX – начала XXI века / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2016. С. 920.

пред Богом», «С Богом пойдешь – к добру путь найдешь», «Кто добро творит, тому Бог оплатит», «За добро Бог плательщик», «Кто добро творит, того Бог благословит», «Не хвались родителями, хвались добродетелями», «Богу – хвала, а добрым людям – честь и слава», «Не стоит город без святого, селение без праведника», «Добрым путем Бог правит», «Доброму Бог помогает», «Добро покрывает», «Любящих и Бог любит», «Кто любит Бога, добра получит много»¹. Поэтическим верлибром звучит определение А. Проханова: «Небо, природа, каждая тварь, букашка, книга, текст, песня, форма твоих пальцев, даже твой недруг, когда ты преодолеваешь в себе антипатию или обиду... благоговение перед жизнью – это и есть добротолубие»².

«Нестяжательство», как и «добротолубие», – термин двойкий. В своём обыденном смысле он означает «бескорыстие», «неприятие богатства», «преобладание духовно-нравственных мотивов над материальными интересами». Происхождение же этого слова имеет религиозные корни и означает течение в Русской Православной Церкви на рубеже XV-XVI столетий, когда среди её духовенства возник конфликт между «иосифлянами» и «нестяжателями». Первые выступали за активную позицию церкви в делах государства, вторые, наоборот, опираясь на традицию аскетизма, были против вмешательства церкви в мирские дела, долгом священников считали отказ от соблазнов мира и проповедовали нравственное самосовершенствование. В этом споре «нестяжатели» потерпели поражение, и к середине XVI в. это течение прекратило своё существование³.

Редакторы книги «Вера. Держава. Народ» включила вопрос о «нестяжательстве» явно не за тем, чтобы выяснить отношение современных российских писателей к богословским спорам XVI века. Дело в том, что «нестяжательство» помимо религиозных и нравственно-этических коннотаций содержит ещё и «базисный» – экономический элемент, так как оно напрямую связано с «товарно-денежными» отношениями, издержками которых стали

¹ Вера. Держава. Народ: Русская мысль конца XX – начала XXI века / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2016. С. 921.

² Там же, с. 963.

³ Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Под редакцией В. С. Стёпина. М.: Мысль, 2010. 2816 с.

накопительство, корысть, алчность и другие «язвы» молодого российского капитализма с его кризисами, дефолтами и диким имущественным неравенством. Не случайно священник Владимир в романе А. Проханова «Красно-коричневый», обращаясь к народу перед Домом Советов, называет «нестяжателей», рядом с которыми Христос, – «лучшими» и противопоставляет их гордецам, мздоимцам, клятвопреступникам, фарисеям и обидчикам слабых¹. Традиция критического отношения к «стяжанию» насчитывает не одно тысячелетие и можно найти тому бесчисленное количество примеров в любом из классических или новомодных литературных жанров. Именно художественная литература обратила внимание на тот факт, что вредоносность корысти, в каких бы формах она ни существовала, выходит далеко за рамки экономической жизни и порождает духовную анемию. А. Герцен определяет мещанство (разновидность стяжания) как «безусловное самодержавие собственности», которая есть источник *вульгарности*. Он подчёркивает, что искусству с его «изящной соразмерностью» нет места в «расчётливом доме мещанина», поскольку там всё «сведено на роль внешнего украшения, обоев, мебели, на роль шарманки». Более того, с ростом благосостояния «стирается красота породы»². Л.Н. Толстой в письме к «американцу Рокфеллеру» призывает к здравому смыслу и христианской человечности: «...Богатство просто само по себе, по здравому смыслу, несовместимо с вполне доброю жизнью»³. В русской классике сложно найти положительных банкиров, фабрикантов или торговцев. Отношение же мировой литературы к акулам бизнеса – «гобсекам», «форсайтам», «каупервудам», «сноупсам» – ещё безжалостней. В целом вопрос о нестяжательстве не полемичный и поэтому все его характеристики несложно свести к одной формуле: нестяжательство – есть важнейший, религиозно обусловленный, органично близкий русской душе идеал бескорыстия. Если большинство авторов придерживаются позиции христианской этики, то О. Платонов рассматривает

¹ Вера. Держава. Народ: Русская мысль конца XX – начала XXI века / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2016. С. 438.

² Герцен А.И. Кто виноват? / Собрание сочинений в 8 т. Т 1. М.: Правда, 1975. С. 81-82.

³ Там же, с. 81.

нестяжательство в контексте народных идеалов, уходящих корнями в строй крестьянской жизни с её пониманием труда, совести и справедливости, где главным правилом было: «жить по душе достойно, вознаграждать по совести», то есть не гнаться за богатством, а жить по-доброму и по правде. Эта простая мудрость нашла отражение также во множестве пословиц и поговорок: «Лишние деньги – лишние заботы», «Зачем душу тужить, кому есть чем жить», «Без денег проживу, лишь бы хлеб был», «Без денег сон крепче», «Лучше хлеб с водою, чем пирог с бедою»¹. Однако народная традиция нестяжательства не означает монашеской аскезы и полного отказа от материальных ценностей, поэтому О. Платонов разделяет капитал на «творческий» и «паразитический», заработанный эксплуатацией и финансовыми трюками². Эту точку зрения разделяет и Б. Миронов³.

Державность – это единственное понятие в традиционалистской парадигме, которое не содержит в себе явной теологической окраски. Корнем его является слово «держава» от древнерусского «държа», что означает владычество и могущество. В предметном смысле – это символ власти русского монарха – золотой шар с короной и крестом. Отсюда «державность» как политологический термин означает утверждение роли своей страны как великой и единой державы. В современном раскладе мировых политических сил и глобалистских тенденций имперский по духу термин «державность» откровенно архаичен. Но в русском национальном сознании он ассоциируется с государственно-административной системой, надёжно обеспечивающей на базе единой идеологии функционирование сильной, принятой народом и ответственной перед ним эффективной политической власти.

Восприятие власти авторами книги разбивается на три сегмента: божественность, мораль и социально-организующая сторона. 9 из 17 участников опроса признают верховную власть трансцендентной, дополняя это её главное

¹ Вера. Держава. Народ: Русская мысль конца XX – начала XXI века / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2016. С. 922-923.

² Там же, С. 907.

³ Там же, С. 869.

свойство различными оттенками. В других характеристиках власти доминирует либо нравственно-этический момент, либо социально-организующая её функция. Например, Л. Ивашов считает, что искусственное обожествление власти только портит её, так как отрывает её от народных масс, что в истории России всегда приводило к восстаниям и революциям¹. О необходимости органичной связи власти с народом и его нуждами говорит и В. Распутин². Для В. Личутина «власть – это сосуд удерживающий», – залог единства страны³. С. Бабурин говорит о волевом характере русского общинного сознания и народной власти: «Для Руси всегда было свойственно то, чтобы воля принадлежала коллективу – общине, народу – и воля коллектива доминировала над волей личности»⁴. В центр народного понимания власти А. Сенин ставит справедливость, а «если власть не исходит из справедливости, значит, она не народная, значит, она преследует какие-то иные цели»⁵. Характерно то, что и «трансценденталисты» (признающие божественность власти), и «моралисты» негативно воспринимают современный демократический истеблишмент.

Резюмируя выше сказанное, можно обозначить смысловую структуру модели традиционалистского понимания власти (державности). Её составляющие: сакральность, нравственность, ответственность, народность, дисциплина и неприятие псевдодемократических практик. Следует отметить ещё одно немаловажное обстоятельство. Открыто о миссии русского народа вопросов не было, но буквально в каждом ответе чувствовалась его исторически сложившаяся державообразующая роль.

¹ Вера. Держава. Народ: Русская мысль конца XX – начала XXI века / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2016. С. 431.

² Там же, с. 981.

³ Там же, с. 795-706.

⁴ Там же, с. 103.

⁵ Там же, с. 1003.

Глава 2. Конституционный кризис 1993 года и его художественное воплощение в романе С. Шаргунова «1993. Семейный портрет на фоне горящего дома»

2.1 Роман С. Шаргунова «1993»: политический контекст и своеобразие его жанрово-художественных решений

Роман С. Шаргунова «1993» появился к двадцатилетию события, вошедшего в историю под названием: «Политический кризис 1993 г.». Это событие, получившее широкое освещение в публицистике¹, предметом научного интереса стало только в 2000-х годах, когда появились диссертации по специальности «история» (07.00.02), рассматривающие 1993 год в контексте коллизии законодательной сферы с практикой социальных и экономических реформ. Это исследования Н.З. Абушахмановой² (2001), Е.А. Тарасовой³ (2004), Ф.В. Малхозовой⁴ (2005), И.В. Меркулова⁵ (2006), К.Н. Штина⁶ (2006). В целом авторы этих работ стараются придерживаться политически нейтральных оценок, хотя чувствуется некоторая симпатия к парламентской стороне. Эту тенденцию подтверждает И.М. Поняев в статье «Динамика представлений о политическом кризисе 1993 г. в России» (2017), где отмечает рост политологического интереса к началу 1990-х.. Если, например, в 1993-94 гг. было всего шесть научных публикаций на эту тему, то уже в 2013-2014 гг. это число достигло 48⁷. В плане оценок результатов конфликта также обозначился рост негативного отношения к социально-экономическим последствиям решений, принятых победившей

¹ Островский А. В. 1993. Расстрел «Белого дома». М.: Яуза, Эксмо, 2008. 640 с.; Исаков В.Б. Госпереворот. Парламентские дневники 1992-1993. М.: Палея, 1995. 473 с.; Воронин Ю.М. Свинцом по России. М.: Палея, 1995. 312 с.; Поляков Ю. Это был военный переворот, и надо называть вещи своими именами. // Вечерний Петербург [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vppress.ru/stories/Yurii-Polyakov-Eto-byi-voennyi-perevorot-i-nado-nazyvat-veschi-svoimi-imenami-19819> 22.08.19 (Дата обращения: 22.08.19) и др.

² Абушахманова Н.З. Реформирование высших органов власти советской представительной системы, 1985-1993 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. Москва, 2001. 205 с.

³ Тарасова Е. А. Российские конституционные кризисы 1992 - 1993 гг.: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 : Санкт-Петербург, 2004. 232 с

⁴ Малхозова, Ф.В. Конституционно-политический кризис в России 1992-1993 гг.: дис... кандидата исторических наук: 07.00.02. Москва, 2005. 203 с.

⁵ Меркулов И. В. Разработка, обсуждение и принятие конституции Российской Федерации: 1990-1993 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. Саратов, 2006. 202 с.

⁶ Штин К. Н. Конституционно-политический кризис в России: 1990-1993 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Москва, 2006. 188 с.

⁷ Поняев И. Динамика представлений о политическом кризисе 1993 г. в России // Вестник РУДН. 2017. № 4. С. 414.

стороной, что и подтверждается статистикой: в 2013-14 гг. положительных оценок – 4, нейтральных – 18, негативных – 26¹. Горькие последствия кризиса, завершившиеся дефолтом 1998 года, были отмечены и президентом В.В. Путиным на «Прямой линии» 20 июня 2019 г.: «Развалено было практически всё, страна лежала в руинах!»².

Тема «чёрного октября», в художественной литературе современной России не нашла такого широкого отклика, как, например, революции 1905 или 1917 годов, вызвавшие тектонические сдвиги в культурно-творческом сознании нации. Однако нельзя сказать, что 1993 год остался незамеченным российскими писателями. О реакции отечественной литературной общественности на «деяние 1993 года» красноречиво пишет Владимир Бондаренко, отмечая интерес к нему, прежде всего, со стороны патриотических писателей – Юрия Бондарева, Василия Белова, Сергея Есина, Татьяны Глушковой, Леонида Бородина, Сергея Алексева – и абсолютное молчание со стороны «ельцинской придворной интеллигенции – от Никиты Михалкова до Булата Окуджавы»³.

Одним из первых «художественных» откликов на так называемый «конституционный кризис» был рассказ Вячеслава Дёгтева «Свобода» из сборника «Крест»⁴

. Он посвящён его трагической развязке событий 1993 года, когда борьба за будущее страны разделила общество на два непримиримых лагеря. В рассказе Дёгтева эта роковая граница пролегла между двумя родными братьями, один из которых оказался среди защитников Верховного Совета («гиблого дела»), а другой – штурмующим его омовцем, «прельщённым шалыми деньгами». Построенная на неожиданных перипетиях фабульная простота этого рассказа обманчива. За фасадом незамысловатых образов и немного надуманного действия открывается глубина потаённых смыслов, превращая политический конфликт в

¹ Там же. С.414

² Полная стенограмма прямой линии с Владимиром Путиным – 2019 // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kuban.kp.ru/daily/26992/4052814/> (Дата обращения: 29.08.19).

³ Бондаренко В. «Красно-коричневый» (Владимир Бондаренко – о новом романе Александра Проханова). // Газета Завтра. 1993. № 6. С.13.

⁴ Дёгтев В. «Крест» / Серия: "Русская современная проза". Издательство: "Андреевский флаг", 2003. 448 с

развёрнутую метафору предсказанного Христом века великих гонений, когда «предаст брат брата на смерть, и отец – сына» (Мф. 10:21). Мотивы «узилища и казни», «греха и покаяния», «любви и ненависти», «возмездия и прощения», «свободы и смерти» придают рассказу притчевый характер, выводя его за рамки банальной конфликтологии в сферу религиозно-философского осмысления исторических фактов. Подобный подход, но уже в эпическом масштабе, мы увидим в романе Л. Бородина «Трики, или Хроника злобы дней».

К знаковым художественным сочинениям, где борьба президента с парламентом в 1993 году стала основой сюжета, прежде всего, относится роман Александра Проханова «Красно-коричневый» (1999) – о трагической судьбе одно из защитников Верховного Совета. Особое место в этом же ряду занимает роман Л. Бородина «Трики, или Хроника злобы дней» (1998), где автор рассматривает события 1993 в философско-историческом разрезе как результат духовного кризиса в стране. Если действие романов Проханова и Бородина проходит в историческом времени, то пожилой герой новеллы В. Маканина «Белый дом без политики» (2006) живёт в бытовом контексте, и его неожиданная сопричастность политическим событиям есть следствие угасающих половых инстинктов. Мораль рассказа проста: человек имеет право жить без политики. В фантазмагории Л. Юзефовича «Журавли и карлики» (2009) события 93-го служат одной из иллюстраций темы самозванства. Нельзя не согласиться с М. Кильдяшовым в том, что «1993 год – это незавершающееся противостояние сначала обороняющих и осаждающих Дом Советов, потом – фактов и свидетельств с обеих сторон, а затем – образов. Сейчас это противостояние выходит на новый этап, когда бороться будут уже интерпретации образов. Историческая схватка теперь разворачивается на поле трактовок литературы. И здесь тоже можно либо выпустить танковый снаряд в белое здание, либо выйти с иконой под пули снайперов»¹.

Книга Сергея Шаргунова «1993. Семейный портрет на фоне горящего дома» представляет собой особый взгляд на молодые годы российского суверенитета.

¹ Кильдяшов М.А. 1993-й: битва образов. // [Электронный ресурс]. URL: https://zavtra.ru/blogs/1993-j_bitva_obrazov (Дата обращения 19.04.20).

Это своеобразная семейно-историческая хроника в политическом обрамлении. Её автор – публичный политик с безукоризненной репутацией, талантливый писатель, главный редактор популярного журнала «Юность». Это человек с «политическим задором» и с «определённым нежеланием смолчать»¹, когда что-то противоречит его моральным принципам. Его гражданская позиция не является тайной за семью печатями. С. А. Шаргунов член фракции КПРФ в Государственной Думе, сторонник подлинной демократии, социально-ориентированного государства, русского культурного ренессанса на основе духовных ценностей. При всём консерватизме его политических взглядов, вряд ли его можно назвать ретроградом, поборником уходящей натуры – советской литературной классики. Это мастер смелого эксперимента, конструктор необычных, в меру экстравагантных, мировоззренческих и художественных моделей. В его обращении с русским словом чувствуется рука большого художника, сумевшего соединить всё лучшее, что было создано национальной традицией, с новыми подходами, самобытным видением натуры и умением придать ей яркие, неповторимые формы².

Роман «1993», вышедший в 2013 году, стал четвёртым в его творческой биографии и, по мнению критиков, на тот день считался лучшим его произведением. Полное название романа – «1993. Семейный портрет на фоне горящего дома» – предполагает синтетический жанр, объединяющий два начала: семейное и политическое. Здесь также есть элементы Bildungsroman, семейной хроники, психологической прозы, социальной критики и т.д. Всё это обусловило разнообразие критических подходов и оценок романа.

Павел Басинский из «Российской газеты» главной заслугой Шаргунова считает демократизм его произведения, то есть погружение в «удивительную, потаенную от публицистики сферу в той стихии, которая в 1993-м встала на сторону защитников Белого дома, не испытывая к парламентским вождям особенной симпатии. Критик подчёркивает, что писателя привлекают подлинные

¹ Есин С. Н. Дневник-2015. М.: Академика, 2017. С. 272.

² Шаргунов С.А. Отрицание траура // Новый мир №12. 2001. С. 179-185.

человеческие чувства, переживания несправедливости, и даже злость, органически не присущая нашему народу, но «распалённая безрассудной политикой»¹.

Владимир Бондаренко выделяет многоплановость романа «1993», в котором наряду с социально-историческим аспектом чётко созданы непростые характеры, действующие в «обжитом», «достоверном», «социально точном» художественном пространстве. Критику импонирует стремление писателя следовать традиции И. Бунина и В. Катаева, то есть трансформироваться из «писателя социального» в просто «объективного» художника без тенденциозности и «назойливого эстетства». Несмотря на «изжитость» и «бесперспективность» главного героя – «ватного советского богатыря» – Виктора Брянцева, критик считает роман Шаргунова «устойчиво» жизнелюбивым и оптимистичным².

Андрей Десницкий, представляющий интернет-издание «Православие и мир», в оценке идейного содержания романа предлагает абстрагироваться от социально-политической «суеты сует» и увидеть корни политической вражды в неумении человека стать счастливым, а именно: «в неумение строить собственную жизнь, договариваться, находить общее и хранить главное». Поэтому причина трагедии – «не в политике, не в истории, а вот в этом подмосковном маленьком домике, где живут два родных и необходимых друг другу человека, не признающих этого родства до самой смертной своей черты»³.

Дарья Ефремова в своём «импрессионистском» очерке о романе Шаргунова считает, что автор в духе Л. Толстого и М. Шолохова «использует хорошо освоенную в русской литературе сюжетную модель: жизнь семейства на фоне смены исторических декораций». Суть романа критик определяет следующим образом: «Под вой сирен, бабьи причитания и матюги враждующих сторон разворачивается не просто очередная семейная драма. Вершится судьба человека.

¹Басинский П.В. Вышел новый роман Сергея Шаргунова.// [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2013/10/25/shargunov.html> (Дата обращения 22.05.2019).

² Бондаренко В. Опять на распутье? // [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2013/10/22/1661> (Дата обращения: 26. 05. 19).

³Десницкий А. Семейный портрет на фоне горящего дома // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/semejnyj-portret-na-fone-goryashhego-doma/> (Дата обращения: 15.05. 2020).

Обычного, из народа. С мечтой о бессмертии». Социальное многоголосие романа, по мнению Ефремовой, не заглушает его главной идеи: любовь сильнее вражды¹.

Критик из «Русского журнала» Дмитрий Лисин, оценивая роман Шаргунова, отдаёт приоритет его семейно-бытовой ипостаси, полагая, что жизнь семейная, по сути, есть жизнь народная, которая «лежит глубже всех бунтарских площадей 1993-его и 2012-го». Главной трагедией героя критик считает его «хроническую советскую пригашенность, заторможенность, приглушённость сознания». Поэтому рассказанная Шаргуновым история «безальтернативна во внутреннем смысле – какие угодно события, не эти – так любые другие, обслуживают внутреннюю, душевную логику каждого отдельного человека». Что касается политических событий, то в их чередовании, по утверждению критика, тоже есть «железная логика», которая, обеспечивая связь времён (Ельцин – Путин – 1993 – Болотная площадь), отражается в «неизбывно тревожной» судьбе простой российской семьи².

Леонид Подольский считает тему романа Шаргунова чрезвычайно востребованной, поскольку, во-первых, политическое противостояние осенью 1993 года было событием «огромного масштаба», во-вторых, как ни парадоксально это звучит, оно не нашло «адекватного отражения в современной российской литературе» и по сей день противоречиво оценивается в обществе. Что касается художественного метода, то особо подчёркивается рафинированный реализм писателя, равномерно сочетающий элементы семейной саги с политикой. Подольский справедливо считает, что значение любого события определяется его результатом и последствиями, поэтому многие, кто осенью 1993 года был на стороне Ельцина, сейчас на политику «реформаторов» смотрят иначе. «Если бы, победив, – пишет критик, – они провели действительно демократические реформы и сделали Россию счастливой, история признала бы их правоту»³.

¹ Ефремова Д. Еще раз про любовь // [Электронный ресурс]. URL: <https://portal-kultura.ru/articles/books/8491-eshche-gaz-pro-lyubov/> (Дата обращения: 26.05.19).

² Лисин Д. Вдоль книжной полки «1993» // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/19932> (Дата обращения: 25 мая 2019).

³ Подольский Л. Семейный портрет на фоне истории // [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/lit/2013-11-21/5_dom.html (Дата обращения: 25.05.19).

Главное достоинство романа Шаргунова Захар Прилепин видит в отходе молодого автора от захватившей современную российскую прозу пандемии эгоцентризма – маниакального описания «своих отражений в кривых зеркалах». Выступая в роли критика, популярный писатель литературоведчески, не поддаваясь субъективным ощущениям и установкам, подчёркивает гибридность жанрового своеобразия романа «1993», включающего в себя черты городской прозы, производственного романа, признаки моралите и дидактичности без «цветов зла». Он также обращает внимание на строгость композиции и язык произведения – «предельно простой, ровный», с минимальной метафоричностью. В этом усматривает реакцию Шаргунова на справедливую критику его ранних работ за их «кудрявый – идущий в первую очередь от катаевского мовизма – слог»¹.

Главным смысловым центром романа Шаргунова Андрей Рудалёв считает образ центрального героя Виктора Брянцева – «ватного богатыря», «чудака в ожидании чуда», живущего не по своей воли в мире чуждых ему ценностей. Отсюда – стержневая коллизия произведения между «форматом советского мировосприятия» с его чувством коллективизма и законами нового времени с их ставкой на «обособленность, эгоизм и негероичность». Несомненным достоинством романа, по мнению критика, является то, что автор, показывая «полифонию мнений, разных точек зрения, всевозможных течений, из которых состояло общество, избежал опасности превращения текста в агитку». Критик избегает однозначных политических выводов и рассматривает героя как человека, который «сам по себе», но под действием неодолимой силы вынужден участвовать в роковом для него «балагане политического театра»².

Станислав Секретов начинает свой очерк с краткого обзора противоречивых оценок творчества молодого писателя Сергея Шаргунова. С одной стороны, он символ «русского возрождения» (В. Пустовая), «блестящий рассказчик»

¹Прилепин З. Пришел, увидел, рассказал // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2013/10/23/56895-poshel-uvidel-rasskazal> (Дата обращения: 26.06.19).

² Рудалёв А. Пароль: «Девяносто третий» // [Электронный ресурс]. URL: <http://lgz.ru/article/-33-34-6427-27-08-2013/parol-devyanosto-tretyi/> (Дата обращения: 26. 05. 19).

(Ю. Мамлеев), новый Маяковский (В. Бондаренко), с другой, констатируется переоценка художественных возможностей писателя, однолинейные сюжеты, и т.д. Критик озаглавливает свою статью «Праздник непослушания» с намёком на одну из любимейших традиций советских пионерлагерей. Но в контексте времени – это трагическая аллюзия, поскольку «Праздник непослушания» закончился печально не только для семьи Брянцевых, но и для всей страны. Таким образом, роман «1993», как справедливо отмечает критик С. Оробий, – это «отсроченный опыт переживания того, что сегодня модно называть “исторической травмой”». Противоречивость, незавершённость политической парадигмы, заложенной в дни «октябрьского путча», эхом отдаётся в наши дни, поскольку «история движется по спирали», а для современного поколения молодых людей «Единая Россия» и Путин существовали фактически всегда. «Отсюда – восприятие решительных оппозиционных действий как чего-то романтического, неизведанного и очень нужного». С. Секретов подчёркивает, что Шаргунову в полной мере удалось передать живую атмосферу и привлекательность того времени. Мы видим неограниченную свободу политического выбора, людей, выходящих на площади по зову сердца и совести, народных лидеров, которых не ждали за углом шикарные автомобили. Особую актуальность книги Сергея Шаргунова критик видит в том, что писатель «достаточно популярен среди думающей молодежи»¹.

Виктория Шохина из «Русского журнала» считает роман Шаргунова «первой в нашей литературе попыткой показать, как токи истории и политики проходят через умы и души обычных людей». Главное в романе – её трагический пафос, поскольку это рассказ «о том роковом годе, когда в Москве шла малая гражданская война. Когда ни за грош убивали людей. Когда этос нации подвергся беспощадной деструкции: пропадала вера в справедливость и закон, всё теряло смысл. События эти до сих пор не остыли, по крайней мере, для тех, кто о них думает и вспоминает. Тому свидетельством приуроченные к 20-летию «Чёрного Октября» телепоединки – яростные, страстные и пристрастные». Помимо этого,

¹Секретов С. Праздник непослушания. // Знамя, №5, 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2014/5/23s.html> (Дата обращения: 26.06.2019).

«весь роман – как зона напряжения, сквозь которую проходит и бьётся предчувствие общей беды». Герой, считающий, что «высшее назначение человека – борьба за других людей», бросает вызов превосходящим его силам и гибнет. Но при всём этом роман Шаргунова – не публицистика (антиподом роману Шаргунова, по мнению критика, является «Красный свет» Максима Кантора), а качественное художественное произведение, отличающееся метафорическим единством многообразия настроений, мыслей, предчувствий, символов и аллегорий¹.

Несмотря на разнообразие мнений, все выше приведённые характеристики книги Сергея Шаргунова «1993» рассматривают её с точки зрения взаимодействия двух её пластов: семейно-бытового и политического. Чаще всего оценка, в той или иной мере, даётся с позиции общечеловеческих ценностей, то есть трагедия семьи Брянцевых состоит в том, что Виктор и Лена, поддавшись смутным политическим порывам, забывают о домашних обязанностях, отдаляются друг от друга и, в конце концов, губят семью. Немало внимания уделяется также психологическим портретам персонажей, не отличающимся особой сложностью. Что касается политической составляющей романа, то практически во всех статьях (кроме В. Шохиной), она рассматривается либо как нечто вторичное, либо как откровенный «балаган» (Рудалёв), в лучшем случае как фактор, способствующий решению главной художественной задачи: исследовать историю семьи на историческом изломе эпох. Возможно, это потому, что сам Шаргунов обходится без резких акцентов, что вполне соответствует фактографии «исторической хроники». В некоторых комментариях слышится неолиберальный акцент: «советская приглушённость сознания» (Лисин), несуразность российской истории (Десницкий), личное важнее общего (Десницкий), культ неограниченной свободы (Секретов) и т.д. Но вряд ли авторский замысел сводился к тому, чтобы показать «историю души человеческой» в эпоху, когда положение в стране рассекает пополам жизнь уже сложившейся личности на две несовместимые

¹ Шохина В. Коза Ася и Черный Октябрь // Русский журнал. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Koza-Asya-i-CHernyj-Oktyabr> (дата обращения: 25.05.2019).

части и вынуждает её жить в мире чуждых ценностей (Рудалёв). Безусловно, это порождает в сознании определённый дискомфорт, но ни один из персонажей романа не похож на героев Достоевского, Толстого или Чехова, мучительно обретающих своё личностное «Я» на тернистом пути проб и ошибок. А вот политический пласт произведения, действительно, чрезвычайно значим. Прежде всего, он имеет огромное общественное значение, поскольку посвящён одному из поворотных моментов нашей истории, что подтверждается и названием романа, где на первом месте стоит «политический» год -1993. Политика важна для писателя как в личном, так и в профессиональном плане – ведь Шаргунов, ещё подростком, был свидетелем и в некоторой степени участником тех событий. Затем работал в думской комиссии по их расследованию. В статусе уже публичного политика неоднократно заявлял, что считает своим гражданским долгом восстановление исторической истины. Важнейшим шагом на этом пути стал роман «1993. Семейный портрет на фоне горящего дома». Учитывая всё это, мы полагаем, что главным мотивом написания романа была его политическая тематика, а семейно-бытовой аспект в том варианте, который мы видим в сюжете, стал наиболее подходящим *средством* её художественного исследования. Любой другой подход превращал бы роман-хронику в роман-памфлет, значительно сужая его идейно-эстетические рамки. Мы полагаем, что политический дискурс является главной составляющей художественного мира романа и поэтому заслуживает системного филологического анализа.

Примечательно то, что название книги С.А. Шаргунова заставляет вспомнить ряд произведений с обозначением года в их названии: утопию Л.-С. Мерсье «2440-й год» (1771), антиутопии Дж. Оруэлла «1984» (1948), книгу Э. Бёрджесса «1985» (1978), повесть Д. Далоша «1985» (1983). Между ними, несмотря на различие художественных задач, можно найти немало параллелей, поскольку все они касаются политической проблематики, определяющей их жанр. Но более всего произведение Шаргунова созвучно роману Виктора Гюго «Девяносто третий год», погружающему читателя в атмосферу якобинской Франции. Подобное совпадение, с одной стороны, намекает на эпохальную

значимость авторского замысла, с другой, вступает в исторический диалог с событиями двухсотлетней давности. На первый взгляд, между этими романами, кроме названий, нет ничего общего. Действительно, это продукты двух разных художественных методов: романтизма с его приключениями, тайнами и реализма, социологически точно исследующего исторический период. Во-вторых, французский конфликт скорее напоминает российский 1917 год, когда в роли Вандеи выступала Добровольческая армия:

«Старого мира – последний сон:

Молодость – Доблесть – Вандея – Дон.»

(М. Цветаева)¹

Осенью 1993 года раскол не имел классового характера и произошёл внутри «победителей» коммунистической системы, когда в смертельной схватке в центре столицы сошлись вчерашние союзники: Б. Ельцин, А. Руцкой, Р. Хасбулатов и поддерживавшие их политические силы. В России это был конфликт на почве разногласий о курсе дальнейшего развития страны, то есть столкновение между радикальными и умеренными реформаторами: « “Тех же щей, да пожиже влей”, – метко характеризует подобные ситуации русская народная пословица»².

Тем не менее, такой выбор Шаргуновым заглавия не кажется случайным, поскольку оба произведения роднит их центральная коллизия, если рассматривать её в плоскости *цивилизационных* координат. Первые годы постсоветской истории показали различие ценностно-целевых установок у тогдашней элиты и большинства населения. Вместо бурного социально-экономического развития, обещанного реформаторами, страна подверглась уничтожению, законы игнорировались, пропадала вера в справедливость. Именно для борьбы с такой политикой вышли на улицы Москвы 1993 года люди различных взглядов.

Переводя на философско-исторический язык характер конфликтов в романах В. Гюго и С. Шаргунова, можно констатировать, что в обоих случаях имеет место борьба гипертрофированного «модерна» (в современном контексте

¹ Цветаева М. Дон. / Интернет библиотека Алексея Комарова. // [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/2778/p.1/index.html> – (Дата обращения 29.10.19).

² Зюганов Г. Россия над бездной // Наш современник. 1993. № 11. С. 190.

«постмодерна») с «традицией». Во Франции главной мишенью Революции были самодержавие и церковь, та же самая модель реализовывалась в России в 1917 году. Парадоксальным образом эта ситуация зеркально отразилась в московских событиях осени 1993 года, когда защитниками наследия советской системы и социальных институтов, то есть сложившейся за 70 лет «традиции», были сторонники Парламента, а творцами будущего во имя модернизации и европейских ценностей выступали апологеты радикальных реформ. Помимо философской проблематики эти романы сближает ряд не менее важных соответствий. Например, движущими силами и жертвами крупных политических игр становятся, как правило, обыкновенные люди¹. Во-вторых, немаловажная роль отводится фактору родственных связей². Подобная «внутривидовая борьба» – закон гражданской войны. У Шаргунова по разную сторону баррикад оказываются муж и жена, что усиливает взаимную ненависть, и только трагическая развязка переводит ситуацию в «надысторическую» сферу вечных ценностей: прощения, любви, покаяния. В обоих произведениях мы видим реальные публичные фигуры: партийных вождей, депутатов, военачальников, видных политиков, писателей. Обращает на себя внимание и то, что авторской симпатии к этой категории героев в данных романах не чувствуется.

Что касается жанровой специфики произведения, то связью семейно-бытового сюжета с политической тематикой роман С. Шаргунова напоминает «Бесы» Ф.М. Достоевского, где политический дискурс начинается с появления Петра Верховенского (конец первой части). До этого момента действие развивается в русле социально-психологической прозы, а семейно-бытовой элемент выполняет функцию своеобразной предыстории главной, политической части романа. Похожая схема используется и в романе «1993», только «политический поворот» обусловлен здесь не авантюрным появлением героя, а *объективным* фактором поляризации российского общества, вызванной неоднозначностью реформ.

¹ Гюго В. Девяносто третий год; пер. с французского Н. Жарковой. – Текст: непосредственный// Сочинения: в 6 томах..М.: «Правда», 1988. Т. 6. С. 200.

² Там же, с 202.

Более десяти лет в жизни обыкновенной советской семьи Брянцевых мало что предвещало острую политическую развязку. Перестройку они не заметили¹, ГКЧП «восприняли равнодушно»², распуск Советского Союза «не почувствовали»³, на выборах в девяносто первом Виктор голосовал за Амана Тулеева, потому что его имя напоминало ему армейского друга⁴, в газетах и журналах искали только кроссворды. История этого брака типична, а биографии мужа и жены выписаны в духе классической семейно-бытовой прозы: детство, отрочество, юность, надежды, ошибки, радости и разочарования. Вряд ли можно назвать этот союз молодых людей благополучным: «Склочничая, они были сосредоточены друг на друге, словно всё не могли разобраться в чём-то очень важном, что, возможно, навсегда их примирило»⁵. Их брак стал результатом сводничества и кажется искусственным. Исповедующий культ женского добрачного целомудрия муж после первой супружеской ночи чувствует себя обманутым. Это вносит в семейные отношения ревность, недоверие, озлобленность и создаёт неблагоприятную атмосферу для воспитания единственной дочери. Вполне ощутимы в романе и отголоски советского «производственного реализма». Правда, вместо «романтики труда» перед нами натуралистические ужасы московского подземелья, с которыми сталкивается аварийная бригада водопроводчиков, где бывший инженер-электронщик – Виктор Брянцев оказался «не столько из-за общего краха и пропавших госзаказов, сколько из-за накопившейся ревности» к жене, работавшей там же диспетчером⁶.

Несмотря на простоту и линейность сюжета, Шаргунов использует не строго хронологическую, а скорее последовательно-мозаичную пространственно-временную модель с многочисленными ретроспекциями и реминисценциями. Кинематографический приём параллельного показа позволяет автору создать эффект «парадоксальной связи», когда два действия осуществляются

¹ Шаргунов С.А. «1993». М.: АСТ, 2013. С. 183.

² Там же, с. 186.

³ Там же, с. 187.

⁴ Там же, с. 186.

⁵ Там же, с. 171.

⁶ Там же, с. 173.

одновременно, но контрастируют по своей ценностной сущности, создавая своеобразный когнитивный контраст. В качестве примера можно привести эпизод из 25 главы, где совмещаются два одновременных события: бурлящая стихия толпы, прорывающая милицейские заслоны, и безмятежная лесная прогулка равнодушных к политике Тани Брянцевой и Феди Никифорова¹. Такая «несовместимая синхронность» абсолютно разных миров есть и в эпицентре событий – в Москве. Характерна в этом плане встреча Виктора в одной из подворотен с молодым человеком, сидящим на асфальте, усыпанным лилиями. Этот тип из «новых русских» таким необычным образом поминает застреленного на этом месте своего друга – директора фирмы «Диам», криминального дельца – Илюху Медкова. Для него такие понятия, как «Красная Пресня», «осень 1993» имеют особое, «личное» значение, абсолютно не связанные с тем, что происходит вокруг, то есть с толпами бегущих людей, с «ОМОНОм, который лупит и топчет людей, и сталкивает по эскалатору...»². Виктор ощущает в этом дисбалансе смыслов «какое-то новое измерение жизни, в котором одно связано с другим, и всё важно, где заранее был заготовлен смутный двор с белыми бутонами, в сумерках похожими на шары зефира»³. Всё это свидетельствует о сложности социального расклада в российском обществе в один из критических периодов его новейшей истории. Неудивительно, что эти первые признаки атомизации ещё вчера единого общества кажутся герою «новым измерением».

В некоторых случаях подобный монтаж осуществляется с помощью телевизионной техники, сводящей события, происходящие в разных местах, в одну точку. Так, например, мы видим одновременно и московские беспорядки, и реакцию Лены Брянцевой на участие в них своего мужа, случайно попавшего в кадр⁴. Помимо композиционно-структурной функции приёмы телевизионной режиссуры, особенно в построении мелодраматических сцен, иногда

¹ Шаргунов С.А. «1993». М.: АСТ, 2013. С. 497.

² Там же, с. 442-443.

³ Там же, с. 443.

⁴ Шаргунов С.А. «1993». М.: АСТ, 2013. С. 473.

воспринимаются как своеобразная дань писателя мыльно-оперной эстетике экзальтированных реакций и случайностей.

Хронологическое время главного «политического» действия романа очерчено знаковыми в истории Москвы событиями: взрывом бензовоза с многочисленными жертвами 24 июня 1993 года и расстрелом толпы возле Останкино вечером 3 октября того же года. При этом первая трагедия как бы символически предвосхищает вторую. Художественное время с многочисленными экскурсами в прошлое охватывает более полувека, а границы периодов с дневниковой аккуратностью фиксируются автором.

В романе задействована условно-рамочная композиция. Мы говорим «условно», потому что функция этого приёма в данном случае является не сюжетобразующей, а идейно-символической. Роль рамки играют написанные курсивом пролог и эпилог романа, представляющие собой два эпизода, связанные с массовой политической манифестацией на Болотной площади 2012 года. Сюжетно они не вписываются в событийную канву романа и кажутся инородными вкраплениями. Но роль их значительна. Используя мотив идейно-генетической преемственности поколений («протестный организм» отца передаётся сыну¹, они придают произведению образ развёрнутой во времени метафоры незатухающего в России революционного процесса. Андрей Десницкий увидел в этом образ бесконечной исторической вертикали «борьбы противоположностей»: «...Дом горел не только в октябре 93-го, и не только в Москве. Коммунисты и демократы, красные и белые, славянофилы и западники, дворяне и пугачевцы, бояре и Петр, стрельцы и старообрядцы – кто там еще глубже, Рязанское княжество против Владимирского, так? И пусть одна из сторон заливает горящий дом кровью – тлеет, тлеет подспудно новый уголек, чтобы дать начало новому пожару»². И в этом смысле нельзя не согласиться с критиком

¹ Там же, с. 301.

² Десницкий А. Семейный портрет на фоне горящего дома // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/semejnyj-portret-na-fone-goryashhego-doma/> (Дата обращения: 15.05. 2020).

«Независимой газеты» Леонидом Подольским, определившим «1993» как очередное «послание власти и всем нам»¹.

Таким образом, в романе С. Шаргунова гармонично, не нарушая целостности его художественного мира, сочетаются семейно-бытовая и политическая тематика, которая, на наш взгляд, является жанрообразующим фактором, определяющим идейно-эстетическую парадигму произведения: исторические и культурные реминисценции, характер конфликта, пространственно-временные решения, композиционную структуру текста.

2.2. Традиционалистские автостереотипы романа

Роман С. Шаргунова содержит немало идей и образов, характерных для консервативной литературы. Прежде всего, это изображение героев в диахроническом плане, то есть не абстрактно и отчуждённо с привкусом изгойства или сиротства «без рода и племени», а в семейно-историческом плане. Мы знаем происхождение и социальный статус родителей Виктора и Лены, видим, как складывалась их жизнь в СССР в 1950 – 1960 гг. Человеческая природа и история сливаются в единое целое в характерах этих людей. Мама Лены была «кубанских кровей, статная, искристая, порывистая, властная, круглый год переполненная летом»². Виктор – из русской глубинки – Нововятска Кировской области. «Мама Вера, медсестра, работала сменами по двенадцать часов. Бабушка Антонина Андриановна жила неподалёку – в деревне Шельпяки, за железной дорогой и леском, работала в колхозном саду вдобавок возделывала свой участок. Ягоды носила на рынок в Киров – пешком восемь километров по тропинке вдоль железной дороги..., маленький Витя частенько следовал за ней»³. В одной незамысловатой жизни отражается судьба всей страны. Так образы Виктора и Елены наряду с личностными качествами и жизненным опытом несут в

¹ Подольский Л. Семейный портрет на фоне истории // [Электронный ресурс]. URL:http://www.ng.ru/lit/2013-11-21/5_dom.html (Дата обращения: 25.05.19).

² Шаргунов С.А. «1993». М.: АСТ, 2013. С.80.

³ Там же, с. 27.

себе и родовую генеалогию как составную часть национально – исторического хронотопа.

Не последнее место в романе занимает тема природы, хотя живописных картин в духе М. Пришвина или К. Паустовского у Шаргунова нет. Образ подмосковного леса в романе довольно лаконичен. Было бы преувеличением назвать его «мифологическим», а похотливый лесник Сева совсем не похож на обаятельного гамсуновского Пана. Это не роща со «священным дубом» и не приют для аскетических медитаций христианских подвижников, хотя автор, говоря о северном лесе, не может не вспомнить о Радонеже с намёком на картину М. Нестерова «Видение отрока Варфоломея». Мальчик Федя, симпатизирующий Тане Брянцевой, рассказывает: «Сергий на поле святым стал. Он, когда ребёнком был, шёл и на поле встретил старика, и тот ему молитву сказал, и Сергей святым стал. Может, на этом поле»¹. Однако этот образ не находит отклика в душе его незадачливой спутницы. Иногда пейзажные зарисовки содержат неожиданные «церковные» ассоциации: «На извилистом основании дикой сирени ему попало небольшое семейство опят, гладких и строгих, напомнивших почему-то церкви Кижи с календаря...»². Иногда в лаконичных природных образах чувствуется осенний хмель античных дионисий: «Август девяносто третьего дошёл до середины, прихрамывая и полнея, наливаясь винным, всё более кислящим соком»³. Любовные сцены на лоне природы откровенно пародируют поэтику куртуазных пасторалей. Нет в шаргуновском лесу ни извилистых путей познания мира, как в фолкнеровском «Медведе», ни «экологической мудрости», как в прозе Л. Леонова или В. Распутина. Скорее, лес изображён в просветительской манере: природные явления демифологизированы, а в антитезе «город – природная среда» чувствуется руссоистский принцип. Сказка ушла из подмосковного леса. По мрачной иронии остался лишь ресторан с таким названием – гнездо местных бандитов. Но нельзя сказать, что художественная функция пейзажа исключительно декоративная. Прежде всего, это психологический фактор –

¹ Шаргунов С.А. «1993». М.: АСТ, 2013. С. 254.

² Там же, с. 419.

³ Там же, с. 245.

умиротворяющее начало, характерное для «деревенской» прозы, где живая природная среда противопоставлена суете и холодной геометрии городских улиц. Для Виктора это мир красоты, покоя и детства: «...Осень пахла тёртым бабушкиным яблоком из далёкого детства и выглядела так же – желтовато-коричневой кашей с вкраплениями зелёной кожицы. На мгновение ему захотелось навсегда остаться в роще, забыться и затеряться»¹. Пятиклассница Таня Брянцева в сочинении «Моя милая родина» о любви к своему краю пишет искренне и просто: «В нашем посёлке есть два больших леса и прекрасный воздух. Много сирени, жасмина и яблок. ... У нас спокойно. Хорошо у нас! Благодать какая!»². К тому же, для многих посельчан лес – один из источников жизни: здесь собирают грибы и ягоды, пасут скотину. В некотором роде это и композиционный приём, поскольку ритмичное чередование городских и сельских сцен придаёт действию своеобразную гармонию: полифонию звуков, красок, настроений и чувств. Природа активно присутствует на страницах романа: успокаивает, подсказывает, противопоставляет своё миролюбие человеческому насилию («долгой борьбе»): «Сырая свежесть встретилась с припекающим солнцем, и мир казался удивительно безмятежным, лишенным всякой хищности, как будто среди такого дня ни у кого и в мыслях не может быть ничего злого»³. Накануне трагической развязки политического конфликта охлаждает ливнем страсти восставших, предупреждает о трагедии⁴.

Подлинным украшением поэтики романа является фольклорный дискурс: многочисленные пословицы, поговорки, присказки, народные приметы («грибное лето к войне»), забавные поверья («компот для бессмертия» или «от сквернословия зубы гниют») и т.д. Ярче всего фольклор проявляется в речи мачехи Лены, Валентины Алексеевны, носительницы народного творческого начала. «О личном Валентина говорила пословицами – то ли народными, то ли выдуманными ей собой: «Девичьи годочки вянут, как цветочки. Кавалеров много,

¹ Шаргунов С.А. «1993». – М.: АСТ, 2013. С. 421.

² Шаргунов С.А. «1993». М.: АСТ, 2013. С. 176.

³ Там же, с. 474.

⁴ Там же, с. 330.

муж один. Замуж не возьмут, считай не жила»¹. Анекдоты и байки в стиле фантасмагории с моралью «хороший левак укрепляет брак» постоянно звучат в конторе аварийной бригады. Следует отметить, что этот аспект художественного мира произведения насыщен, многослоен и, безусловно, требует отдельного исследования.

Фольклорный элемент в романе перекликается с многочисленными метафизическими смыслами, которые, следует отметить, нисколько не противоречат его реалистической природе. Тане, девочке далёкой от политики, снится *вещий сон*, фотографически передающий грядущие уличные беспорядки: «каменный истукан, вроде того, что на острове Пасхи», «стальное кольцо щитов», «мольба и возмущение простых и бедных», выстрелы и убитые². Привлекает внимание православных *пророческое ясновидение* матушки Магдалины в Дивеево: «Сентябрь, октябрь» звучат в её устах как предупреждение о «времени бесов»³. Иронически воспринимается сидящими за поминальным столом *астрологическое предсказание* Августы Густавовны из Белого братства: «Осенью закончится эра Рыб. Старый мир погибнет в языках огня»⁴. Эпатажно звучит *пророчество* вещающего на митинговой площади язычника: «Осенью, двадцать первого сентября приглашаю на день Сварога. Праздник перелома. Светлые боги ослабнут. Солнечного Дажьбога встретит Марена. Она – богиня смерти. День тяжёлый и жестокий»⁵. *Мрачные интуиции* в духе языческого ритуала посещают Виктора в момент, когда восставший люд, празднующий победу, устремляется на грузовиках в Останкино: «Он провожал их долгим взглядом, и ему казалось: они несутся напрямиком к прощальному солнцу»⁶.

С образом главного героя связаны мотивы «чуда» и «бессмертия». Интересно то, что эти понятия, выходящие из круга реального природного порядка, в научном сознании Брянцева ассоциируются с перспективой

¹ Шаргунов С.А. «1993». М.: АСТ, 2013. С. 81.

² Там же, с. 110.

³ Там же, с. 103.

⁴ Там же, с.94.

⁵ Там же, с. 104.

⁶ Там же, с. 512.

бесконечности, вполне соответствующей законам астрономии, физики или биологии. И в этом смысле «метафизика» героя вполне материалистична и не связана со сверхъестественным началом, следовательно, не имеет религиозного характера. Прежде всего, это сила, преодолевающая земную ограниченность бытия. Символическими актами преодоления земной гравитации становятся для Виктора отпечаток его пальца на одной из схем Лунохода и конструирование из жестяных банок телескопа, открывающего визуальный путь в бесконечность вселенной. Следует отметить, что эта грань «чудесного» не является единственной в мироощущении героя. В заключительной части романа мотивы «чуда» и «бессмертия», звучащие уже в политическом контексте, выходят за рамки научно-физического понимания и обретают нравственно-этическое, духовное значение с намёком на закономерности высшего порядка. «А кто на улицу пошёл? – объясняет Виктор дочери. – Простые люди. Они бессмертие чувствуют. ... У Ельцина всё – ОМОН, армия, деньги, башня в Останкино. А у нас что? Камни... Если мы победим, это будет чудо. ... Жизнь – это чудо. Ведь тело мы..., в котором сердцебиение гонит кровь по кругу, недолго оно бьётся, сердце, и поминай как звали, гниёт в земле. ... Эта плоть и придумала, что есть время, а она вроде бы человеческий мир¹. Этот сбивчивый монолог, запутавшегося в собственных мыслях человека, содержит несколько философски интересных намёков. Прежде всего, это ощущение антиномии биологического и духовного начал в природе человека, а, следовательно, – дихотомию смыслов в понимании феномена «чудо». Это свидетельствует о появлении в жизни Виктора Брянцева нового «измерения» отличного от «полумистического параллелизма», испытанного им после встречи с молодым криминальным коммерсантом. Вряд ли можно говорить о причастности героя к жизни этого высшего порядка, поскольку Виктор не является человеком религиозным, но перспектива его преображения вполне ощутима в его рассуждениях и чёткой нравственной позиции. Этот мотив находит своё не «теоретическое», а реальное продолжение в финале романа – у

¹ Шаргунов С.А. «1993». М.: АСТ, 2013. С. 482.

Останкино, где вновь звучит слово «чудо» в устах людей, которые, подобно Христу, «смертью смерть поправшего», отдают жизни за свою правду¹.

Интересна также «философская дуэль» между отцом, одержимого идеей бессмертия, и дочерью, с детских лет заражённой «вирусом смерти». Читая «Трёх мушкетёров», Таня думала о том, что все герои романа уже умерли. Мысленно хороня родителей, подружку, кошку, козу, она «стонет от непереносимости сострадания»². Думает о смерти, засыпая и просыпаясь³. На похоронах отца Риты, «бледная как смерть», похожая на героиню Эдгара По, представляет себя в гробу и могиле⁴. В психоаналитическом смысле (по Фрейд) Татьяна Брянцева представляет собой классический пример постоянной борьбы между двумя влечениями: Танатос и Эрос противодействуют друг другу, и между этими двумя инстинктами находится «Я» героини. Эрос, нарушая спокойствие, подчиняет её жизнь непреодолимой жажде удовольствия. А «смертные» инстинкты стремятся к покою и увлекают за собою человека⁵. На наш взгляд, подобное экстравагантное толкование упрощает ситуацию. Но если рассматривать отношение «бессмертия» и «смерти» в серьёзном философском разрезе, то получается довольно сложная картина. Каким бы светским ни казался этот диалог родных людей, своими корнями обсуждаемая тема уходит в религиозную почву, хотя этот глубинный пласт проблемы даже не ощущается героями, поскольку их мироощущение – продукт материалистического детерминизма, то есть «естественного» объяснения различных природных явлений. Заикленность героини на идее «смерти» не оригинальна, ибо смерть, с одной стороны, действительно есть «удел всего живого на земле», с другой – это навязчивый предмет раздумий большинства меланхолических натур. Эта тема прекрасно освоена мировой классикой от Шекспира, Гёте, По и Достоевского до Джойса, Камю, Спарк и Мамлеева. Главным чудом, нарушающим этот естественный «путь всякой плоти», во власти

¹ Шаргунов С.А. «1993». М.: АСТ, 2013. С. 562.

² Там же, с. 179.

³ Там же, с. 179.

⁴ Там же, с. 63.

⁵ Танатос - бог смерти в мифологии // [Электронный ресурс]. URL: <https://womanadvice.ru/tanatos-bog-smerti-v-mifologii> (Дата обращения: 30.08.2019).

которого оказалось сознание юной героини, было Воскресение Христа. «Если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна: вы ещё во грехах ваших» (1 Крф. 15:17) По законам природы подобное чудо немислимо. Не все апостолы в него поверили, например, Фома сомневался в нём, пока сам не увидел воскресшего Спасителя. Факт «пустого гроба» логически пытались объяснить иудейские старейшины, но их басни об «украденном теле» не погасили веру в чудесное Воскресение. Молодая героиня Шаргунова напоминает «ветхого человека», «истлевающий» образ которого апостол Павел призывал христиан сбросить с себя (Еф. 4:22). Поэтому неудивительна одержимость этой выросшей в скандальной семье девушки танатофобией – навязчивым страхом смерти. Пафосный ответ подобному состоянию души звучит в стихах Джона Донна, представляющих собой поэтический образ слов апостола Павла «Последний же враг истребится – смерть» (1, Крф. 15:26):

«Смерть, не тщеславься: се людская ложь,

Что, мол, твоя неодолима сила...

.....(пер. Д.В. Щедровицкого)

В христианской антропологии готовностью умереть измеряется храбрость, верность, надежда, любовь, вера. Но при этом для христианина земная жизнь не теряет свою цену, наоборот, она остаётся величайшим благом, и он должен наполнить каждое её мгновение светом Христовой любви¹. При всей своей природной доброте и отзывчивости Таня Брянцева живёт под игмом своих страстей, инстинктов и смутных интуиций в мире враждебных ей сил, где нет настоящей дружбы, любви, искренности. Интеллектуальная ограниченность, тотальное отсутствие духовного зрения не позволяют ей сделать осознанного, правильного выбора. Отсутствие нравственных основ поведения зачастую превращает её в жертву неблагоприятных обстоятельств. Упорное отрицание (в отличие от отца) чего бы то ни было «чудесного», желание не признавать, не видеть, не чувствовать прорывов в мир несказанного, необъяснимого,

¹ Епископ Александр (Семенов – Тянь-Шанский). Православный Катихизис. – М.: Издание Московской Патриархии, 1990. С. 111.

романтического свидетельствует о нравственной слепоте и духовной узости этой героини.

Органично вписывается в данный «метафизический» контекст эпический мотив *богатырства*. Один из семейных разговоров завершается упрёком жены в адрес растрёпанного, подвыпившего мужа. Интересно то, что тему о поиске смысла жизни жена иронично связывает с образом мужа – «ватного богатыря»: «Большой, да силенок не ахти. Ватный. Так тебя и зовут: ватный. Не Витя, а ватный»¹. Брянцева понимает силу в земном, физическом смысле. И философия библейских аллегорий типа «Лук сильных преломляется, а немощные препоясываются силой» (1Цар, 2:4) ей недоступна. В этой сцене также есть несколько символических намёком. Сначала глаза Виктора заслоняет «пелена нарождающегося красного флага»², затем голос несогласной с матерью дочкой звучит «откуда-то из-за тридевяти земель»³. Мотив «чудесного» невозможен в мещанской обстановке семьи Брянцева, а красная пелена в глазах предвосхищает insult, не позволивший ему совершить, возможно, главной в его жизни «богатырский» подвиг.

Впечатляет *профетическая символика* в романе. В самом начале книги предвестием грядущей трагедии выглядит жуткое зрелище горящих после взрыва бензовоза людей: «И словно специально для толпы случилась драка двух факелов – всё пронеслось с такой скоростью, что не разобрать. Может, это влюблённые хотели отчаянными ударами спасти друг друга. Они обнялись, упали и слились в сияющий ком»⁴. Природные предзнаменования – гроза в Москве 3 октября накануне штурма⁵. Метафизика романа Шаргунова имеет апокалипсический характер, что свойственно многим художникам-реалистам, не чуждым «визионерского» видения действительности. Достаточно вспомнить пугающие наваждения героев Ф. Достоевского, макабрические образы беснующейся Москвы в революционных рассказах Б. Зайцева или мрачные аллегории в новеллистике

¹ Шаргунов С.А. «1993». М.: АСТ, 2013. С. 482.

² Там же, с.482.

³ Там же, с. 483.

⁴ Там же, с. 16.

⁵ Там же, с. 330.

Леонида Андреева. Подзаголовок романа – «Семейный портрет на фоне горящего дома» – символичен и напоминает древнюю истину: «всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит» (1, Мф. 12:25). Виктория Шохина из «Русского журнала» воспринимает главные образы романа как символы: «Горящий дом – это не только расстрелянный Белый дом. Но и дом семейный. И наш общий дом – родина, Россия. ... Россия – это Лена Брянцева, отдающая свою красу первым попавшимся чародеям. То одному, то другому. Порой по пьяному делу. И как-то даже не особенно желая»¹.

Таким образом, особенность восприятия действительности в романе С. Шаргунова заключается в том, что автор традиционные ценности, играющие важную роль в идеологии романа (ностальгия по семейному ладу, особое восприятие природы, приоритет добротолубия в отношениях к окружающим), искусно соединяет с политической сферой, плодотворно используя метафизический элемент, религиозные и фольклорные мотивы, символику и философский подтекст.

2.3. Типология и поэтика политических стратегий в романе

Безусловно, несущей конструкцией художественной архитектоники романа является политический дискурс. Именно он придаёт произведению глубину и драматизм. Без него роман превратился бы в скучное бытописание жизни двух невзрачных людей, конфликты между которыми носят не мировоззренческий, а поверхностный, «вкусовой» характер. Особенность политической темы в романе состоит в том, что она представлена через восприятие обыкновенного человека, сложившегося в советской среде, то есть человека с обострённым чувством справедливости, коллективизма, социальной ответственности. По всей видимости, он относится к той категории «гранинских» инженеров-мечтателей, чьё сознание

¹ Шохина В. Коза Ася и Черный Октябрь // Русский журнал. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Koza-Asya-i-Chernyj-Oktjabr> (дата обращения: 25.05.2019).

формировалось журналами «Юный техник», «Техника молодёжи», «Знание – сила», «Наука и жизнь». Виктор Брянцев не гуманитарий, хотя лирическое начало не чуждо его натуре: он играет на гитаре, любит стихи¹. В. Кожин характеризует пробуждение духовной жизни в перестроечный период следующим образом: «Напряжённые и острые споры о прошлом, настоящем и будущем страны идут сейчас повсюду – и на страницах газет и журналов, и в теле-радио передачах, и на самых различных совещаниях, собраниях и митингах, и едва ли не в каждом доме, в кругу семьи и друзей»². Каждая из «идеологических» групп в перестроечный и «постсоветский» периоды имела свою точку опоры в лице популярных среди российской интеллигенции периодических изданий. В эпицентре конфликта была полемика между либерально-демократическим «Огоньком» (гл. ред. В. Коротич), с одной стороны, и национал-консервативным «Нашим современником» (гл. ред. С. Куняев) – с другой. Однако инженер Виктор Брянцев живёт в стороне от идеологических битв пробуждающейся России. Но очевидные регрессивные процессы в окружающей его действительности, острая тематика «Парламентского часа», бескомпромиссные дебаты на Съездах заставляют его интуитивно сделать политический выбор: он как «борец за правду» и «невольник мужской чести»³ должен быть на стороне тех, кто старается противостоять разрушительным тенденциям. О конкретном раскладе оппозиционных сил он не имеет чёткого представления и о своём месте среди оппонентов режиму не задумывается. В этом смысле показателен эпизод, когда на митинге протестующих он на прямой вопрос «Так ты за кого?» отвечает: «Я ни за кого. За Россию». Видя, что его не понимают, простыми словами говорит: «Я народ наш жалею. ...Я был электронщик высшего класса, космические приборы делал. И кто я теперь? Под землей с трубами. Червяк... Я всегда за правду был. Вот. Я всех хитростей не знаю, я на митинге первый раз в жизни. Но за наших я болею»⁴. Интересно, что к числу «наших» он относит и «демократов»

¹ Шаргунов С.А. «1993». М.: АСТ, 2013. С. 152.

² Кожин В.В. Судьба России: вчера, сегодня, завтра. М.: Мол. Гвардия, 1990. С.6.

³ Там же, с. 181.

⁴ Шаргунов С.А. «1993». М.: АСТ, 2013. С. 322-323.

Руцкого с Хасбулатовым, и пламенного революционера-коммуниста Анпилова. Эта тема продолжается и в последнем акте политической трагедии, когда уже перед осаждённым Верховным Советом на подобный вопрос он отвечает: «Я – русский»¹; тем самым, подсознательно, подчёркивая чужеродность посягнувших на Россию сил. С одной стороны, наивность подобного ответа заставляет вспомнить рассуждение Л.Н. Толстого о психологии упрощённых решений. «Но потребность отыскивать причины, – говорит писатель, – вложена в душу человека. И человеческий ум, не вникнувши в бесчисленность и сложность условий явлений, из которых каждое отдельно может представляться причиною, хватается за первое, самое понятное сближение и говорит: вот причина»². С другой стороны, природная «соборность» русской души, в основе которой всегда были *справедливость* и *правда*, подсказывает герою необходимость всенародного объединения перед лицом серьёзной угрозы российской государственности. Олег Платонов пишет: «В душе наших предков всегда коренилось обостренное чувство высшей справедливости – жить по правде, вознаграждать, по совести. Недостойно для человека гнаться за богатством, за наживой, руководствоваться голым материальным расчетом. Народная мудрость проводит эту мысль постоянно, и особенно часто в сказках. А.Н. Афанасьев в предисловии ко второму изданию (1873) «Народных русских сказок» отмечает: «...всегда сказка, как создание целого народа, не терпит ни малейшего намеренного уклонения от добра и правды; она требует наказания всякой неправды и представляет добро торжествующим над злобою. (Такова, например, сказка о правде и кривде.)»³.

Примечательно то, что Руцкой и Хасбулатов в романе Шаргунова не воспринимаются как народные лидеры. Для Виктора они лишь одни из тех, кто противостоит существующему режиму, следовательно, стоят за *правду* и *справедливость*. Именно это, а не их конкретные взгляды важны, поэтому и

¹ Там же, с. 446.

² Толстой Л.Н. Война и мир // [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/11/p.276/index.html> (Дата обращения: 30.08.2019).

³ Платонов О. В двух шагах от обрыва /Наш современник. 1989. № 1. С. 5.

классово чуждый им Анпилов попал в число «наших». В этом их главное отличие от Ельцина и Гайдара, которые для большинства своих сторонников стали символами новой России. Возможно, отсутствие яркого вождя в стане парламентариев стало одной из причин их поражения осенью 1993 года.

Главными политическими реалиями в романе стали: расклад социальных сил и эскалация конфликта. Политическая тема представлена в двух идеологических *топиках*: неолиберальном и консервативном. Прежде чем приступить к детальному анализу ситуации, определим характер коллизии, которая не являлась безысходной, требующей радикальной развязки. Подобные конфликты могут развиваться как по линии плодотворного взаимодействия, так и взаимного отторжения сторон. Известно, что тактика дистанцирования и споров усиливает напряжённость в обществе, а установление контактов, обмен идеями, наоборот, способствует сближению и обогащению доктрин, что обеспечивает политическую стабильность¹. События 1993 года могли бы завершиться взаимовыгодным соглашением сторон, поскольку их идеологии были вполне совместимы, и парламентская сторона не предлагала возвращения к коммунистической командно-административной системе, в чём её голословно обвиняли правительственные СМИ. Но «сближения» не получилось, и развитие конфликта пошло по самому неблагоприятному сценарию. Его художественное воплощение в романе Шаргунова в полной мере отражает пафос *непримиримости*. Здесь нет героев-миротворцев и компромиссных вариантов, которые имели место в реальности. Достаточно вспомнить предложения председателя Конституционного Суда В. Зорькина разрядить ситуацию, а также усилия церкви и лично Патриарха Алексия Второго умиротворить враждующие стороны. И, действительно, в конце сентября были моменты, когда, казалось, удастся избежать кровопролития. Но исход был другим.

Итак, присутствующие в романе дискурсные топики в контексте борьбы за власть опираются на конфликтологическую парадигму. По темпу актуализации их

¹Сирота Н.М. Идеология и политика // [Электронный ресурс]. URL: https://ozlib.com/811659/sotsium/ideologiya_i_politika (Дата обращения: 30.09.2019).

можно условно разделить на *статичные* и *динамичные*, то есть на массовое настроение и массовое поведение. По контенту и целям – на *апологетические*, *нонконформистские* и *индифферентные*. К *статичным* мы относим позиции, обусловленные идеологической константностью, проявляющей себя в различных контекстах. Это своеобразный когнитивный уровень, пронизывающий всю ткань жизни (либо художественного произведения), включая как бытовые, так и политические ситуации. Это составная часть тех скрытых сил, которые, по словам Льва Толстого, «бурлят в глубине» исторического моря, несмотря на его обманчивое внешнее спокойствие¹. В конкретно историческом плане это - срез, показывающий моральное состояние общества, расклад сил, политический настрой граждан, степень их доверия к власти – всё то, чем занимается социология, озвучивая свои результаты в процентных рейтингах. Это выражение недовольства соответствует латентной фазе кризиса и не имеет общегражданского масштаба. Шкала этого поведенческого модуса колеблется от чувства психического дискомфорта и лёгких возмущений в виде немногочисленных акций до критического накала флэш-мобов. По образному определению писателя Михаила Веллера, это та «тепловая энергия», которая должна перейти в «механическую энергию преобразования общества»². Как правило, это стадия проходит на фоне пассивной лояльности подавляющего большинства населения. И это обстоятельство не ускользнуло от пристального авторского взгляда на массу «вечерних людей» в электричке: «Они угадывались червячками за сверкающими желтыми квадратами. Почти всем этим людям было всё равно, кто победит в будущей гражданской войне»³.

Идеологической доминантой *статичного* типа в романе Шаргунова является коллизия между старым и новым, а конкретно: резистентность традиции социально-ориентированной государственности агрессивной десоветизации российского социума. В той или иной мере это проявляется во многих сюжетных

¹ Толстой Л.Н. Война и мир // [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/11/p.276/index.html> (Дата обращения: 30.08.2019).

² Веллер М. Веллер о митингах. Что дальше? // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=n71loTmE6P4> (Дата обращения 31.07.2019).

³ Шаргунов С.А. «1993». М.: АСТ, 2013. С. 280.

положениях романа: от бытовых сцен до горячих митинговых споров. Здесь ярче всего проявляет себя реализуемая властью функция социального контроля с использованием стратегий вуалирования и мистификаций. Их цель – унификация поведения в заданных идеологических параметрах, клиширование мыслей, чувств и желаний населения. В терминологии Т. ван Дейка, эти «ментальные образования», являющиеся одновременно когнитивными и социальными формациями, они внедряются в сознание представителей различных социальных групп и становятся ментальными доминантами этих групп в целом¹. Реализацией одной из технологий грубого «внедрения» можно считать референдум 25 апреля 1993 г., целью которого была легитимация неолиберального курса. Делать ставку на доводы рассудка и конкуренцию программ было рискованно, поэтому организаторы пропагандистской кампании давили на элементарную сенсорику, закодировав свои намерения примитивной вербальной формулой. В подобных случаях наиболее эффективны приёмы коммерческой рекламы, навязывающей населению тот или иной продукт, отсюда – агрессивность, лаконизм, барабанный ритм текста «да-да-нет-да», который ежедневно голоса знаменитых актёров вбивали в подсознание граждан. Подобный синтез политики и коммерции с опорой на символы показан в начале 16 главы: «Переключила, снова – реклама. Зал с колоннами, за длинным столом – хорошо одетые молодые люди. Над ними некто немолодой начальственного вида, в синем костюме, с голубым платочком, торчащим из нагрудного кармана, и прической седин, как у Ельцина. «Самое главное – это наша твердая вера в возрождение России. ...Каждый день мы должны осознавать, что миллионы людей доверили нам свои ваучеры! Ассоциация «Петр Великий»². Это наглядный пример использования символов в манипуляторной технологии. Слово «ассоциация» в этом тексте, не только форма организации «конторы», но и ненавязчивая подсказка символично-патриотического ряда: «Ельцин – возрождение России – Пётр Великий». Для решения

¹ Dijk T.A. van. Discourse analysis as ideology analysis // Language and Peace / eds. C. Schaffner & A. Wenden. Aldershot: Dartmouth Publishing, 1995. P. 5. [Электронный ресурс]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/839/894/1217/014_gusev.pdf (дата обращения: 12.05.2016).

² Шаргунов С.А. «1993». М.: АСТ, 2013. С. 307-308.

коммерческой задачи – «несите нам свои ваучеры» – искусно используется патриотический настрой граждан, создавая в сознании реципиента твёрдую установку: Ельцин – это Пётр I наших дней. Возрождение России – наше общее дело.

Вернёмся к референдуму. Для человека, далёкого от политики, этот ряд из четырёх частиц представляет собой криптограмму, скрывавшую подлинное намерение радикал-демократов, а именно: выбор социал-дарвинистского пути развития страны. Вместе с этой тактикой был также использован заимствованный из математики *аксиоматический метод аргументации* с опорой на очевидные истины, трюизмы, зафиксированные в фольклоре или остроумных сентенциях: «на переправе коней не меняют», «нельзя регулировать солнечное затмение», «нельзя перепрыгнуть пропасть в два прыжка», «неважно, какого цвета кошка, главное, чтобы она ловила мышей», «нельзя быть немножко беременной» и т.д. Результаты референдума в полной мере продемонстрировали эффективность подобной технологии, хотя и у населения, и у Конституционного Суда было немало вопросов по содержанию и форме проводимого плебисцита. В политическом дискурсе художественного текста «1993» этот набор из четырёх морфем является формулой социального раскола, мешающего солидаризации российского общества, разрушавшего единство семьи. В относительно спокойной бытовой ситуации яблоком раздора в доме Брянцевых неожиданно становится упоминание Виктором жестокого разгона Первомайской демонстрации. Это событие представляется в двух несовместимых ракурсах. Лена видит его глазами властей и повторяет официальную версию: «Так они это сами устроили. ...Попёрли, куда не звали, вот и столкновение»¹. Виктор же оценивает моральную сторону инцидента: «На Ленинские горы шли... Кому мешали? Старики, ветераны. Их дубасить начали»². Не найдя аргументов в свою пользу, Лена старается прекратить этот разговор, но остаётся при своём мнении: муж «плохо,

¹ Шаргунов С.А. «1993». М.: АСТ, 2013. С. 21.

² Там же, с.21.

видать, телевизор смотрел»¹. В этой ситуации впервые в романе появляется его главный неодушевлённый герой – телевизор. Роль его велика. Он присутствует практически во всех «домашних» эпизодах произведения, и его амплуа выходит далеко за рамки предмета интерьера: он развлекает и злит, отупляет и заставляет думать, деморализует и побуждает к действию. О политической роли телевидения в России начала 90-х пишет Говорухин в своей книге «Великая криминальная революция» (1994): «Не в силе Бог, а в Правде», – говаривал Александр Невский. Пуще огня они боятся Правды. И первое, с чем начинает бороться любой авторитарный режим, – это Правда. ...борьба с Правдой тем не менее идет. Да еще как! Взгляните на телеэкран. С 12 декабря, едва закончились «демократические» выборы, на телевизионный экран уже не попадает никакая объективная информация. ...У современного ребенка три родителя: папа, мама и телевизор². Для Шаргунова это не только оружие психологической войны, но и эффектный художественный приём, своеобразное окно в сумбурные 80-90-е годы с их «Рабыней Изаурой», «Секундами» Невзорова, «Взглядом», «Красным квадратом» Любимова, репортажами со Съездов, музыкальным каналом «2x2» и довольно изобретательной, ещё не раздражающей, рекламой и т.д.

Телевизионный след чувствуется и в конфликте между пассажирами электрички: «Немедленно в спор включились другие пассажиры. Зашумели голоса. Кто-то материл коммунистку и обещал выкинуть в окно, та отвечала, капризно и плаксиво. Кто-то материл матерящего»³.

В качестве ещё одного примера можно привести застольный разговор на поминках Лениной мачехи Валентины Алексеевны. Его идеологический диапазон несколько шире. После характерного для подобной ситуации вступления (добрые слова о покойнице, воспоминания) беседа приобретает политический уклон, и на авансцену выходит фигура нового «буржуазного» типа. Это Игорь, муж Светы – сводной сестры Лены Брянцевой. «Игорёк у нас умница... В Японию ездил,

¹ Там же, с. 21.

² Говорухин С.С. Великая криминальная революция. М.: Андреевский флаг, 1993. С. 123.

³ Шаргунов С.А. «1993». М.: АСТ, 2013. С. 74.

машины взял. Время такое: только богатеть...»¹. Речь самого Игоря – это квинтэссенция коммерческого дискурса: «Денег-то везде навалом! Там купи, тут продай. Сплошной бартер!»². Есть в этой тираде самодовольного бизнесмена и русофобское клише о лени и пьянстве простого человека и презрение к «совкам», которые «всему верят» и «стадом идут»³. В следующем монологе объектом ненависти становятся депутаты Верховного Совета: «Депутаты вон тоже аферисты те ещё, паскудники. ...Даже закон о земле не принимают»⁴. Разговор завершается апологией ельцинского курса и бранью в адрес его соперников: «За Ельцина. За новую Россию. Без красной сволочи. Я сам свой ствол достану, если что»⁵. Это вызывает резкую реакцию подвыпившего Виктора – человека советской формации: «А я тебе раньше башку топором срублю»⁶. В этом разговоре родственников налицо уже все признаки классового конфликта, с его антагонизмом и агрессией, когда главным аргументом становится оружие.

Апологетический тип включает в себя адептов существующего порядка: идейно убеждённых либо приспособившихся. В романе Шаргунова мы видим несколько разновидностей этой группы. Прежде всего, это демократическая интеллигенция. Массовую сцену представителей этой категории мы видим у мэрии. Мотивы, пришедшие сюда 3 октября «трогательных, пылких, порывистых людей» защищать демократию, различны. Одни боятся возвращения сталинских времён: «Это же смесь Гитлера со Сталиным!»⁷; другие, как например, аполитичный молодой медиевист, – оказались здесь из-за страха перед «чернью с автоматами» и хаосом 1917 г.⁸. Некоторые пришли сюда противостоять поборникам «сталинско-брежневской» Конституции и подтвердить делом свой выбор на референдуме⁹. Кто-то воспринимает свой выбор как миссию защиты культуры, и все беды России видит в Византийских корнях: «Приличных людей у

¹ Там же, с. 95.

² Там же, с. 96.

³ Там же, с. 96.

⁴ Там же, с. 98.

⁵ Там же, с. 98.

⁶ Шаргунов С.А. «1993». М.: АСТ, 2013. С. 98.

⁷ Там же, с. 535.

⁸ Там же, с. 536.

⁹ Там же, с. 536.

нас нехватка. Уровень идейной гигиены близок к нулю. Если начистоту, всё заложено от начал. Когда еще сошлись с Византией»¹...Кто-то благодарен Ельцину за появившиеся в магазинах продукты и открытые границы. Пенсионерка, которая всю жизнь геологией занималась, готова ради перемен жертвовать личным благополучием и трогательно, по-родственному, предлагает при жизни поставить памятник Гайдари»².

Если в рядах оппозиции мы видим людей различных идеологических взглядов, объединённых общим представлением о *справедливости* и *правде*, то в рядах *апологетов* у каждого своя причина откликнуться на призыв властей. Объединяет же их всех презрение к оппонентам («придурки», «чернь», «стадо», «бешеные обезьяны», «скверна») и идеологические клише, вроде «советское прошлое преступно», «реформы Гайдара безальтернативны», «социальная опора реформ – творческая интеллигенция» и т.д. Характерно то, что во внешнем облике, откликнувшихся на призыв Гайдара, чувствуется неуверенность: «сдержанные кивки», «потерянные лица», «напряжённые полуулыбки»³.

К категории сторонников режима относятся также представители бизнеса. Шаргунов показывает типологию этого класса. Выше мы уже упоминали родственника Брянцевых, Игоря, торговца японскими машинами. Это предприниматель-оптимист. Он одобряет политику властей, но для полного счастья ему не хватает «воли» и закона о земле⁴. Портрет его создан лаконично и ярко. Игорь изображён за столом, говорит о политике рубленными фразами, при этом «раздражённо хрустит квашеной капустой», «громко глотает». Следующий тип – это сосед Виктора – ювелир Янсюкевич. Это оптимист-камикадзе. Он верит в светлое капиталистическое будущее, но знает, что не доживёт до него, потому что рано или поздно затравят и убьют⁵. Кратко и выразительно определяет «лихое» время компаньон убитого криминального дельца Ильи Медкова :

¹ Там же, с. 536.

² Там же, с. 537.

³ Шаргунов С.А. «1993». М.: АСТ, 2013. С. 534.

⁴ Там же, с. 98.

⁵ Там же, с.240.

«Стреляют, такое время, а скоко еще заруют!»¹. Низшей кастой уголовного мира были «шестёрки» типа Егора Корнева, убитого его же подельниками. Жестокое время породило и новую гедонистическую мораль, суть которой: «Жрать нормально, кино смотреть клевое... шмотки, компьютер... Мир повидать»².

Особое место в когорте «новых русских» занимает представитель естественной монополии, благополучный нефтяник Миша Смирнов – один из случайных любовников Лены Брянцевой. Это единственный карикатурный образ в этом, далеко не весёлом, романе. Всё в нём несуразно. Его букет роз, подаренный Лене, пахнет салом³. В постели он похож на «клювастую дородную куру»⁴. Его картавая речь, заикленная на нефти, отдаёт слабоумием: «Я когда на нефть смотрю, сам собой романс вспоминается “Очи черные”»⁵. Примечательна его реакция на телепередачу «Взгляд» об армяно-азербайджанском конфликте и миротворческой роли церкви: «Церковь говорит так: несть ни эллина, ни иудея. – Нефть? – Миша вскочил. – Как он сказал? Нефть? – и, довольный, выключил телевизор...– Сказано-то как! Ни эллина, ни иудея! Общая нефть! Общепародная!»⁶.

Это самая несимпатичная автору группа персонажей. Судьба их незавидна. Криминальный бизнес и его «пехота», вроде Егора Корнева, – самые обречённые. По официальным данным МВД в «лихие 90-е» ежегодно в бандитских разборках гибли тысячи людей⁷. Не уверены в завтрашнем дне и «естественные монополисты», зависящие от мировых цен на углеводороды. Всех этих абсолютно разных людей – от аполитичных гедонистов, до героев «капиталистического труда» – роднит то, что каждый из них использует сложившуюся в стране ситуацию в своих узких, личных интересах. В христианско-этическом плане романа Шаргунова это люди поверхностного восприятия жизни, невольники

¹ Там же, с. 442.

² Там же, с. 333-334.

³ Там же, с. 376.

⁴ Там же, с. 382.

⁵ Там же, с. 377.

⁶ Там же, с. 381.

⁷ В России убивают больше народу, чем в США // [Электронный ресурс]. URL: kp.ru/daily/25789.3/2770823/ (Дата обращения: 21. 03. 20).

своих слабостей: самолюбия, страха, корысти, ненависти – то есть всех недостатков, сопутствующих пороку «стяжания».

Противоположный фронт – «бунтарский сектор» – представляет собой более пёструю картину. На площадях и улицах Москвы мы видим издержки перестроечного «плюрализма»: разноголосую толпу коммунистов, анархистов, православных и язычников, защитников Конституции, пассионарную молодёжь и просто зевак. Это своеобразный народный форум, куда люди пришли высказать свои взгляды, спорить, ругаться. Есть в структуре и динамике этого «смотре сил» и дантовские реминисценции, и элементы народного балагана. Первая массовая сцена (6 глава) не имеет выраженного политического характера. Ничего в этом собрании не предвещает насилия, споры идут между толерантно настроенными группами, а силы правопорядка не появляются на сцене. Позиция автора – созерцательная, а использование метонимического замещения в описании численности «кругов» (употребление сочетаний «сорок голов» вместо «сорок человек») не несёт в себе зоологических смыслов. На этом мирный период политического развития в романе Шаргунова завершается, а вместе с ним, выполнив свою задачу, на второй план уходят функции и стратегии *статического* варианта политического дискурса: социального контроля, легитимизации власти; и дифференциации.

Динамический тип предусматривает политику прямого действия: выступления в прессе, призывы на митингах, обращение по радио или телевидению, указы, политические шествия, ультиматумы, силовые акции. Здесь важно конкретное целеполагание: отмена непопулярного закона, смещение с должности чиновника, изменение политического курса, провоцирование беспорядков, демонстрация силы, и т.д.). Чрезвычайно важен адресат действия: президент, премьер-министр, экономический блок правительства, фракция Госдумы и т.д. Реакция власти, поскольку это функция обоюдная, тоже имеет свой объект действия. В романе Шаргунова это Верховный Совет и его лидеры. Нельзя сказать, что функции статического типа (социального контроля, легитимизации, дифференциации) прекращают своё действие в контексте

политического поведения. Они продолжают, действовать в качестве идеологических основ, но с обострением ситуации акценты изменяются и начинает доминировать функция *дифференциации* как главный приём, обостряющий конфликт. С одной стороны, мы слышим: «Был парламент хамский, стал бандитский»¹, с другой: «Банду Ельцина под суд»².

Если первая массовая (предреволюционная) сцена имела несколько лубочный характер, то на площади перед Домом Советов от негодования трепещет воздух: сооружаются баррикады, звучат лозунги³, песни «Катюша», «Куба далека, Куба рядом», церковные гимны; кругом казаки в «курчавых папах», сотники, отряды из Приднестровья, костры, палатки, листовки и призывы на любой политический вкус: от «Трудовой России» и «Русского Собора» до «Поэтизированного общества разработки теории общенародного счастья» (ПОРТОС)⁴. Идеологическая разноголосица напоминает летний митинг (6 глава), но здесь уже чувствуется реальная угроза: появляется оружие, агрессивность лозунгов, решимость к действию – брать Останкино, Кремль, мэрию. Налицо момент перехода «тепловой энергии» в «механическую». Завершается эпизод небесным знаменем: «И тут начался ливень. Казалось, стеклянные стены пошли в наступление по всей площади. Или наоборот – стихия начала штурм дворца»⁵.

Ситуация переходит в острую (протест против действия властей) и мобилизационную стадии конфликта (организация сторонников). Эти функции проявляются в развязке политической ситуации, когда главную роль начинают играть обращения и призывы. Эта стадия начинается с двух официальных «Обращений» к гражданам России: представителей Верховного Совета и Президента. В романе они помещены друг за другом. При этом второе заглушает и вытесняет с экрана первое. Если в парламентском недосказанном обращении – главное патриотический пафос и тревога за судьбу страны («Родина наша в

¹ Шаргунов С.А. «1993». М.: АСТ, 2013. С. 233.

² Там же, с. 313.

³ Там же, с. 313.

⁴ Там же, с. 311.

⁵ Там же, с. 330.

опасности...Она – это самое дорогое...)¹, то Ельцин зачитывает номенклатурный, сухой по стилю документ, запрещающий деятельность Парламента: «...Полномочия народных депутатов прекращаются»². Немаловажной деталью «обращения» является апелляция «к руководителям иностранных держав...», на чью поддержку надеется президент: «Ваша поддержка значима... Призываю вас и на этот раз понять всю сложность обстановки...»³. Забегая вперёд, можно сказать, что эту поддержку он получил: ни одно из зарубежных правительств не осудило стрельбу из танков по Парламенту. Красноречива и манера, в которой зачитывается бумага: «Появилось тяжелое лицо Ельцина под белесым, чуть скошенным хохлом волос. Он выглядел напряженным и властным. ...Потянулся знакомый гундосый голос, временами с пронзительными нотами, будто терзают резиновую игрушку»⁴. Агрессивно, в духе Французской революции, звучит призыв политической пассии – Валерии Новодворской: «Если до утра эта власть не спасет свободу, мы не повторим исторических ошибок: мы сами пойдем и уничтожим красного дьявола! Дайте нам оружие, и мы раздавим гадину!»⁵. Этот небольшой пассаж изобилует риторическими приёмами: резкий ультимативный тон, демонизация врага, намёк на горький «исторический опыт», аллюзия на вольтеровский призыв уничтожить церковь. С противоположной стороны звучат обращения тонально и стилистически более разнообразные. Аксючиц «театрально и взволновано», стараясь действовать в правовом поле, обращается к ОМОНУ: «Наш митинг был разрешен Моссоветом, но вопреки закону вас прислали его разгонять»⁶. Олег Румянцев уповает на европейский парламентский опыт и демократию: «Сильный парламент, контролирующей исполнительную власть, есть признак любой уважающей себя демократии. – Депутат говорил лихорадочно, потирая длинные пальцы, как будто что-то раскатывая между ними»⁷. Пафосно звучит Руцкой, но тон его речи пораженческий: «– Граждане

¹ Там же, с. 304.

² Там же, с. 306.

³ Там же, с. 306.

⁴ Там же, с. 305.

⁵ Там же, с. 537-538.

⁶ Там же, с. 471-472.

⁷ Там же, с. 317.

России! Я клянусь, что живым этим подонкам не сдамся! Я буду сражаться до последнего патрона! Ваучер – филькина грамота! Заводы продают за копейки! ...Курс президента ведет страну к катастрофе!»¹. Речь его сумбурна и напоминает поток сознания теряющего контроль человека. Она лишена последовательности: в единое целое смешались «ваучеры», «политика», «экономика», «борьба до последнего патрона». Несмотря на «взрывные» фразы, слова его не внушают доверия. Руцкой говорит нервно, сбивается, картавит. Характерна реакция людей на речь мятежного политика. Звучащие аплодисменты – скорее знак политической солидарности толпы, а не оценка его слов и действий. Не случайно автор представляет его читателю без особого пиетета – безлико и безымянно: «синий костюм, шевелюра, рыжеватые усы»². Складывается впечатление, что не он владеет массой, а масса – им: «Толпа захлопала с бешеной силой, флаги взметнулись, как крылья, и тысячи глоток лихо завопили, вколачивая новую реальность в башку усатому, который немо глотал воздух перед микрофоном: пусть не забывает, кто он есть, пусть держится до последнего патрона...»³. Портрет несостоявшегося президента несуразен, отдаёт самозванством, а вся сцена напоминает народную вольницу времён Разина или Пугачёва. Использование просторечной лексики и метонимии («глотки завопили», «вколачивать», «в башку усатому», «глотал воздух») лишает эпизод героической ауры, а выступающего генерала – респектабельности. Дальнейшие действия Руцкого также спонтанны, как и его речь, поэтому плачевный результат их закономерен.

Зато не занимать решительности «легендарному» Виктору Анпилову: «Да здравствует вооруженное восстание, товарищи! И я говорю Руцкому: Александр Владимирыч, не томи ты народ, раздай оружие! – Оратор тянул звуки натужно и исступленно, точно бы что-то наматывая на свой кулак, крутившийся бесперебойно. – Товарищи! Но и пока не теряем время! Готовьте коктейли Молотова! Ничего и никого не бойтесь! С нами шахтеры, чернобыльцы, моряки!

¹ Там же, с. 315.

² Там же, с. 315.

³ Там же, с. 315.

С нами Ленин, с нами Сталин, с нами Молотов, Пушкин и Маяковский!»¹ Речь народного трибуна Анпилова – это ряд громких политических лозунгов, словно напечатанных на революционном кумаче. Энергетическим центром художественного образа этого выступления становится яркая метафора: звуки как бы обретают плоть и «наматываются» на постоянно движущийся кулак оратора. Но сила этого выступления не только в его пафосе, но и в логике построения текста (чего начисто лишена речь Руцкого). Начинается оно с провозглашения главной цели – вооружённого восстания. Последующие фразы – о необходимости оружия и решительности в борьбе – подчинены этой идеи и развивают её в практическом и идеологическом планах. При этом плакатный стиль гармонично сочетается с народным, разговорным: «не томи ты народ», «не теряем время», «никого не бойтесь» и т.д. Заключительная часть этого монолога отличается своей мобилизующей силой. Начинается она с акцента на массовость движения (архетип соборности) и завершается апелляцией к культурно-исторической матрице, объединяющей русскую и советскую традиции (Пушкин и Маяковский).

Изо всех выше приведённых примеров, с точки зрения поэтики политического дискурса, наиболее впечатляющими являются выступления Валерии Новодворской и Виктора Анпилова. Они выгодно отличаются от остальных «обращений» политическим пафосом, композицией, ритмом и образностью, но главная их мобилизующая сила заключается не в стиле текстов, а в их ярко выраженных разнонаправленных идеологиях (антикоммунизма и коммунизма), определяющих накал борьбы и драматизм ситуации.

Массовка возле Дома Советов изобилует знаковыми фигурами: Николай Бурляев читает Пушкина «Клеветникам России»², над толпой носится «горделиво-грудной голос чеченки Сажы Умалатовой»³, об обстановке в Белом

¹ Там же, с. 319.

² Там же, с.271.

³ Там же, с. 312.

доме и стране говорит окружившим его людям «благообразный» Бабурин¹, приходил Невзоров², мы видим писателей Василия Белова и Эдуарда Лимонова³.

По мере обострения ситуации нагнетается истерия: начинают звучать оскорбления и угрозы, сопровождающиеся агрессивными действиями. На этой стадии, когда стремительный темп действия не позволяет анализировать ситуацию, человек начинает действовать импульсивно. В качестве побудительных факторов в подобных случаях эффективна стратегия *мистификации*, то есть сокрытие истины и сознательное введение в заблуждение, *делегитимизации* – разрушение образа оппонента и его *дискредитации*. Но начинается заключительная стадия конфликта с использованием властью приёма «материального стимулирования» – за выход из Белого дома предлагаются деньги⁴. Затем следует ложная информация о том, что на обращение откликнулись, и «люди уходят оттуда...Скоро там останутся два человека: Хасбулатов и Руцкой»⁵. В подобных ситуациях важен образ говорящего, поскольку это фактор, обеспечивающий доверие к сказанному. В первом случае Шаргунов не называет имя диктора, но по нескольким штрихам легко узнаётся Николай Сванидзе: «Смуглый диктор был с узким лицом, острым кадыком и длинным, загнутым носом, похожий на дрозда. Голос у него был дробно-стучащий, деревянный»⁶. Примечательно то, что в следующем эпизоде сравнение по внешности переходит в метафору, то есть, когда речь заходит о поддержке Запада, «дрозд» превращается в «дятла», что, помимо внешней схожести, содержит в себе и уничижительные смыслы клички: «Снова возник на экране дятел, за минуты отсутствия ставший еще уже и клювастее, и бодро застучал дальше: «Министры финансов “Большой семерки” скорректировали повестку дня вашингтонской встречи. Они поддержали стремление Президента России осуществить прорыв к демократии»⁷. Далеко не симпатичным воспринимается и

¹ Там же, с. 318.

² Там же, с. 452.

³ Там же, с. 501.

⁴ Там же, с. 418.

⁵ Там же, с. 418.

⁶ Там же, с. 418.

⁷ Там же, с. 418

«болезненный» портрет самого президента Ельцина, «со взбитыми кремовыми волосами и лицом... венозно-фиолетовым. ...Широкая усмешка поползла по всему лицу»¹.

Слухи и домыслы распалют толпу возле Моссовета: коммунисты новую мировую войну хотят затеять, «Хасбулатов своих чеченцев в гостинице «Россия» разместил», «депутаты – ворьё, за зарплаты, квартиры и машины «Волги» держатся», «Руцкой – ворюга, боится, что посадят» и т.д.².

В кульминационный момент конфликта – похода на Останкино и штурма – главную роль с обеих сторон начинает играть обезличивающий человека фактор толпы, когда особенно действенной становится фейковая информация, преувеличение угрозы, откровенная ложь с целью доведения психики человека до критического состояния, ибо «кто умеет вводить толпу в заблуждение, тот легко становится её повелителем; кто же стремиться образумить её, тот всегда бывает её жертвой»³.

Шаргунов показывает, как подобная технология, искажающая истинное положение дел, использовалась РТР 3 октября, когда взволнованная дикторша, округляя глаза и глотая слёзы, говорила с экрана: «Нападающие используют автоматы, гранатометы, тяжелую технику. ...Толпа боевиков, прикрываясь женщинами и детьми, напала на сотрудников милиции и прорвалась к зданию бывшего Верховного Совета. По состоянию на пятнадцать часов убито как минимум десять милиционеров»⁴. Особенность данного телеобращения заключается в том, что здесь его вербальная часть подкрепляется не соответствующим видеорядом, как это обычно делается во время простого монтажа, а испуганным лицом дикторши, «поглатывающей слёзные комки», что само по себе является весомым аргументом в пользу аутентичности передаваемой информации. Помимо этого, обращает на себя внимание стилистически упрощённый текст, не содержащий особых риторических оборотов. Но в этом

¹ Там же, с. 418

² Там же, с. 554-555.

³ Лебон Г. Психология толп // [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/lebon_g/psihologiya_tolp.html (Дата обращения: 22.06.20).

⁴ Шаргунов С.А. «1993». М.: АСТ, 2013. С. 514.

«живо представленном описании» шокирующих фактов и заключается сила воздействия на психику людей – приём известный ещё с античных времён. О нём писал и М. В. Ломоносов в своём «Кратком руководстве к красноречию» (1748): «Больше всего служат к движению и возбуждению страстей живо представленные описания, которые очень чувства ударяют, а особливо как бы действительно в зрении изображаются. Глубокомысленные рассуждения и доказательства не так чувствительны, и страсти не могут от них возгореться»¹. Позднее, эта информация о вооружённых толпах, убитых милиционерах и тяжёлой технике не нашла подтверждения в материалах следствия, но эффект был достигнут: эмоционально возбуждённые люди (включая и героиню романа) покинули дома отстаивать демократию. Немаловажной деталью является и подбор определений и ярлыков. В России как стране, больше всего пострадавшей в борьбе с фашизмом, это слово является самым обидным оскорблением. Тем не менее, мы видим в романе, как с обеих сторон бесцеремонно звучат взаимные обвинения – «Фашисты!»². Сильным мобилизирующим фактором является тревога за будущее, (древнейший архетип воспроизводства и продолжения рода человеческого), которое в сознании человека всегда связывается с детьми, поэтому «дети» и их «счастье» становятся высшей ставкой в этой борьбе. Именно в таком духе диктор ТВ призывает людей выйти на улицы: «...Все, кому дорога Россия и будущее наших детей, идут на Тверскую. Не отдадим фашистам страну»³.

Действие романа завершается до штурма Белого дома. Вечером 3 октября в районе Останкинского телецентра на смену политическим тактикам приходит то, что называется «продолжением политики военными средствами». Кто сделал первый выстрел, по сей день остаётся загадкой. Неизвестно, была ли провокацией стрельба с бэтээров, вызвавшая хаос перед зданием телецентра, где собрались как противники, так и сторонники парламента. «Почему бьют по народу? ...Почему

¹Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию // [Электронный ресурс]. URL: <http://lomonosov.niv.ru/lomonosov/nauka/rukovodstvo-k-krasnorechiju/o-vozbuzhdenii-utolenii.htm> (Дата обращения 05.02.2020).

² Шаргунов С.А. «1993». М.: АСТ, 2013. С. 566.

³ Там же, с. 522.

сначала били по зданию? Видно неправильно поняли приказ...»¹. «Мы им «Ура!», а они нас давят»². Далее мы видим сцену, необъяснимую с точки зрения политической логики, но вполне понятной в русле простой человеческой морали, когда люди, пришедшие в Останкино «воевать» друг с другом, рискуя жизнью, спасают своих недругов: «Знаешь, чо он орал, когда на бэтээр попер? “За Сталина!” Совсем народ обалдел.

– А ты за кого?

– За кого, за кого... За Ельцина, за кого еще. Посмотрел телевизор, и сюда. Спасать демократию на х... А спасаю таких вот...

– Мы уже не первого тащим! – объяснил тот, который в светлом. – Самих чуть не грохнули»³.

Главной чертой политического дискурса в романе С. Шаргунова является то, что он не носит партийного характера, как это, например, имеет место в романе А. Проханова «Красно-коричневый». Виктор Брянцев плохо разбирается в политических течениях и группировках, не представляет ни одну из них и, по сути, является героем-одиночкой, примкнувшим к стороне, которую считает правой. Это придаёт его борьбе и смерти донкихотский трагизм. С. Шаргунов останавливает действие своего романа до кульминационных событий. Виктор погибает не от пули, а от сердечного приступа. Это внешняя, медицинская причина смерти. По сути же он умирает, подобно герою Сервантеса, от подтачивающей его «тоски». Вспоминаются слова Санчо у постели умирающего рыцаря: «...Величайшее безумие со стороны человека – взять да ни с того ни с сего и помереть, когда никто тебя не убивал и никто не сживал со свету, кроме разве одной тоски»⁴. В жизни Виктора Брянцева донкихотская «тоска» есть ностальгия по правде, справедливости, честности, душевная боль от отсутствия которых в новой российской действительности привела его в стан защитников Верховного Совета и, в конечном счёте, оказалась сильнее физических

¹ Шаргунов С.А. «1993». М.: АСТ, 2013. С. 560.

² Там же, с. 561.

³ Там же, с. 563.

⁴ Сервантес М. Дон Кихот. Собрание сочинений в 5 т. М.: Правда, 1961. Т.1. С.597.

возможностей его сердца. Фабульная концовка романа, «пунктиром» обозначенная в Эпиллоге, двойка. Символической смены масок «с безумия на кротость» в семье Брянцевых не произошло. С одной стороны, примирение, прощение, уход в сферу семейно-бытовых проблем, с другой стороны, продолжение борьбы, которую готовы поддержать потомки революционеров 93-его года – «поколение БМП» (Без Меня Поделили)¹. С одной стороны, это движение по замкнутому кругу, с другой – это своеобразный мост в современность, не позволяющий впасть в исторический пессимизм, характерный для русской литературы после разгрома революции 1905 года, о чём говорил Горький, предупреждая об опасности вытеснения социальной тематики эстетикой «индивидуального бытия» и «объективным искусством», «которое выше судеб родины, политики, партий и вне интересов дня, года, эпохи»².

Примечательно то, что в развязке этой драмы, несмотря на разжигающую страсти пропаганду и горячую перебранку сторон, в Москве не было массовых народных столкновений «стенки на стенку», не было «бунта бессмысленного и беспощадного». В этом состоит главное отличие «чёрного октября» 1993 от декабря 1905 года, когда битвы демонстрантов с лабазниками заливали кровью московские улицы, а полиция порой играла «миротворческую» роль, как это мы видим, например, в рассказе Бориса Зайцева «Чёрные ветры». Наоборот, кровавая картина возле Останкино завершается символическим «примирением» оппонентов перед лицом общей угрозы, когда человеческая жизнь соотечественника становится дороже политических лозунгов. В финале романа доминирует *моральный пафос*, характерный для русской как консервативной, так и революционно-демократической классики. Как известно, политическое примирение состоялось позже, когда новая Государственная Дума, начавшая свою работу в январе 1994 года, среди первых своих решений, несмотря на яростное сопротивление фракции «демократов», приняла постановление «Об объявлении политической и экономической амнистии» (по событиям августа 1991

¹ Прилепин З. Евгений Алехин 3-я штанина // Книгочет: пособие по новейшей литературе. М.: Астрель, 2012. С.195.

² Горький М. «Разрушение личности». Собр. соч. в 16т. Т. 16. М.: Правда, 1979. С. 139.

года и октября 1993 года) от 23 февраля 1994 года. Принятие постановления об амнистии было встречено продолжительными аплодисментами и, благодаря принципиальной позиции Генерального прокурора А. Казаника, было реализовано¹.

Политический дискурс в романе С. Шаргунова «1993. Семейный портрет на фоне горящего дома» помимо всех вышеуказанных особенностей являются также и своеобразным отражением присущего всему творчеству писателя автобиографизма. Его структура имеет следующий вид: а) точный фактографический, доподлинный характер изображаемой натуры (Шаргунов был очевидцем событий 1993 г.); б) показ событий в политологическом ключе со знанием различных политических технологий, стратегий и тактик (Шаргунов – действующий политик); в) отсутствие идеологического пафоса, но приверженность к традиционным ценностям с акцентом на чувство справедливости и жизненно важное для российского социума соборное начало (Шаргунов – традиционалист); г) политически нейтральная позиция автора и отсутствие навязчивой партийности придают произведению характер *свидетельства*, подтверждающего подлинность происходящих событий без интерпретаций и комментариев (Шаргунов – патриот, ратующий за стабильность и социальный мир в стране).

¹ Об объявлении политической и экономической амнистии. Постановление от 23 февраля 1994 г. N 65-1 ГД // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=7180&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.6021091401928194#05243000434887286> (Дата обращения: 26.06.19).

Глава 3. Политический дискурс в романе А. Проханова «Красно-коричневый». Проблематика и эстетика

3.1. Сюжет, проблематика и жанровое своеобразие романа

По своему жанровому статусу книга А. Проханова «Красно-коричневый»¹ представляет собой политический роман в его современном интегральном варианте. Он посвящён судьбоносному политическому событию в постсоветской России, рассказывает о политической борьбе за власть, его герои реальные и вымышленные политики – участники конституционного кризиса 1993 года. В романе есть и лирическое, и религиозно-этическое начало. Эта часть художественного мира раскрывается во взаимоотношениях главного героя с его возлюбленной, мотивирующей его духовные искания.

Несмотря на активную гражданскую позицию А.А. Проханова и продуктивность его творчества, научно-филологический интерес к его прозе, к сожалению, несоразмерен её популярности на книжном рынке. На сегодняшний день системных аналитических работ, посвящённых его произведениям, единицы. Среди них выделяется ряд исследований ещё советского периода: монография С.В. Булатовой «Модификация жанра политического романа в современной советской литературе»², докторская диссертация А. А. Панкова «Закономерности развития русской советской прозы 60-70-х годов»³, кандидатская диссертация А. А. Михайлова «Молодой современник в русской советской прозе 70-х годов. Духовные и нравственные искания»⁴. Последнее десятилетие отмечено кандидатскими диссертациями М.П. Евдокимовой «Художественная концепция личности в творчестве А. Проханова»⁵ и М.А. Ерофеевой «Проза А.А. Проханова

¹ Проханов А.А. Красно-коричневый: Роман. – СПб: Амфора, 2003. 831 с.

² Булатова С.Н. Модификации жанра политического романа в современной советской литературе: ("Победа", "Неоконченный портрет" А. Чаковского, "Дерево в центре Кабула", "В островах охотник", "Африканист" А. Проханова, "Южнее реки Бенхай" М. Домогацких). – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. 1986. 46 с.

³ Панков, Александр Викторович. Закономерности развития русской советской прозы 60-70-х годов. Идеино-художественные тенденции, гуманистические искания, социально-нравственная проблематика: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.01.02 / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1990. 32 с.

⁴ Михайлов А.А. Молодой современник в русской советской прозе 70-х годов: духовные и нравственные искания: диссертация... кандидата филологических наук. М., 1983. 190 с.

⁵ Евдокимова М.П. Художественная концепция личности в творчестве А. Проханова: дис. кандидат филологических наук: 10.01.01 Русская литература. Армавир, 2009. 231 с.

(проблематика и поэтика)»¹. Список можно дополнить внушительным количеством статей, из которых наиболее интересными, на наш взгляд, являются работы В. Бондаренко, В. Личутина, П. Басинского, Е. Андреевой, Л. Данилкина, С. Белякова и др. Как правило, критиков и исследователей в творчестве А. Проханова привлекают художественная концепция личности, политический аспект и метафорика его стиля. Наиболее горячие споры вызывает политическая позиция писателя, разделившая читающую публику страны на два лагеря: его сторонников и ожесточённых врагов. Главное то, что книги А. Проханова никого не оставляют равнодушным, а это залог востребованности и неугасающего интереса к автору. В этом смысле нельзя не согласиться с критиком Л. Данилкиным: «Проханов остается фигурой по-настоящему крупной, сложной, порой комической и гротескной, но при всем том в высшей степени значимой и заметной»². Для нашего исследования особенно ценной является политическая позиция писателя. Она чётко сформулирована не только в его художественной прозе, но и в публичных выступлениях, на заседаниях «Изборского клуба», в многочисленных интервью и публицистических работах, среди которых выделяются серия религиозно-философских очерков под названием «Замковый камень» (2014) и книга «Симфония «Пятой империи» (2007), где писатель обращается к теме самобытной русской цивилизации, к проблемам её кризиса и технологии её мистического возрождения. Нельзя не отметить также блестящие метафорические передовицы газеты «Завтра», откликающиеся на самые злободневные проблемы современности. Объективный анализ публицистического творчества А. Проханова проведён в статье Е. Андреевой, главные тезисы которой, на наш взгляд, оптимально соответствуют политической, гражданской и моральной позиции писателя в современном раскладе сил и многообразии идеологических тенденций. Национальная идея в понимании А. Проханова «заключается в возрождении имперского сознания, духовном оздоровлении

¹ Ерофеева М.А. Проза А.А. Проханова: проблематика и поэтика: дис. кандидата филологических наук: 10.01.01. Тверь. 2010. 151 с.

² Данилкин Л. Пинг-понг не по правилам. // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2007/09/26/danilkin.html> (Дата обращения: 22.02.2015).

нации, органичности русского бытия»¹. Особое место в миропонимании писателя отводится «идее божественной справедливости», без которой немислима русская цивилизация, созданная по замыслу Творца, а не чертежам социальных формаций. Отсюда – идея сакральности русской нации и огромной роли Православной Церкви в деле возрождения национального сознания на принципах соборности. Несложно заметить, что религиозно-народные взгляды Проханова смыкаются с почвеннической позицией славянофилов и философией Н. Фёдорова, в основе которой лежит категория родства, символически воплощённая в Троицеином Боге – Святой Троице². Что касается социально-политического устройства государства и его идеологических основ, то оно сформулировано писателем в очерке «Пасхальный свет русской истории» как толкование образа «Москва – третий Рим»: «Христианская вера, неразрывность государства и церкви, концентрация имперской власти в руках монарха, персональная ответственность монарха за соблюдение евангельских заповедей»³.

Роман «Красно-коричневый» входит в так называемое «семикнижье» А. Проханова, включающее романы: «Дерево в центре Кабула», «Африканист», «В островах охотник», «Бой за Рио-Коко», «Последний солдат Империи» и «Господин Гексоген». Все они связаны одним героем – генералом Белосельцевым – и довольно схематичны по сюжету и образному строю. Центральный персонаж цикла – это умный, отважный разведчик, «рыцарь без страха и упрёка», патриот Советского Союза, болезненно переживающий распад своей страны и деградацию политической элиты в новой буржуазной России. Белосельцев не ограничивается созерцательной позицией и старается в силу своих возможностей влиять на ситуацию, чтобы исправить положение. Это обогащает художественный мир политического произведения элементами боевика, детектива, готики, любовной интриги и т.д., то есть роман Проханова своей информативной насыщенностью, и многокрасочной поэтикой в полной мере соответствует лучшим мировым образцам подобной литературы – прозе У. Эко, Д. Брауна, С. Кинга, А. Переса-

¹ Андреева Е.А. Проблема имперского сознания в очерках А. Проханова // Вестн. Ом.ун-та. 2015. № 2. С. 205.

² Там же, с. 206.

³ Там же, с. 206.

Реверте и др. Проханов использует также неоромантические мотивы с их остротой сюжетных положений, природной экзотикой, разделением на героев и злодеев, зачастую прибегает к художественному «кодированию» персонажей, скрывая их под масками социальных либо профессиональных амплуа: Магистр, Партиец, Чекист. За некоторыми из этих прозвищ легко угадываются их прототипы, другие же как, например, «Хозяин» в «Красно-коричневом» не поддаются расшифровке. Все романы «семикнижья» отличаются гармоничным сочетанием публицистичности с незаурядной художественной фантазией автора. Когда бы и где бы ни происходило их действие, им присуща острая социально-политическая проблематика, неподражаемая метафорическая образность, отточенный повествовательный стиль.

Роман «Красно-коричневый» посвящен политическому кризису осени 1993 года и расстрелу из танков Верховного Совета. Виктор Белосельцев представлен здесь в образе офицера-патриота, готового отдать жизнь за идею, Родину, народ. По сюжету он вынужден, согласно плану, под кодовым названием «Инверсия», играть важную, но не совсем понятную ему роль посредника между мятежным парламентом и правительственной стороной. Белосельцев не сразу понимает истинную цель этого задания, дьявольское коварство которого заключается в том, что любое его действие, вопреки его воли, служит его врагам – жестоким и корыстным заговорщикам, маскирующимся под сторонников Ельцина. В отличие от хроникально-созерцательного изображения событий в посвящённом той же теме романе Шаргунова «1993. Семейный портрет на фоне горящего дома», произведение Проханова представляет собой образец политической аналитики в художественных образах с ярко выраженным идеологическим началом, и в этом смысле, вполне заслуживает определения «роман-памфлет». В терминологии Бахтина – это абсолютно «монологический» тип произведения, где все элементы художественного мира, включая политический дискурс, являются проекцией «системно-монологического контекста», в центре которого находится авторское «Я». Как всякий монологический мир, роман А. Проханова «не знает чужой мысли, чужой идеи как предмета изображения», поэтому она «становится простой

художественной характеристикой». «Завершающая активность автора монологического романа, – пишет М. Бахтин, – проявляется в частности и в том, что на всякую точку зрения, которую сам он не разделяет, он бросает объектную тень, в той или иной степени овеществляет ее»¹. С точки зрения идейно-художественной оценки, монолитно-монологическое целое такого романа в своей последней основе всегда «одноакцентно»².

Мы не ставим своей целью объёмное исследование многоаспектного романа, поэтому ограничиваемся исключительно его политологической составляющей, поскольку тематика произведения не только касается изображения главного политического события, но и в художественной форме представляет различные политические модели, стратегии, приёмы, замысловатые комбинации, психологические портреты государственных и народных деятелей.

В отличие от романа С. Шаргунова, где семейно-бытовая и политическая линии, пересекаясь, усложняют жанровую природу произведения и его композиционную структуру, построенную на совмещениях временных пластов, политическая монотематика «Красно-коричневого» делает наиболее оптимальным линейный, хронологически последовательный ход сюжета. Таким образом, насыщенный политический дискурс романа можно разделить на два основных образно-тематических пласта: а) политические группы, их проекты и стратегии; б) метафизический аспект и политическая символика.

3.2. Политические группы, лидеры, проекты и их роль в развитии драматических коллизий романа

По меткому определению критика В. Бондаренко, роман А. Проханова «Красно-коричневый» представляет собой «периодическую таблицу всех сил и течений российской политики»³. Политическое пространство романа имеет контрастную чёрно-белую фактуру и в мифологическом смысле представляет

¹ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. второе. М.: Наука, 1963. С. 93.

² Там же, с.34.

³ Бондаренко В. «Красно-коричневый» (Владимир Бондаренко – о новом романе Александра Проханова). // Газета Завтра. 1993. № 6. С.13.

собой «унифицированные образы, где часть функционально тождественна целому; весь космос построен по одной модели и артикулирован посредством оппозиции *священного* и *профанного*, а также связи с ориентацией по свету»¹. Теневая сторона художественного «космоса» романа «Красно-коричневый» представлена группой реформаторов во главе с президентом Ельциным. В политологическом плане эти персонажи не вызывают особого интереса. Деятельность этой группы нацелена на удержание власти, чему соответствуют её функции: социального контроля, легитимизации и воспроизводства своего положения. Важная роль в управлении сознанием отводится СМИ, о чём свидетельствуют многочисленные собрания, инструктажи, брифинги, где открытым текстом перед прессой ставятся задачи, далёкие от принципов свободы и демократии. Их идеологическая линия – антисоветизм и русофобия, а образный ряд лингво-психологического воздействия удивительно прост: «Оппозиция – Сталин – ГУЛАГ – Гитлер, Освенцим – пусть люди ужаснутся !!!!»². Главная социальная функция СМИ – это пропаганда гедонизма, запугивание, дискредитация соперников. Излюбленные приёмы: нелепые ракурсы, смещённые пропорции, монтаж. Сквозной образ-лейтмотив этой темы: «*Останкино – пыточная камера*»³. Используют защитники режима и парапсихологические воздействия, не гнушаются приёмами чёрной магии. В стилистическом плане фигуры этой части политической «элиты» представляют богатый материал для отдельной работы по гротескной образности, построенной на зооморфизмах и сочетаниях уродств «биологического низа».

Оппозиционные, близкие сердцу автора, силы представляют собой многообразную картину, состоящую из различных патриотических течений, среди которых выделяются сторонники социалистического строя, монархисты, социал-демократы, националисты, сторонники имперской державности и т.д. Несмотря на мировоззренческую разноголосицу, их объединяет несогласие с действиями властей. Большой мастер политического портрета, А.А. Проханов, изображает

¹ Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. С. 47.

² Проханов А.А. Красно-коричневый: Роман. СПб: Амфора, 2003. С. 501-502.

³ Там же, с. 50.

оппозицию в различных ракурсах, ситуациях и условиях. Мы видим её деятелей в рабочих кабинетах, на площадях во время проведения массовых акций, на военизированных учениях, накануне и в дни защиты Дома Советов. Автор глазами своего героя оценивает их достоинства и недостатки, старается вникнуть в логику их политического поведения и психологию поступков. Наиболее активными участниками политической борьбы в романе являются коммунисты. Этот сектор состоит из двух групп: партийно-номенклатурной, представленной «генсеком» (Зюгановым), и народно-революционной во главе с Виктором Анпиловым. Знакомство Белосельцева с лидером коммунистов начинается с ощущения контраста между былым величием советских партийцев и скромностью их сегодняшнего положения. Настроенный на решительную борьбу боевой офицер, генерал разведки, сразу отмечает и во внешности, и в манере держаться двойственность «Генсека»: с одной стороны, сильный, волевой характер, с другой, «едва заметная неуверенность, зависимость от чужого мнения, стремление во что бы то ни стало понравиться»¹. Схематичность чувствуется и в его манере говорить «языком газетной статьи или отчётного доклада»². Содержание его речи – общеизвестные факты: катастрофическая картина во всех сферах жизни, вызывающая солидарное возмущение его престарелой аудитории. Главной же целью партии является объединение всех оппозиционных сил для «отпора захватчикам», а для этого необходима новая идеология и единый лидер. Важной внешней чертой «генсека» был «выпуклый, огромный, с буграми лоб»³. Эта и характерная часть лица, и своеобразный психологический индекс персонажа: «купол», «защита», «бронированная крышка» – знак упрямства и осторожности. То он направляет свой «выпуклый лбище» в зал, то «набычивает» его, то отгораживается им от Белосельцева, блокируя его наступательную энергию. В нерешительности, чрезмерной осторожности «генсека» генерал видит обречённость его дела и не верит в его «широкое общенародное движение», а сам партиец напоминает ему «погорельца, блуждающего по пепелищу, собирающего

¹ Проханов А.А. Красно-коричневый: Роман. СПб: Амфора, 2003. С. 65.

² Там же, с. 65.

³ Там же, с. 54.

остатки несгоревшего скарба»¹. Грустным символом, завершающим собрание, звучит в исполнении стариков песня «Вставай, страна огромная!»: «Их голоса звучали глухо, как ветки в безлистом осеннем лесу, когда в них залетает предзимний ветер. Казалось, слова великой песни доносятся из-под земли, куда все они скоро сойдут и где поджидает их поколение, воевавшее, строившее, в великих трудах и лишениях создававшее государство, взывающее из своих могил и склепов к живым»². В целом же коммунисты «генсека» – это «стариковская партия»³, «экипаж затонувшей подводной лодки»⁴. Деятельный, целеустремлённый пассионарий, каким является Белосельцев, не видит в этой «беспольной старости» своих союзников в грядущей схватке с режимом. Если Зюганов, по мнению Белосельцева, не революционер, а аппаратчик, то лидер «Трудовой России» «трибун» Анпилов, есть абсолютная реинкарнация большевизма начала века, готового во имя провозглашённой утопии ещё раз «весь мир насилья разрушить до основания». Характерна и обстановка, в которой мы знакомимся с оппозицией. Зюганов как бы сросся с замкнутым пространством своего кабинета, ставшего метафорической проекцией его непробиваемого черепа. Анпилову нужна площадь, массы, азарт борьбы. Это – человек действия, настоящий актёр политического театра. Театрально, пафосно, с библейским размахом, выглядит его появление перед народом на ракетовозе, похожем «на сказочного кита, выгнувшем спину, на которой росли деревья, стояли церкви, расхаживали люди»⁵. Не менее артистично и его выступление, сопровождаемое резкой жестикულიацией и чеканными фразами. Классовый колорит речи звучит в его голосе, который, «сорванный до хрипоты, ввинчивался как фреза, в ретранслятор, вылетал оттуда бесконечной металлической спиралью»⁶. Автор неоднократно показывает, как народ воодушевлённо реагирует на выступление «Трибуна», обожает его, готов идти за ним в бой. Впечатляет выступление

¹ Там же, с. 70.

² Там же, с. 68.

³ Там же, с. 69.

⁴ Там же, с. 64.

⁵ Там же, с. 147-148.

⁶ Там же, с. 152.

Анпилова перед Домом Советов. Своей неистовой энергетикой оно похоже на речь пророка. Это образец митинговой риторики, призывающей народ вдохновиться героическим прошлым отцов в борьбе с нынешними врагами России: «— Товарищи! ... Здесь, на этих святых краснопресненских камнях... почти сто лет назад... пролетарские дружины Москвы... громили буржуев... поливая брусчатку своей алой кровью! ... Из этих камней и булыжников... из ветвей этих старых деревьев... рабочие Москвы строили свои баррикады... о которые разбивались отряды царских карателей! ... Не посралим славы рабочей Москвы! ... Остановим здесь, у этого белокаменного Дворца буржуев и капиталистов! ... Выставим навстречу им наш красный пролетарский кулак!»¹. Громкие, рубленые фразы, передающие волнение оратора паузы, яркие метафорические образы, архаические обороты и историзмы придают его речи революционный пафос и романтику классовой борьбы. Героическая поэтика речи живо воспринимается народом: «Трибун выбросил вперед руку с кулаком, словно кидал в толпу россыпь углей, и толпа обжигалась, загоралась. Казалось, над головами мчится прозрачный огонь, верховой пожар, съедая легкие горючие травы»². А в самый разгар конфликта возле Останкино «от призывов Анпилова, как от колдовских стихов, начинала кружиться голова»³. Если анатомической эмблемой «Генсека» является «лоб», то олицетворением характера «Трибуна» — «кулак», означающий сплочённость рядов, силу и целеустремлённость.

Коммунистический сектор не ограничивается двумя массовыми организациями — КПРФ и «Трудовой Россией». Мы видим другие яркие личности, выступающие под красным флагом: Сажи Умалатову, «Красного генерала» (Макашёв), Виктора Алксниса, Эдуарда Лимонова, рядовых советских тружеников, инженеров и учёных разрушенных заводов и закрытых КБ. Всех объединяет решительность, смелость, готовность идти до конца. Однако митинговому единению далеко до русской соборности, того духовного единства, которое спасало Россию в 1612, 1812 и 1941-45 гг. Примечательна в этом

¹ Там же, с. 472.

² Там же, с. 472.

³ Там же, с. 695.

отношении реакция священника, отца Владимира на выступление «Трибуна»: «Все лучшие – здесь! – сказал священник, шире и радостней раскрыв голубые глаза. – Сам Христос здесь! С сирыми, нагими, гонимыми за правду, нестяжателями. ... Вот только зачем они с красными флагами? ... Сюда надо с образами и хоругвями, и сила будет неодолимая! А они опять со своими идолами, могут все испортить! ...»¹. Даже перед лицом общего врага в стане оппозиции нет согласия, нет его и внутри коммунистических сил, что роковым образом скажется в момент решающей схватки за власть. Это обстоятельство удручает Белосельцева, потому что люди, которым он хотел помочь, «не умели оценить угрозу, определить ее размеры и точным ударом ее обезвредить. В них была обреченность изолированных, не связанных друг с другом вождей, находящихся под наблюдением врага, который знал их слабости, пользовался их честолюбием, мешал согласованным действиям»². Конфликт между Зюгановым и Анпиловым, разногласия в вопросах тактики – методов революционной борьбы и «непротивленчества» – взаимные обвинения в предательстве общего дела в немалой степени способствовали поражению парламентской стороны осенью 1993 г.

После крушения СССР главные враги коммунистического строя монархисты оказались в оппозиции к новой космополитической власти. В романе А. Проханова эта «партия» во главе с «Белым генералом» (Стерлигов). Формально считаясь оппозиционной, она не представляет особой угрозы правительству ни в идеологическом, ни в организационном плане. Если в стане коммунистов есть притягательные моменты (героическое прошлое, классовая борьба), то «Белый генерал» и его окружение, несмотря на то, что «идея монархии, великой русской империи была близка» Белосельцеву, производит на него отталкивающее впечатление, и он воспринимает этот круг людей как искусственное, бутафорское образование с «неопасной для противника

¹ Там же, с. 478.

² Там же, с. 157.

риторикой»¹. К «позе», «многозначительности» вчерашнего генерала КГБ, его желанию «вписать себя в золочёную рамку вождя»² Белосельцев чувствует антипатию и недоверие. Это отношение укрепляется несуразностью окружающей обстановки. Жажущий нового царя купец-золотопромышленник похож на «артиста, играющего героев Островского»³, славословия женщины, напоминающей «класную даму в губернской гимназии», кажутся лицемерными⁴, «заповеди предков и заветы православия»⁵, совсем не вяжутся с глянцевыми английскими журналами на столике, картиной абстракциониста на стене и сигаретой «Мальборо» во рту⁶. Смотров монархических сил стала презентация общества «Русское золото» в Колонном зале. Официальное мероприятие с участием «отпрысков императорского дома» походило на костюмированное шоу, где «все играли свои роли с достаточным мастерством, но без особого таланта»⁷. В сознании человека, воспитанного советской эпохой, эти «лежалые семена», «позабитые соцветия», «оперные монахи» и «заезжие княгини» не стыкуется с героическим прошлым великой страны. Косноязычная мать «инфанта» воспринимается Белосельцевым как «восточная торговка помидорами на кавказских рынках»⁸. Он с «глухим» отвращением думает об «устроителях будущей коронации», а «иноземная дама, подсаженная в час беды утомленному, одурманенному народу», становится для него «олицетворением пошлости и неправды»⁹. Более того, эта фальшивая, но дорогостоящая державность разрушительна для страны,¹⁰. Завершается эта сцена банкетом, на котором вполне символично, в духе Оруэлла, умонастроение публики стремительно меняется от «возвышенного, церковного, судьбоносного до плотского, почти животного»¹¹. Интуиция не обманула Белосельцева: в критический момент монархисты не

¹ Там же, с. 72.

² Там же, с. 77.

³ Там же, с. 79.

⁴ Там же, с. 78.

⁵ Там же, с. 80.

⁶ Там же, с. 80.

⁷ Там же, с. 269.

⁸ Там же, с. 277.

⁹ Там же, с. 277.

¹⁰ Там же, с. 277.

¹¹ Там же, с. 279.

оправдали надежд, и возле Дома Советов не оказалось ни хвалёных казачьих сотен, ни ополчения, ни засадных полков.

Если «красные» и «белые» представлены Прохановым с элементами иронии и гротеска, то сторонников русского единства и их «Вождя» мы видим в фольклорно-романтическом ореоле. Здесь нет уныния и споров, здесь царит священное братство, воля, пантеистическое слияние с природой, народные песни, таинственное вероисповедание, звезда Богородицы и ритуальные костры, где «огненная вера была под стать горячей смоле, древним силам леса, высоким звездам, куда улетали завитки и протуберанцы огня»¹. Не случайно знакомство Белосельцева с этими людьми происходит не в душных кабинетах, не на шумных площадях и не в банкетных залах, а на опушке русского леса. Для А. Проханова, как человека, работавшего в молодости и лесником, и в геологических экспедициях, лес имеет особенное, мистическое значение: «...Русская природа и русский лес – это потаённый код, на который откликаются старик и юнец. Это код Русской Мечты, он объясняет русского человека как творца и молитвенника, каким бы падшим и заблудшим он ни казался нам. Выращивая дерево, человек выращивает себя самого, выращивает все самые чистые, возвышенные, устремлённые к небесам чувства и мысли»². В этой сцене всё дышит легендой, пропитано мифом, открывающим путь в иное измерение. Словно в арийском эпосе, «Вождь» сидит под священным дубом – символом прочности, силы, долголетия. Славяне посвящали его могущественному богу грома и молнии – Перуну. Под сенью дубов славяне приносили жертвы богам, созывали военные советы, принимали важные решения³. Белосельцев, слушая его речь, чувствовал, «что их связывают не слова, а невидимые, упрятанные в древесную толщу соки могучего дерева, силы земли и неба, соединенные дубом в зеленых шелестах огромной волнистой кроны. Живые и смертные, они заключены в круговорот этих

¹ Проханов А.А. Красно-коричневый: Роман. СПб: Амфора, 2003. С. 173.

² Проханов А. А. Русский лес // [Электронный ресурс]. URL: https://zavtra.ru/blogs/russkij_les (Дата обращения: 28.06.19).

³ Афанасьев А.Н. Древо жизни: избранные статьи. – М.: Современник, 1983. С. 215-218.

вечных сил¹. Кредо «Вождя» и его соратников звучит предельно просто: «Нацию объединяют живые связи с почвой, с небом, братство по крови. Наша организация, – это духовный Орден, исповедующий религию России. С этой религией мы победим»². Объединённые «почвой» и не совсем понятной «верой» эти люди готовы отдать жизни за «Русскую Эру». Однако отчужденность от других политических сил («оппозиция обречена, коммунисты и монархисты – в прошлом»), духовная и национальная герметичность придаёт их движению сектантский характер и лишает его широкой народной поддержки. Эта гипертрофированная обособленность наглядно проявилась в дни защиты парламента, когда движимые «соборной силой» люди разных убеждений и взглядов пришли защищать, по словам отца Владимира, не только Конституцию, и не свою партию или Руцкого, но Святую Русь³, «Вождь» говорит о своей истинной цели: «Мы здесь не для того, чтобы защищать истеричного летчика... И не для того, чтобы класть русские головы за чеченца. И не для того, чтобы идти под красным знаменем с главарем безумных старух. У нас своя миссия и своя судьба. Я приказал моим людям явиться сюда, чтобы получить оружие и больше не выпускать его до тех пор, пока мы ни войдем в Кремль»⁴. Таким образом «миссия» превращается в авантюру, державность без имперского начала – в фикцию, а «единство» – в узкую этническую групповщину.

Центром протестного движения в 1992-1993 гг. был «Фронт национального спасения», объединявший национально-патриотические и «левые» организации. Эта была коалиция разнородных политических движений на платформе этатизма. Пестрота этого объединения особенно бросалась в глаза на Конгрессе ФНС (24-25 июля 1993 года): «Перед входом клубилась толпа, раздавались мегафонные возгласы, колыхались флаги, – красный с серпом и молотом, имперский с двуглавым орлом, андреевский с голубым перекрестьем. Повсюду продавались патриотические газеты, брошюры. Коммунисты с красными бантами, «черная

¹ Проханов А.А. Красно-коричневый: Роман. СПб: Амфора, 2003. С. 169.

² Проханов А.А. Красно-коричневый: Роман. СПб: Амфора, 2003. С. 169.

³ Там же, с. 607.

⁴ Там же, с. 579.

сотня», перетянутая портупелями, «православное братство» с крестиком и образом Богородицы. Все это уживалось вместе, гомонило, спорило, агитировало, улавливало в свои сети толпящийся люд»¹. Белосельцеву это «единство» напоминает «упавший Вавилонский столп, рассыпанный на множество разрозненных, не умеющих объединиться осколков»². При всей серьёзности обстановки и персонажи, и действие воспринимается автором в шуточных, литературно-маскарадных тонах: Бабурин похож на «мушкетёра»³, Астафьев – на «чеховского доктора»⁴, Константинов «воспроизводил стиль вождей Революции, известный по кинофильмам»⁵. Генерала поражает бутафорский характер этого политического форума, где публика напоминает «кого-то из прошлых времен, описанных романистами, изображенных живописцами»⁶. Не отличается цельностью и настроение, царившие в зале: «Обожание, надежда, недоверие, мнительность, раздражительное отношение к вождям, глухое, им самим непонятное недовольство и напряженное ожидание какого-то общего решительного действия»⁷. Выступающие говорили о гражданском неповиновении, об историческом примирении «красных» и «белых», о великой России, о державной идеологии, о решительных действиях и т.д. Но всем этим высокопарным словам, несмотря на овации и одобрительные крики, суждено было повиснуть в воздухе. Конгресс не выполнил своей задачи, наоборот, его итогом стал раскол в рядах оппозиции, когда несколько национал-патриотических организаций покинули ФНС, после чего он практически перестал быть объединяющим центром. Трагическим сопровождением первого дня работы Конгресса стало самое страшное ДТП в истории Москвы, когда на Дмитровском шоссе у светофора загорелся бензовоз и стоящие за ним три троллейбуса с пассажирами, многие из которых сгорели заживо. И С. Шаргунов и А. Проханов,

¹ Там же, с. 303-304.

² Там же, с. 304.

³ Там же, с. 304.

⁴ Там же, с. 305.

⁵ Там же, с. 309.

⁶ Там же, с. 305.

⁷ Там же, с. 305.

описывая это происшествие в своих романах, воспринимают его как мистическое предзнаменование грядущих трагических событий.

Реальной, державной политикой, которой Белосельцев готов отдать все силы, был «Новый курс» вице-премьера, обозначенного А. Прохановым как «Вельможа» (В.П. Поляничко). К сожалению, жизнь этого человека в большой политике была короткой. Он трагически погиб на Северном Кавказе 1 августа 1993 года, не успев воплотить в жизнь свою программу. По сравнению с «Вельможей», другие политические силы, с которыми встречался Белосельцев, – «торжища бездейственные и ненужные»¹. Суть «Нового курса» и по-военному чётко излагает автор: «Опять создадим государство! И без митингов, без раздиранья глоток! Обратимся к народу, к его коренным представителям. Родина! Справедливость! Восстановим заводы, укрепим границы, создадим могучую армию. Вернем народу веру! Он будет работать во имя великой страны, во имя будущего»². «Новому курсу» созвучна идеология «Русской цивилизации», о которой на баррикаде возле Дома Советов в исповедальной манере рассказывает журналист Клокотов (авторское альтер эго). Для него обретение смысла всего происходящего, действительно, было хождением по духовным и физическим мукам. За несколько лет перестройки и короткий постсоветский период он многое переосмыслил. «Беловежский сговор» и так называемую «демократизацию» он воспринимает как удар по зародившейся в недрах Союза «Русской цивилизации», которая «питалась великими открытиями советской науки и техники, русскими прозрениями о Боге и Космосе, благоговением человека к Природе, бережением Праматери-Земли»³. Мощным источником энергии развития страны становился «сложнейший синтез коммунистического земного строительства и религиозного порыва в непознанное мироздание». Помимо этого, «Русская цивилизация» имела перспективы стать глобальным проектом, поскольку вместе с ней «зарождалось новое земное устройство»⁴. В момент же, когда основы государства разрушены,

¹ Там же, с. 195.

² Там же, с. 195.

³ Там же, с. 549.

⁴ Там же, с. 549.

достижения проданы врагу, творения писателей и философов «осквернены и затоптаны», задача русских патриотов объединиться и «сложить расколотые таблицы, склеить разорванные свитки и снова вывести формулу, по которой на этой части земли, сквозь все потрясения и нашествия, все сатанинские козни осуществится «Русская цивилизация»¹. Главными же символами России как Богоизбранной земли должны стать Любовь и Правда во всех делах, «строим ли мы космодром или приходскую школу, или ищем совершенства в рифмах и песнопениях!»².

Примером авантюрного псевдопатриотического проекта является план человека, которого автор условно называет «Хозяином». Прототип его не угадывается. Мы знаем, что в системе новой власти это могущественное лицо: он вырабатывает стратегию и тактику действий, консультирует прессу, управляет силовым блоком. По всем признакам это классическая фигура «теории заговора». Под стать ему и его сподручный, бывший полковник КГБ, наёмник, лжец и циник – Каретный. Статус этих людей неясен: «мы – вне власти, над властью, при власти»³. Их замыслы закодированы. Известно только, что ими выполняется некий «законспирированный план Андропова», рассчитанный на несколько поколений. Его этапы: «почка», «перестройка», «путч», «электросварка», «крематорий», «боров»⁴. Генеральная цель проекта также туманна, как и его название – «Россия Золотая». Каретный говорит об «акции исправления русской истории» и «глобалистском плане управления континентами»⁵. Демоническая суть плана заключается в том, что каждый из этапов – полностью отрицает предыдущий, строится заново на его руинах. Всё это похоже на проект перманентной революции. Ни слова о народе. Движущей силой «переворота» будет группа заговорщиков. Это проект без идеологии, без системы ценностей, вместо которой – пустой великодержавный пафос и набор патриотических симулякров: «мы

¹ Там же, с. 550.

² Там же, с. 550.

³ Там же, с. 122.

⁴ Там же, с. 125-126.

⁵ Там же, с. 342.

реалисты-спасители России»¹, «синусоида истории, скрытое могущество, знающие и владеющие»². Их методы используют достижения социальной психологии, экстрасенсорные удары, провокации, подкупы, ложь, засады. Алгоритм действия напоминает матрёшку, «где цель вложена в цель», и «точка раскрывается в бесконечность»³. Откровенно циничным является план «Инверсия», согласно которому любое действие субъекта оборачивается против него и дела, которому он служит. В финале романа открывается подлинная цель «Хозяина» и его слуги: получение информации, которая «сильнее танковых дивизий», может дать им неограниченную власть над страной. К счастью, несмотря на филигранную разработку, план «Хозяина» не срабатывает. Появляется некая анонимная сила, которая одним действием перечёркивает сатанинскую комбинацию заговорщиков и рождает надежду, что «борьба продолжается, победа возможна, возмездие неизбежно»⁴.

Что касается политических стратегий, то их можно разбить на три типа, представляющих собой различные механизмы захвата политической власти: а) военно-силовой с туманными перспективами дальнейшего развития страны (РНЕ – «с оружием в Кремль»⁵, монархический – сначала призывы, затем ополчение⁶, «анпиловский» – революционное восстание масс; б) эволюционно-мягкий, конституционно-демократический вариант, предусматривающий постепенное выдавливание из государственных структур своих политических оппонентов (план КПРФ, «Вельможи»⁷, мирный план ФНС; в) узурпация власти с помощью грязных технологий, уничтожение оппозиции и установление диктаторского режима (проект «Хозяина» и Каретного «Россия Золотая»)⁸.

¹ Там же, с. 123.

² Там же, с. 25.

³ Там же, с. 397-400

⁴ Там же, с.809.

⁵ Там же, с. 579.

⁶ Проханов А.А. Красно-коричневый: Роман. СПб: Амфора, 2003. С. 77.

⁷ Там же, с. 195.

⁸ Там же, с. 397-400.

3.3. Метафизический аспект и трансформации литературных, апокрифических и фольклорных традиций в романе

Прежде чем, перейти к анализу заявленной в параграфе темы, считаем необходимым конкретизировать термин «метафизический». Учитывая то, что он семантически перегружен не менее чем понятие «миф», мы считаем целесообразным ограничиться определением, которое даётся в современном энциклопедическом словаре «Философия» под редакцией д.ф.н. А.А. Ивина. Автор словарной статьи, отталкиваясь от определения «метафизики» А. Шопенгауэром как «порядке вещей-в-себе, где теряют значение законы этого мира явлений», предлагает следующее понимание этого термина: «Мы во всех областях знания – в познании человека, истории, природы – сталкиваемся с метафизическими проблемами, везде упираемся в то, что недоступно человеческому разуму, в некий неразстворимый остаток. Эти проблемы – не произвольный продукт человеческого любопытства, не исторический балласт мысли, а сама вечная загадочность мира, укорененная в его состояниях и свойствах¹. Роман А. Проханова представляет собой панорамную картину сопротивления, соединяющую социологию с метафизикой. Однако это не есть «двоемирие» магического реализма, которое мы видим в прозе Х. Л. Борхеса («Книга вымышленных существ»), Г.Г. Маркеса («Сто лет одиночества»), Х. Кортасара («62. Модель для сборки») А. Карпентьера («Царство земное»), М. Петросяна («Дом в котором...»), К. Р. Сафона («Тень ветра»), Макс Фрая (псевд. Мартынчик, Стёпин) («Сказки старого Вильнюса»), И. Альенды («Дом духов») и др. Пространственно-временной дуализм магического реализма воспринимается героями как абсолютно естественный, в котором реальное и мистическое нераздельно. Хронотоп магического реализма отличается чрезвычайной гибкостью, а стандартного понимания времени не существует. Своеобразны также роль и функции мифа, которые используются как приёмы осмысления и художественного отражения современного мира в противовес

¹ Философия. Энциклопедический словарь / Под ред. доктора философских наук А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004.

объективным законам реальности и социально-политической аналитике. В романе А. Проханова действуют иные законы и его «двоемирие» имеет не «магический», а «метафорический» характер, когда, согласно Р. Вейману, «метафора устанавливает единство имени и вещи как чисто условное», а не «абсолютное», как это имеет место быть в магическом сознании. В художественном же мышлении единство символа и символизируемого становится сознательной иллюзией, предполагающей внутреннее изначальное их противоречие. Следовательно, «в этой уже метафорической и символической противоречивой соотнесённости продолжает в новом виде существовать диалектика действительного и возможного: не в смысле магической, а в смысле эстетической иллюзии, как она наличествует, например, в «Буре» Шекспира, в «Фаусте» Гёте и в «Робинзоне Крузо» Дефо»¹.

К метафизической сфере романа мы относим *религиозные* мотивы и *мифопоэтику*, включающую в себя композиционно-структурные модели легенды и сказки, а также многослойную символику: мифологемы, архетипы, сложные метафоры, реминисценции и т.д. Мы полагаем, что символический аспект произведения настолько насыщен и глубок, что достоин особого научного подхода и может стать темой самостоятельной диссертационной работы. Что касается теологии романа, то здесь немаловажную роль играет мотив «чуда» и сопутствующая ему философия и эстетика, что также, на наш взгляд, ждёт своих отдельных исследований.

Нас прежде всего интересует религиозный аспект политического дискурса представляет собой сложный комплекс образов и мотиваций синкретического характера. В духовной сфере романа переплетаются пантеистические и христианские мотивы, присутствуют признаки деизма («Мирозданье цветет, источает зори и радуги. Сотворяются миры и пространства, дышат, живут. В них царствует разум»²) и оккультных учений как средства воздействия на

¹ Вейман Р. История литературы и мифология / пер. с нем. О.Н. Михеевой. М: Прогресс, 1971. С. 277.

² Проханов А.А. Красно-коричневый: Роман. СПб: Амфора, 2003. С. 814.

политическую ситуацию¹. Исходной точкой этой непростой темы становится разговор Белосельцева с Катей, в котором он объясняет суть своей веры: «Далёк от церкви, от Бога. Наверное, чувствую, догадываюсь, что он есть. Но жизнь вела меня совсем другими дорогами. Вот природа и есть мой бог! В неё верую, к ней обращаюсь, в ней нахожу все ответы. В ней для меня и Бог, и Родина и бессмертие»². На первый взгляд, эта беседа воцерковлённой женщины и агностика не отличается философской глубиной, хотя неустойчивость героя в своих духовных принципах и тревожное психическое состояние предвосхищают акт его преобразования в финале романа. Но его дальнейшее действие развивается не в духе ожидаемого богоискательства, а в плоскости антиномической коллизии важнейших ценностей христианской этики: добротолубия как любви к прекрасному, возвышенному, доброму и воинствующего Православия в том смысле, как его понимал митрополит Антоний (Храповицкий): «Большинство притчей Господних о Царствии Божиим относится к Церкви воинствующей, – ей именно обещана Господом полнота благодатных дарований. Точно также и Апокалипсис изображает борьбу благодатного Царства Христова с миром на земле и представляет Христа Вождем и непосредственным Главой Церкви воинствующей, как в первоначальном видении Его среди семи светильников, так и в откровении будущих судеб Церкви»³. В правоте подобного понимания роли Церкви убеждает нас и современное исследование церковно-славянских текстов «Нового завета Татьяной Мироновой: «Крест и меч, милосердие и мужество составляют монолит Православной веры»⁴, великими подвижниками которой были Александр Невский, Сергей Радонежский, Дмитрий Донской, адмирал Фёдор Ушаков. Вначале кажется, что носителем идеи умиротворяющего, «покаянного» христианства является отец Владимир (протоиерей Дмитрий Дудко). Именно с его слов, думает Белосельцев, Катя призывает к умиротворению, к преодолению в себе антипатий и обид, благоговению перед

¹ Там же, с. 180, 185, 187, 575.

² Там же, с. 109.

³ Митр. Антоний (Храповицкий). Церковь воинствующая // [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Antonij_Hrapovickij/tserkov-voinstvuyushaja/ (Дата обращения 20.06.2020).

⁴ Миронова Т.Л. Кто управляет Россией? М.: Эксмо: Алгоритм, 2010. С. 13.

жизнью (как раз к тому, что А. Проханов называет «добротолюбием»)¹. В подобном «добротолюбивом» ключе воспринимались проповеди церковников многими патриотами. В связи с этим интересна полемика между священником и редактором патриотической газеты Клокотовым. Позиции говорящих, предмет спора и чёткость аргументаций напоминают философию «Трёх разговоров» Владимира Соловьёва. Яркий, импульсивный Клокотов похож на соловьёвского Генерала, проповедующего «противление злу силой». Его волнуют вопросы: морально ли со стороны церкви «увлекаться проповедью смирения», когда в стране торжествуют разрушительные силы? Не прикрывает ли власть церковной ризой свой богомерзкий образ? Почему церковь не поднимает Русь на битву?

Если редактор оценивает ситуацию в стране с точки зрения политика, то отец Владимир видит эту проблему в богословском свете: «Власть – потому и власть, что желает властвовать. Но не она властвует на небесах и не она – на земле, а ею властвует Бог. Ее деяниями наущаются люди. Стало быть, так Богу угодно, чтобы закрывались заводы, символы мнимого земного могущества, а рядом с ними возносились дома Божии. Ведь сказано старцами, что должно исполниться число крестов на Руси, на могилах праведников и на храмах Божиих. И тогда спасемся!»². Переводя свои доводы на богословский язык, редактор напоминает священнику, что православие есть не только «кротость и смирение», но и Церковь Воинствующая, которая «одолевает тьму кромешную, повергает твердыню ада». Именно, она «вкладывала в длань Димитрия Донского карающий меч! Именно она говорила устами Гермогена, патриарха Тихона!»³. Ясность в эту, казалось бы, неразрешимую дилемму вносит ответ отца Владимира: «— Православная церковь может говорить только с православным, воцерковленным народом на языке сокровенных православных святынь. Не языком листовок и митингов, а языком молитв. Для того, чтобы народ услышал церковь, он должен вернуться в лоно церкви...Я вам опять говорю, без веры в Господа у вас, политиков, ничего не выйдет. Опять проиграете, затянете народ в очередную

¹ Проханов А.А. Красно-коричневый: Роман. СПб: Амфора, 2003. С. 963.

² Там же, с. 43.

³ Проханов А.А. Красно-коричневый: Роман. СПб: Амфора, 2003. С. 43.

беду. Без Бога на Руси ничего доброго не случается, а только с Богом!»¹. Ответ священника на реплику Клокотова о том, что до полного «воцерковления народ может не дожить», снимает с церкви обвинение в «непротивленчестве»: «На Русь пришли бесы. Предстоит ужасная, последняя схватка, и нам всем не уклониться, ни священнику, ни политику, ни военному... Нам всем придется претерпеть за Россию, придется пострадать за Христа! Но не надо отчаиваться. Ибо кого Бог любит, тому и дает пострадать!»². Эти слова священника говорят о том, что зло реально и что «схватка» с ним неминуема и что требует она от человека быть во всеоружии, потому что только тогда оно может быть повержено, а человек – спасён, так как победа над злом, есть победа над смертью, то есть «в действительном воскресении», открывающим «Царствие Божие, а без этого есть царство смерти и греха и творца их, дьявола»³. Внутренняя красота и сила этого человека поражают Белосельцева. Ему кажется, что от священника исходит сияние и сам он, как церковь: «он был властен и в то же время кроток. Добр и одновременно непреклонен. Молод и библейски стар»⁴. Отец Владимир смысл «служения» понимает в широком смысле. А поскольку «Бог говорит с каждым из нас в отдельности», то каждый человек по-своему понимает свою миссию. Для большинства героев книги это борьба. Знаменательна реакция Кати на слова Белосельцева «Хочу служить Родине!»: «А ты думаешь Родине только на митингах служат? Или с винтовкой в руке? Есть тихое служение, незаметное. Невидное миру»⁵. Катя имеет в виду работу в детском приюте при церкви. И в таком служении «обязательно открываются истинная красота и вера»⁶. Выходит, что «добротолубие» есть не менее эффективное оружие воинствующего Православия, чем методы, к которым призывает Клокотов, потому что «духовенство, монахи, старцы молятся за Россию перед Господом день и ночь, и

¹ Там же, с. 44.

² Там же, с. 44.

³ Соловьев В.С. Смысл любви: избранные произведения. М.: Современник, 1991. С. 396.

⁴ Проханов А.А. Красно-коричневый: Роман. СПб: Амфора, 2003. С. 44.

⁵ Там же, с. 223.

⁶ Там же, с. 224.

если Россия ещё стоит и не пала, то лишь благодаря этим немолчным молитвам»¹. Не случайно авантюриста Каретного более всего в характере Белосельцева настораживает не его мужество, решительность и честность, а «бессознательное тяготение к религии»².

Ярким воплощением воинствующего Православия в романе является образ схимника Филадельфа, благословляющего Белосельцева на борьбу и подвиг за Святую Русь. Но более сложным видится нам образ отца Владимира, в словах которого отвергающий призывы к покаянию Белосельцев слышит (пока ещё не понятный ему) «смысл, добытый из древних колодцев», где в «гулком глубинном сумраке и тёмной воде сияет звезда»³. Символична и героическая смерть отца Владимира, связанная с явлением чуда заговорившей иконы: «Икона заговорила!.. Бог снова меня услышал и отозвался!.. Сказал: «Иди!» ...И я иду!.. Я остановлю братоубийство! Они не станут стрелять в икону!.. Богородица нас помирит!..». Гибель священника, идущего на врага с крестом и молитвой – «да воскреснет Бог, и да расточатся врази его»⁴, – схожа с подвигом Пересвета и Осляби, посланных на Куликово поле преподобным Сергием Радонежским и ставшими историческими, символами противления злу силой духа.

Завершением православной вертикали романа является образ «Божественной евангельской мечты» («России Небесной»), созданный отцом Владимиром в рассказе о его поклонении мощам преподобного Серафима в Дивееве. Именно там, на молитве о спасении «родимой святой Руси» ему открылась «несказанная земля с золотыми храмами, чудными ликами, божественной природой, и во всех храмах молились, и молитвы были обращены к Богородице, которая держала над этой несказанной землей свой чудный покров. И земля эта была Россия, нетленная, горная, которую мы несем при жизни в своем сердце, и которая примет нас после земного бытия!»⁵. Этот религиозно-поэтический образ России не поддаётся логическому истолкованию, нет намёка и

¹ Там же, с. 44.

² Там же, с. 233.

³ Там же, с. 42.

⁴ Там же, с. 768.

⁵ Там же, с. 608.

на пути достижения этого идеала, кроме искупительной жертвы, которую должны принести русские за «мерзость мира, дремоту отупелого народа, предательство вождей, подлость власти»¹.

Если рассматривать произведение в мифопоэтическом плане, то его образно-структурным началом является «миф о Граале», сюжетообразующим стержнем – жанр «хождений» с его описанием диковинок и чудес, интрига развивается по схеме «волшебной сказки».

Грааль – один из самых сакральных символов христианской цивилизации. Этимология названия не совсем понятна. Отто Ран связывает его с выражением «*sang royal*» – «королевская кровь», то есть кровь потомков Иисуса. Но есть и другие варианты: *Cranalem* (сосуд для смешения вина с водой), *Gradalis* (церковное песнопение), *Graal* (корзина изобилия) и др. В классическом виде – это чаша, из которой Христос пил на Тайной Вечере, а затем в неё была собрана Его кровь. Символический спектр Грааля чрезвычайно широк. Это – источник жизни, бессмертия, богатства, могущества и проч. Поиски Грааля – это возвращение в рай, обряд инициации, проверка через испытания, а также поиск скрытого смысла и тайны жизни. В терминологии К.Г. Юнга – это поиски внутренней целостности, полноты существования, движение от Эго к Самости. С. Аверинцев определяет сущность этого мифа следующим образом: «Роль символики Грааля, важной для рыцарской культуры средневековья, состояла в том, что она соединяла дух рыцарско-приключенческий, вольную игру фантазии, использующей осколки полузабытой мифологии с христианской сакраментальной мистикой»².

Сюжетная структура мифа, связывающая динамику действия с высшими смыслами, во все времена была чрезвычайно привлекательна для поэтического воплощения. Украшением средневековой литературы были поэмы о Граале Кретьена де Труа и Вольфрама фон Эшенбаха, романы Робера де Боррона. С расцветом «фэнтезийной» литературы в XX веке тема Грааля получает новые и

¹ Там же, с. 570.

² Аверинцев С. Грааль // [Электронный ресурс]. URL: [https:// azbyka.ru/otechnik/Sergej_Averincev/sofija-logos-slovar/86](https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Averincev/sofija-logos-slovar/86) (Дата обращения 16.01.2019).

самые невероятные трактовки. В романе Дэна Брауна «Код да Винчи» Грааль оказывается женщиной, в романе Умберто Эко «Баудолино» – выдумкой главного героя, а в «Короле и Императоре» Гарри Гаррисона он становится лестницей, с помощью которой с креста снимали Иисуса. Не менее экзотичен образ Грааля в российской современной литературе. У А. Солженицына «В круге первом» это – символ совершенства. В «Стальной петле» Р. Глушкова герой ищет Грааль, чтобы излечиться от паразитов. В трилогии С. Лукьяненко «Линия грёз» этот сакральный талисман превращается в планету.

В последнее время тема Грааля активно вошла в кинематограф и индустрию компьютерных игр. Не чужд этот образ и современной рок-музыке: достаточно вспомнить лирический вариант «Грааля» в исполнении «Тол Мириам» или его постмодернистские трактовки группой «АнДем» и американского рэпера JayZ .

Роль заветной цели, своеобразного Грааля, в романе А. Проханова играет загадочный «кейс Руцкого» с секретной информацией, способной взорвать мир, – «материал сильнее танковых дивизий, инструмент политики в следующий политический период»¹. Необычность действия заключается в том, что оно соединяет в себе две разные политические цели, выполняемые одним человеком: для Белосельцева «Грааль» – есть залог возрождения России, для Каретного – «кощеева игла», на которой «зиждется жизнь Властелина»², то есть инструмент шантажа, позволяющего пользоваться неограниченной властью: «Ты не представляешь себе, какая в этом чемоданчике концентрация власти! Ее можно черпать по чайной ложечке, растворять в океане, и все равно ее будет достаточно, чтобы управлять континентом! Кто-то создает силовые структуры, танковые группировки, ядерные ракеты, полагая, что они – власть. А власть вот она, в нескольких тонких листках. Расписки, банковские счета, подписанные договоры, несколько видеозаписей. Это и есть настоящий чемоданчик с «ядерной кнопкой»³ При этом «рыцарство» Белосельцева ассоциируется с легендарным Персевалем и подвигом духовного очищения, Каретный же играет роль Мордредра –

¹ Проханов А.А. Красно-коричневый: Роман. СПб: Амфора, 2003. С. 717.

² Там же, с. 618.

³ Проханов А.А. Красно-коричневый: Роман. СПб: Амфора, 2003. С. 803.

классического предателя и негодяя, «проклятого книгой, колоколом и свечой»¹. Образ Грааля обуславливает не только образно-структурную фактуру романа Проханова, но и его тональность, напоминая пафос поэмы Кретьена де Труа «Персеваль, или повесть о Граале», где, по словам Н.В. Забабуровой, «логическая линейность сюжета успешного воспитания идеального рыцаря прерывается именно с появлением мотива Грааля. Судьба Персеваля разворачивается в романе как исполнение некоторого предназначения, ему пока неизвестного. Некоторые персонажи эту его избранность ощущают, другие о ней точно знают. Звучат пророчества, появляются предзнаменования. И поиски рыцаря приобретают мистический смысл»². Подобное происходит и в «Красно-коричневом», где простое (земное) желание героя помочь оппозиции постепенно превращается в духовный подвиг высшего порядка, о чём и говорит ему схимник Филадельф³. Сцена «посвящения» Белосельцева тёмными силами в тайну его псевдо-миссии также происходит в полумистической обстановке, напоминающей искушения Христа сатаной в пустыне⁴. Однако в развязке этой «легендарной» истории преобладает не трагический или героический пафос мифа, а абсурд, сарказм и гротеск, а именно: вместо Чаши Грааля, дарующей власть и ключи к познанию мира – «дранные носки Руцкого – великое завершающее жизнь открытие»⁵. Таким образом, профанический путь «Хозяина» и его слуги в художественном мире романа завершается гротескно-саркастическим символом постмодернистской гиперреальности (Ж. Бодрийяр)⁶, основанной на симуляции и симулякрах политического проекта «Россия Золотая» в котором нет места позитивно-ценностной системе, следовательно, и «субъективности» индивидуума, лишённого человеческого «Я». «Великодержавные» симулякры Каретного действуют на Белосельцева, словно пассы гипнотизёра, которые он с трудом преодолевает. Однако подобная фарсовая развязка не означает, что таинственный

¹ Там же, с. 746.

² Забабура Н.В. Литературные шедевры Средних веков // Кретьен де Труа и неразгаданные тайны Грааля. Ростов-на-Дону: ДиД, 2014. С. 760

³ Проханов А.А. Красно-коричневый: Роман. СПб: Амфора, 2003. С. 367.

⁴ Там же, с. 401.

⁵ Там же, с. 805.

⁶ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: Рипол-Классик, 2018.

Грааль – это иллюзорная субстанция, не существующая в реальной жизни. Смысл её состоит в том, что подлинная святыня «непоругаема» грязными помыслами авантюристов. Фактически же произошла хитрая подмена, следовательно, политическая тема романа остаётся открытой, так как победил в этой сложной игре «не обнаруживший себя кто-то другой»¹, а значит, «борьба продолжается и победа возможна, а возмездие неизбежно»². В этом состоит духовный и патриотический оптимизм романа А. Проханова.

Сюжетообразующим стержнем романного действия является мотив «хождения» героя. В древнерусской литературе это был определённый жанр, имевший важное историческое, археологическое и дидактическое значение («Хождение Даниила игумена», «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, «Хождение» Василия Познякава, «Хождение» Трифона Коробейникова и др.). Модификации этого жанра в любую из эпох (Л. Стерн, А. Радищев, А.С. Пушкин, И. Гончаров, А. Чехов, И. Во и т.д.) пользовались заслуженной популярностью, благодаря познавательности, информативности, увлекательности материала. В романе А. Проханова этот мотив играет двойную функцию. На фабульно-сюжетном уровне этот оптимальный художественный приём, позволяющий автору показать широкую панораму политической жизни страны накануне трагических событий 1993 года, страны, превращённой политиками в чужбину. Перед нами быт и нравы постсоветской Москвы, реальные политические фигуры, их убеждения, взаимоотношения, конфликты. Критик В. Бондаренко справедливо замечает, что этот роман – клад для учёного-историка – «должен быть на полке каждого русского человека»³. Действительно, удивительно живо передаётся атмосфера того тревожного времени, когда грубо ломались привычные моральные устои и насаждались новые, чуждые советским людям правила жизни.

В романе А. Проханова просматриваются основные, играющие роль своеобразного палимпсеста, структурно-смысловые составляющие жанра

¹ Проханов А.А. Красно-коричневый: Роман. СПб: Амфора, 2003. С. 808.

² Там же, с. 809.

³ Бондаренко В. «Красно-коричневый» (Владимир Бондаренко – о новом романе Александра Проханова). // Газета Завтра. 1993. – № 6. С.13.

«хождений», а именно: вступление с мотивацией цели «путешествия»; новизна увиденного (герой поражён изуродованным обликом Москвы); детальность, объективность изображаемого; функция повествователя (дипломатическая, паломническая), объединяющая ряд очерков и придающая им определённую тональность; использование временного и пространственных композиционных принципов, включающих различные происшествия и события. Это последнее обстоятельство придаёт «хождению» черты травелога, в частности, «романа дороги», в котором вымысел сочетается с конкретикой, акцент делается на интриге, а сам путь приобретает символическое значение. В мировоззренческой сфере прохановского текста просматривается характерная для травелога архетипическая оппозиция нарративов «своё-чужое» и вытекающая из неё политическая проблематика. Неотъемлемым элементом травелога является личная история героя-рассказчика, так называемый «квест» (адвентюра), то есть его реакция на то, что он видит вокруг. Это также может быть заданием персонажа, которое он выполняет в течение своего пути, что придаёт интриге дополнительную увлекательность. В романе «Красно-коричневый» эти составляющие травелога объединены. Мы видим также желательную для романа дороги любовную интригу¹.

Главной особенностью поэтики текста «хождений» является сочетание лаконизма и возвышенного слога с усложнённым синтаксисом и особым ритмическим рисунком (встреча с «Вождём» в лесу и разговор под «священным дубом», поездка на север и описание рыбной ловли и т.д.). Важнейшими духовными элементами «хождений» являются «благие мысли» и мотив «спасения души» («Хождение Даниила, игумена Русской земли»), придающие жанру метафорический характер, близкий по своему значению к фразеологизму «хождение по мукам» как процессу преодоления тяжелых духовных или жизненных испытаний. Выражение это имеет религиозные корни и в полной форме звучит как – «хождение души по мукам». Это означает, что после смерти с

¹ Травелоги или как писать о путешествиях // [Электронный ресурс]. URL: <https://eco-turizm.net/8721-travelogi-ili-kak-pisat-o-puteshestviyah.html> (Дата обращения: 09.08 .2020).

9 по 40 день душа человека не может успокоиться и мытарствует, то есть «ходит по мукам», и только молитвы близких помогают ей выдержать страдания. С темой загробной жизни связан один из самых популярных древнерусских апокрифов «Хождение Богородицы по мукам» (XII в.). Особенно почитаемый в старообрядческой среде этот памятник письменности рассказывает о мучениях грешников в аду, которые видит сопровождаемая архангелом Михаилом Богородица. Сюжет рассказа, контингент грешников (язычники, ростовщики, клеветники, воры, блудливые попы, разлучники, пьяницы, немилосердные князья, лицемерные епископы, цари, не творившие волю Божию, сребролюбцы), их наказания и мучения¹ представлены жуткими «картинами не ниже дантовских»². Апокриф завершается молитвой Девы Марии, архангелов и апостолов об облегчении их участи и ответом Христа, который ради молитв матери своей даёт грешникам «покой от Великого четверга до святой Пятидесятницы»³. Позднее этот мотив «моления за грешников» получил распространение в духовных стихах. В художественной литературе о «Хождении Богородицы по мукам» говорит Иван Карамазов в романе Ф. М. Достоевского, особо выделяя в этой «монастырской поэмке» «презанимательный разряд грешников в горящем озере», которые «выплыть более не могут», поскольку их «уже забывает Бог»⁴. Аллюзию на этот апокриф мы видим также в названии знаменитой трилогии А.Н. Толстого.

«Хождение» главного героя романа Виктора Белосельцева является путешествием в поисках истины, где каждая встреча, каждый диалог – есть ступень к пониманию сущности российской державности, исторической миссии русского народа, духовных основ государственного жизнеустройства, а главное – своего места в мироздании. Последние часы его жизни также связаны с молитвой: «Молил Бога, чтоб Бог был рядом с ним. Не спас его, не избавил, не вырвал из рук

¹ Хождение Богородицы по мукам / Подг. текста, перевод и комм. М. В. Рождественской // ПЛДР: XII век. М., 1980.

² Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Собрание сочинений: В 10 т. / Под общ.ред. Л. П. Гроссмана. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 9. С. 310.

³ Хождение Богородицы по мукам / Подг. текста, перевод и комм. М. В. Рождественской // ПЛДР: XII век. М., 1980. С. 173.

⁴ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Собрание сочинений: В 10 т. / Под общ.ред. Л. П. Гроссмана. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 9. С. 310.

мучителей, а был рядом в час его смерти. Не оставил его наедине с палачами, а находился на месте казни, поддерживал его в немощи и страданиях. И так сильна была его мольба и вера, что он вдруг услышал отклик. Эта была внезапная теплота, проникшая ему в плечо, спустившаяся ниже, в грудь, в область сердца. Словно кто-то накинул на него теплый плат. Неслышно положил на плечи теплые руки. Бог был здесь, рядом. Бог был с ним. Вошел, как теплое дыхание, в его молящееся открытое сердце»¹. На языке богословия это называется «обретением благодати» – спасительного воздействия на людей Святого Духа. «...В редких случаях, – пишет епископ Александр (Семёнов-Тян-Шанский), – и большей частью на очень высоких ступенях духовной жизни действие благодати переживается человеком как личное соприкосновение с Богом»². «Облагодатствование, на высших ступенях, проявляющееся как полное обновление и преображение человека и даже как встреча с Богом возможно, потому что Бог соприкасается с человеком особыми Своими энергиями...»³. Таким образом, мученическая смерть героя романа воспринимается как искупительная жертва, принятая Господом.

Одним из важнейших мифопоэтических аспектов романа «Красно-коричневый» является алгоритм его действия, схожий с функциями героев волшебной сказки в классическом варианте В. Проппа. Безусловно, речь не идёт о фотографическом воспроизводстве схемы, состоящей из 31-ой функции, но многие перипетии романа соответствуют узловым моментам сказки и их последовательности.

Исходной ситуацией волшебной сказки (обозначение *i*) является «похищение» или «недостача»⁴. Условное обозначение – *a*.

Такой изначальной «недостачей» в романе А. Проханова является *похищение родины*: «Город был чужой, не его, населен чужаками. ... Не было для

¹ Проханов А.А. Красно-коричневый: Роман. СПб: Амфора, 2003. С. 819.

² Епископ Александр (Семенов – Тян-Шанский). Православный Катихизис. М.: Издание Московской Патриархии, 1990. С. 54.

³ Епископ Александр (Семенов – Тян-Шанский). Православный Катихизис. М.: Издание Московской Патриархии, 1990. С. 54.

⁴ Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2007. С. 32.

него пристанища, не было дома, где его поджидали, не было семьи, где его любили»¹.

I. Условная «отлучка из дома» с целью восстановления привычного порядка вещей. (e)

«Предатели разорили страну! Открыли ночью ворота и впустили врагов! Стрелять их надо, предателей»².

II. К герою обращаются с запретом (определение – запрет, обозначение б). Призрак этой беды уже невидимо реет над героями. Отсюда запреты³. С запретами к герою трижды обращается его возлюбленная Катя.

Первый запрет: «Хватит крови! От крови другая кровь, а от той третья»⁴. Первый запрет игнорируется⁵.

Второй запрет после посещения оппозиции: «Зачем рубить чьи-то головы? Зачем тебе конспирация?» – она протестовала, умоляла его⁶. Реакция аналогичная, ибо без борьбы нет победы.

Третий запрет самый настойчивый: «Отрешись, отойди от своих обид и забот! От своей борьбы и политики!»⁷. Белосельцев начинает уступать: «Она была сильнее его, знала нечто, ему недоступное»⁸. Запрет срabатывает.

III. Запрет нарушается (определение – нарушение, обозначение «b»⁹.

В сказку теперь вступает новое лицо, которое может быть названо антагонистом героя (вредителем). Его роль – вызвать какую-либо беду, нанести вред, ущерб¹⁰.

Казалось в тот момент, когда запреты срabатывают, именно в момент ощущения этой обрeтeнной свободы на пути Белосельцева, словно из мрака, появляется главный антагонист Каретный¹¹.

¹ Проханов А.А. Красно-коричневый: Роман. СПб: Амфора, 2003. С. 22-23.

² Там же, с. 34.

³ Там же, с. 26.

⁴ Там же, с. 34.

⁵ Там же, с. 37.

⁶ Проханов А.А. Красно-коричневый: Роман. СПб: Амфора, 2003. С. 109.

⁷ Там же, с. 113.

⁸ Там же, с. 114.

⁹ Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2007. С. 27.

¹⁰ Там же, с. 27.

¹¹ Проханов А.А. Красно-коричневый: Роман. СПб: Амфора, 2003. С. 115.

IV. Антагонист пытается произвести разведку (выведывание, «в»)¹.

Характеристика антагониста Каретного: *многоликость, неуловимость*: эксперт, координатор, руководитель службы безопасности банка и не только... Тактика антагониста: усыпление бдительности жертвы, доверительность, воспоминания, дружба, затем – атака.

V. Антагонисту даются сведения о его жертве (определение – выдача, обозначение w)².

Каретному известны все передвижения Белосельцева: фотографии теракта, посещение оппозиции, крестного хода. Он с гордостью заявляет: «Я вскрыл твои коды!»³ [29, с. 122].

VI. Антагонист пытается обмануть свою жертву, чтобы овладеть ею или ее имуществом (определение – подвох, обозначение z)⁴. Прежде всего антагонист принимает чужой облик (Обозначение z¹).

Процесс «обработки» героя принял затяжной многоступенчатый характер. Негодяй принимает облик патриота и основывает свою тактику на лицемерии и обмане: случайная встреча оказывается подстроенной, втягивание «товарища» в свою подлую схему представляет как благодарность за его спасение когда-то в Герате. Он хитрит, лжёт, играет на патриотизме Белосельцева. Каретный не использует волшебные средства z², но Белосельцев чувствует магическую силу своего собеседника, похожего на африканского колдуна⁵.

VII. Жертва поддается обману и тем невольно помогает врагу (определение – пособничество, обозначение g)⁶. Согласие в этих условиях вынуждается, причем враг пользуется каким-либо затруднительным положением своей жертвы. (определение – *предварительная беда*. (Обозначение X).

Внутренне сопротивляясь вербовке, Белосельцев, как под гипнозом, поддается Каретному⁷. Затруднительность положения Белосельцева – дилемма:

¹ Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2007. С. 27.

² Там же, с. 27.

³ Проханов А.А. Красно-коричневый: Роман. СПб: Амфора, 2003. С. 122.

⁴ Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2007. С. 28.

⁵ Проханов А.А. Красно-коричневый: Роман. СПб: Амфора, 2003. С. 125.

⁶ Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2007. С. 29.

⁷ Проханов А.А. Красно-коричневый: Роман. СПб: Амфора, 2003. С. 126-127, 401

участвовать ли в политической борьбе либо посвятить себя, по совету Кати, созерцательной жизни, обретению внутренней свободы, любви к близкому человеку. Во-вторых, проблема выбора политической силы усложнилась прохладным отношением оппозиционеров к его готовности сотрудничать с ними. Немаловажную роль играл подспудный страх за Катю, поскольку он знал, с кем имеет дело, и не мог пойти на открытую конфронтацию с Каретным. Дальнейшее развитие действия показало, что опасения были ненапрасными.

VIII. Антагонист наносит вред или ущерб (определение – вредительство, обозначение А).

Эта функция представляет собой целый каскад приёмов психологического и физического давления на Белосельцева: посещение сатанинского шоу на дне бассейна и избиение Белосельцева, жестокий разгром фирмы, знакомство с наёмной убийцей Марком, «танец смерти» в бордели, участие в сборищах «Хозяина», показывают репетицию штурма Дома Советов¹ и т.д.

IX. Беда или недостача сообщается, к герою обращаются с просьбой или приказанием (определение – посредничество, соединительный момент, обозначение В).

Каретный открывает свои карты. Намёк на наркоторговлю и опасность «Вельможе» и на участие в тёмном и опасном деле². Оглашения и реализация плана «инверсия», согласно которому Белосельцев должен войти в доверие к оппозиции.

X. Искатель соглашается или решается на противодействие (определение – начинающееся противодействие, обозначение С).

Белосельцев внешне не противостоит Каретному, но играет свою игру, стараясь предупредить оппозицию об опасности.

XI. Герой покидает дом (обозначение ↑). *В сказку вступает новое лицо, которое может быть названо «дарителем»* Д. От него герой получает некоторое

¹ Проханов А.А. Красно-коричневый: Роман. СПб: Амфора, 2003. С. 249.

² Там же, с. 207.

средство (обычно волшебное), которое позволяет впоследствии ликвидировать беду.

Главный дар: напутствие схимника Филадельфа. Вместо призыва к смирению, кротости герой слышит призыв к борьбе со злом¹. Старик дарит маленький крестик на белой цепочке². Это не «волшебное средство» для достижения чего-то, а скорее «оберег», защита от зла. Повторное дарение крестика³.

XII. Герой испытывается, подвергается нападению, чем подготавливается получение им волшебного средства (обозначение Д), которое в романе является «объектом поиска».

У А. Проханова испытание (нападение на героя) связано не с дарителем, а антагонистом. Вопрос о физическом уничтожении Белосельцева не ставится. Противостояние идёт пока в психологической сфере. Каретный чувствует, что перед ним сложный соперник, сломить которого не так просто. Участие в провокационной атаке на штаб СНГ. Впервые мы узнаём от Руцкого о «предмете поисков», чтобы добыть который даже на Кремль атомную бомбу сбросят⁴.

XIII. Герой реагирует на действия будущего дарителя (обозначение Г). Герой оказывает услугу (Г7). Герой спасается от покушения на него (Г8).

Белосельцев с риском для жизни доставляет горючее в Дом Советов, выполняет просьбу Руцкого о встрече с командиром «альфы», соглашается принять и спасти таинственный «кейс».

XIV. В распоряжение героя попадает предмет поиска (снабжение, обозначение Z). Средство передается непосредственно (Z1). Некоторые сказки на этом моменте завершаются. В таких случаях дар представляет собой некоторую материальную ценность (Z1). Передача может не произойти (Zneg), или замениться жестоким возмездием. Герой гибнет (обозначение Zcontr). Белосельцеву удаётся завладеть «кейсом», который попадает в руки Каретного, но

¹ Там же, с. 226-227.

² Там же, с. 229-230.

³ Проханов А.А. Красно-коричневый: Роман. СПб: Амфора, 2003. С. 369.

⁴ Там же, с. 265.

обнаруживается подмена. Каретный подозревает Белосельцева в двойной игре и убивает его.

Таким образом сказочная формула приобретает следующий вид:

$iae \text{ б } b \text{ в } w \text{ } z^1 \text{ } z^2 \text{ } g \text{ } X \text{ } A \text{ } B \text{ } C \uparrow \text{ Д } \Gamma^7 \text{ } \Gamma^8 \text{ } Z^1 \text{ } Zneg \text{ } Zcontr$

Особенность этой формулы заключается в том, что действие романа представляет собой развёрнутый, модифицированный вариант простой одноходовой сказки с мотивом боя и победы: $ie \text{ б } A^1 \text{ } B^1 \text{ } C \uparrow \text{ Б}^1 - \text{ П}^1 \downarrow c^3$. Подготовительная часть фабулы романа усилена функциями: «выведывание» (e), «выдача сведений» (w), «подвох» ($z^1 \text{ } z^2$), «пособничество» (g) – все эти добавления не нарушают обычного сказочного действия. Главное же отличие состоит в том, что завершающий сюжет блок – борьба (B^1), победа (П^1), ликвидация беды (L^4), возвращение (\downarrow) и награда (c^3) – заменяется испытанием героя (Д), спасением от покушений в процессе выполнения просьбы (Γ^7, Γ^8), поражением без боя и гибелью от рук антагониста. (Zneg, Zcontr). Парадоксальность развязки в том, что формальный победитель (антагонист), по сути, тоже терпит поражение, поскольку предмет поиска оказывается мнимым, следовательно, все усилия его были тщетными. Подобная трансформация финальной части схемы придаёт сюжету абсурдно-трагический колорит «мрачных сказок» («Русалочка», «Гамельский крысолов», «Синяя борода», «Лихо одноглазое», «Мать с того света» и т.д.), что вполне соответствует минорной тональности всего произведения, посвящённого драматическим событиям истории постсоветской России. Помимо этого, мы видим, что алгоритм действия одноходовой волшебной сказки может плодотворно взаимодействовать с политическим содержанием романной формы, обогащая его фольклорным колоритом, ритмичной динамикой и метафизическим элементом. Помимо этого, сказочная схема построения сюжета способствует цельности психологического восприятия художественного мира произведения и усиливает его эстетический эффект, подспудно выделяя в нём народное начало. Герой Проханова – такая же

¹ Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2007. С. 106.

искупительная жертва, как погибающие праведники – защитники первого российского парламента. Силы зла одержали победу, но это триумф промежуточный. Политический сюжет произведения завершён, но его мифопоэтическая (сказочная) схема остаётся открытой. Грааль не найден, поэтому надежда на то, что жертвы не напрасны, остаётся живой и питает надежду на чудесное преображение страны.

Роман А. Проханова «Красно-коричневый» является примером монологической прозы с ярко выраженным анти-либеральным пафосом. Его актуальный, обличительный характер, комплекс злободневных религиозно-этических проблем, яркая метафорическая образность произведения позволяют определить его как роман-памфлет. Полисемантическая поэтика романа, сочетающая в себе христианскую метафизику с трансформациями литературных, апокрифических и фольклорных традиций придаёт роману впечатляющий народный, культурно-исторический колорит.

Глава 4. Роман Л. Бородин «трики, или хроника злобы дней»: мировозренческие доминанты и поэтика

4.1. Религиозно-этическая концептосфера романа

Роман Леонида Бородин «Трики, или Хроника злобы дней» относится к произведениям, авторы которых были жертвами политических репрессий. В середине 1960-х годов в Ленинграде Леонид Бородин стал членом подпольной организации, целью которой была замена атеистического режима в СССР на христианскую демократию. «Всероссийский социал-христианский союз освобождение народа» (ВСХСОН) просуществовал два года, затем все его участники были арестованы и осуждены за «антисоветскую пропаганду и агитацию» (ст. 70 УК РСФСР). Повторно по той же статье Л. Бородин был осуждён в 1982 году за публикации в «самиздате» и диссидентских журналах «Грани» и «Посев». Проведя в лагерях и тюрьмах 11 лет, писатель получил свободу уже в «перестроечное время», принимал активное участие в общественной и культурной жизни страны. Долгие годы он возглавлял один из популярнейших отечественных журналов «Москва», который под его руководством (1992-2008) сохранил репутацию смелого, независимого от политической конъюнктуры издания – «форпоста русской государственности»¹. Борьба с советской властью, годы заключения позволяют отнести писателя к когорте вернувшихся в отечественную литературу «диссидентов», хотя Л. Бородин во многом не соответствовал традиционным представлениям о диссидентском движении, в котором было три направления: правозащитное, религиозное и национальное. Все организации, представляющие эти течения, считались «группировками политически вредного характера». По данным КГБ за 1967 – 1971 годы таковых в СССР было 3096, и 13602 человека, входящих в их состав, были «профилактированы», чем и занималось специально созданное для

¹ Бородин Л. И. Собрание сочинений в 7 т. Т. 7. М.: Издательство журнала «Москва», 2013. С. 345.

этого Пятое управление госбезопасности¹. Организация (ВСХСОН), к которой принадлежал Бородин, представляла собой религиозный фронт борьбы с марксистско-ленинской идеологией и в лево-либеральной диссидентской среде был инородным телом, поэтому западные «голоса», активно поддерживающие советских «правозащитников», политический процесс, по которому было осуждено около 30 человек, не заметили. Теме диссидентской интеллигенции Бородин посвятил статьи «Либеральное сознание» (1975) и «К русской эмиграции» (1982), в которых подверг критике «диаспорное мировоззрение» правозащитников и их русофобские глумления над психологией русского человека².

Анализ и оценки творческого пути Бородина содержат многочисленные публицистические и научные работы: Л. Аннинского, П. Басинского, В. Бондаренко, В. Дружининой, М. Дунаева, В. Кублановского, С. Куняева, А. Немзер, Л. Нестеровой, В. Новиковой, Ю. Павлова, А. Солженицына, Ю. Сохрякова, О. Сухих, О. Тимошенко, И. Штокмана и др. Первым диссертационным опытом исследования творчества Л. Бородина стала работа Н.А. Казанцевой с лаконичным по форме, но бескрайним по содержанию названием – «Проза Леонида Бородина» (1994), в которой автор на материале произведений 1969-1990 гг. рассматривает особенности художественного мира писателя в плане взаимодействия романтических и реалистических элементов. Т.В. Рябова, считая свою работу «Проза Леонида Бородина 1970-х – начала 90-х годов» (1996) «первым диссертационным исследованием творчества Леонида Бородина», ставит своей задачей дать представление «общей картины творческого пути» писателя. Большое внимание уделяется биографии Л. Бородина, обозначаются центральные темы и проблемы прозы писателя: противоречия в сознании современного человека и его поведение в экстремальной ситуации, проблемы свободы, творчества и др. Н.Л. Федченко в работе «Тенденции жанрово-стилевого развития повести 90-х годов (В. Крупин,

¹Диссидентское движение в СССР // [Электронный ресурс]. URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/dissidentskoie_dvizhieniie_v_ssr. (Дата обращения: 31. 12.19).

² Бородин Л.И. Либеральное сознание. 1992. №8. С. 141.

Л. Бородин, В. Нарбикова)» (2000) рассматривая повести Л. Бородина 1990-х годов в контексте жанрово-стилевых моделей, уделяет внимание и политическому аспекту в русле авторского понимания «государственности», сущность которой определяется «национально-вероисповедальным содержанием» - оплотом борьбы со смутой и залогом сохранения исконных основ российской державности.¹ В диссертации «Творчество Л.И. Бородина: особенности проблематики и поэтики» (2007) Т.И. Васильева² сосредотачивает свое внимание на избранных аспектах поэтики и проблематики прозы Л. Бородина: конфликт личности и государства, концепция преступления и наказания, проблема судьбы, образы смутного времени, вопросы авторского нарратива. Диссертант выделяет два периода творчества Л. Бородина: 1) конец 1960 – середина 1980-х гг.; 2) конец 1980 – начало 2000-х гг. Монография И. Штокмана «Бородин: слово и судьба» (2000)³ интересна анализом связи творчества писателя с фактами его биографии. Все вышеуказанные работы освещают определённые грани прозы Бородина: проблематику, поэтику, жанровые особенности произведений, ведущие мотивы, особенности авторского «я» и т.д. Каждая из них успешно решает поставленные задачи, создавая цельное представление о творческом процессе одного из интереснейших прозаиков современной России. Однако до последнего времени не было научных работ, в которых бы исследовался наиболее сложный аспект литературной деятельности Бородина, а именно: духовно-нравственную проблематику его творчества. Эта лакуна заполнилась кандидатской диссертацией Нестеровой Л.А. «Нравственно-философские искания автора и героев в прозе Леонида Бородина» (2007)⁴. Мы особо выделяем эту работу, поскольку её тематика наиболее тесно взаимодействует с политическими аспектами

¹ Федченко Н. Л. Тенденции жанрово-стилевого развития повести 90-х годов: В. Крупин, Л. Бородин, В. Нарбикова : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.01.01. Армавир, 2000. 19 с.

² Васильева Татьяна Ивановна Творчество Л.И. Бородина: особенности проблематики и поэтики: дисс... кандидат филологических наук: 10.01.01. Магнитогорск, 2007. 189 с.

³ Штокман И. Леонид Бородин – слово и судьба. М.: Моск. гор. орг. Союза писателей России, 2000. 124 с.

⁴ Нестерова Любовь Алексеевна. Нравственно-философские искания автора и героев в прозе Леонида Бородина: дис. кандидата филологических наук: 10.01.01. Саратов, 2007. 268 с

деятельности и творчества писателя, считающего духовный фактор основой как личной жизни человека, так и главной опорой государственного бытия.

На наш взгляд, наиболее ярким политическим романом писателя является «Трики, или Хроника злобы дней» (1998). В отличие от книги С. Шаргунова «1993», в котором история простых советских людей освещается в историческом континууме и семейно-бытовой план постепенно политизируется, в романе Л. Бородина именно политический аспект является точкой пересечения всех уровней художественного текста: психологического, исторического, философского и др. Герои Л. Бородина живут в центре политической жизни, представляя её враждующие силы: многоликое диссидентство и всеильные спецслужбы. При этом роман «Трики» Л. Бородина выделяются на фоне произведений Б. Ширяева, А. Солженицына, В. Шаламова, О. Волкова и др. своим философским взглядом на события и в этом смысле является попыткой не обличать и судить, а разобраться в хитросплетениях отечественной истории.

Исходя из того, что название художественного произведения иногда отражает его концептосферу («Преступление и наказание», «Война и мир», «Воскресение», «Отцы и дети» и проч), считаем целесообразным обратить внимание на богатое смыслами заглавие «Трики, или Хроника злобы дней». На его «многокомпонентность» обращает внимание Л. Нестерова, но особое место уделяет анализу второй части и трактует его как единство исторической памяти (хроника) и современности (злоба дней). Нельзя не согласиться с автором в том, что это сочетание слов может быть понято и в метафизическом смысле в соответствии с «микрokonцепцией» Л. Бородина *о постоянстве «количества зла на душу населения в единицу времени»*¹. Во многом разделяя подход Нестеровой, мы считаем, что название романа цельно по смыслу и предполагает религиозно-метафорический образ «смуты», реализующийся посредством взаимодействия нескольких семантических блоков и импликаций: *мотива троичности, библейских и литературных аллюзий, связанных идеей христианского*

¹ Бородин Л.И. Без выбора. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rulit.me/books/bez-vybora-read-70387-4.html> (Дата обращения: 26. 05. 19).

противления злу, а также исторической достоверности, на что указывает слово «Хроника», написанное с заглавной буквы. В каждой из этих ипостасей прослеживается потаённая взаимосвязь. Слово «Трики» представляет собой улично-шутливое прозвище трёх друзей, чьи фамилии начинаются с буквы «к»: Крутов, Климов и Крапивин. Объединяющее трёх человек слово, предполагает братское единство трёх товарищей, что помимо былинно-мифологической троичности, намекает также на ставшие классикой сюжеты А. Дюма, Э. Ремарка, В. Аксёнова и др. Однако в романе Бородина характерные для подобных мотивов принципы «один за всех, и все за одного» или «нет уз святее товарищества» не выдерживают испытания временем и нарушаются сложностью нравственно-этических коллизий внутри этой когда-то единой троицы.

«Злоба дней» – наиболее ёмкий сегмент названия. Смысловым ядром этого словосочетания является «злоба». Этот концепт, обозначенный в названии романа, становится одним из сквозных его образов. Он относится к семантическому полю понятия «зло», от которого и является производным и включает в себя два начала: философское и религиозное. Философия рассматривает «зло» как основополагающую для морали и этики *универсалию* культуры, а конкретно: как «ценностное представление, противоположное «добру» («благу»), отсюда зло связывается с такими негативными состояниями человека, как старение, болезнь, смерть, нищета, униженность, а также вызывающими их факторами: природными стихиями, общественными условиями либо деятельностью людей¹. Главным источником негативной оценки выступают переживания боли, страдания и производные от них эмоции: страх, гнев, обида и т.п., которые зачастую воспринимаются воображением человека в образах деструктивных стихий либо демонических существ различной этиологии и степени опасности. В общем понимании зла философия выделяет три основных плана: космический, социальный и человеческий. Вселенское зло понимается как безличный хаос либо враждебная мироустройству сущность. Социальное зло представляет собой силу, разлагающую общество. На уровне человека зло – это

¹ Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Под редакцией В. С. Стёпина. М.: Мысль, 2010.

дисгармония его телесных, душевных или духовных качеств. В религиозной и философской этике все три уровня взаимосвязаны, а акценты расставляются в зависимости от духовно-исторического контекста и субъективных позиций того или иного мыслителя. Для Аристотеля зло – это нарушение меры, разрушение «этоса» и низведение человека до животного состояния: зверства, необузданности и порочности. В христианстве исходной причиной зла объявляется произвольное отклонение от Божественного порядка. Архетипом морального зла христианская этика считает дьявола, воспроизводимымся в порочности человека с момента его грехопадения. В русской философии XIX–XX вв. (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, Н.О. Лосский и др.), христианское толкования зла представлено главным образом как «нарушение органической цельности сущего». Марксизм объяснял зло с социально-экономической точки зрения, ставя во главу угла эксплуатацию человека человеком. Современная этика обогатила понятие зла этнографическим материалом, связями с психопатологией и процессами дегуманизации культуры. Исключительное значение в парадигме деструктивных энергий имеет понятие *морального зла*, то есть то, что мораль стремится устранить и исправить. Это понятие имеет свою смысловую структуру. Субъективная сторона морального зла предполагает функцию контроля за своим поведением и чувство ответственности за поступки. Объективная характеристика включает формальную и содержательную стороны. Первое соотносится с деятельностью, противоречащей принятым в данной культуре нормам морали, второе касается конкретных негативных действий, ведущих к деградации самого субъекта и социума. Главная опасность морального зла заключается в том, что оно «подрывает основы творческого сотрудничества людей, сея вражду между ними и лишая их высших человеческих качеств»¹. Универсальной формой морального зла выступает сознательное унижение человека, реализующееся посредством насилия и обмана. В плане практического отношения к злу имеет место противоречие между этическим ригоризмом, исходящим из незыблемости нравственного порядка и не допускающим использование «насилия и обмана»

¹ Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Под редакцией В. С. Стёпина. М.: Мысль, 2010.

ради благих целей, и этическим историзмом, опирающимся на позитивную роль зла в истории, выступающего иногда мотивом и средством обеспечения созидательных процессов. В последнем случае «предметные результаты деятельности лежат в иной плоскости, чем их моральное значение, а их абсолютизация граничит с прямой апологией морального зла»¹. В целом же этический пробабиллизм в этой сфере сопряжён с труднейшей проблемой количественно-качественных характеристик и критериев зла. Отсюда, с одной стороны, традиционная ссылка на «меньшее зло» часто служит лишь оправданием неблагоприятных поступков, с другой, абсолютизированная толерантность оборачивается попустительством злу и открывает путь произволу и насилию. Главным же средством борьбы с моральным злом этика считает нравственное совершенствование человека².

Моральный пафос романа Л. Бородина «Трики, или Хроника злобы дней» связан с рядом коллизий, имеющих непосредственное отношение к противостоянию добра и зла в контексте светской этики, что наталкивает на ряд вопросов, связанных с идейным содержанием произведения. Можно ли, например, считать советскую систему, опирающуюся на атеизм, апофеозом социального зла? Антикоммунистическая направленность ранних произведений писателя подсказывает утвердительный ответ на этот вопрос. В романе же «Трики», действие которого происходит главным образом в СССР, острой социальной критики режима (как у А. Солженицына или О. Волкова) мы не видим. В центре внимания здесь борьба либерального диссидентства за абстрактные свободы, а также споры «русистов» о допустимом противостоянии властям в вопросах культуры. Помимо этого, автором ставится несколько интересных дилемм. Не является ли политический конформизм «меньшим злом» по сравнению с борьбой, чреватой разрушением всей системы государственности. Имеет ли вообще смысл политическая борьба, если её плодами пользуются маргиналы? Оправдан ли ущерб, нанесённый героем своей семейной жизни, теми

¹ Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Под редакцией В. С. Стёпина. М.: Мысль, 2010.

² Там же.

жертвами, которые возложил он на алтарь своих принципов? Все эти и некоторые другие проблемы нравственно-этического плана в романе Л. Бородина остаются открытыми. Подобный вариант вполне закономерен, во-первых, в силу сложности проблем, во-вторых, по причине объективной невозможности их решения в рамках любой «научной» этической системы (культурный релятивизм, эволюционная этика и др.), не признающей трансцендентность ключевых ценностей, следовательно, зависимой от субъективных стандартов. Поэтому в романе Бородина доминирующей является теологическая интерпретация проблемы зла, ассоциирующаяся с библейскими текстами и их толкованиями.

Слово «зло» и производные от него понятия являются одними из самых частых в Священном писании. Библейская энциклопедия Брокгауза объединяет в одну статью три взаимосвязанных понятия «зло, злоба, злобный» и рассматривает первое из них не как определённое свойство или качество, а как «позицию», враждебную Богу. Теологическая «теория» зла включает в себя 11 пунктов, охватывающие такие вопросы, как его этиология, сущность, воплощения, цели и функции, а также пути противостояния злу¹. Ключевыми являются такие особенности зла, как его брэнность (Пс. 5:5; Пс. 33:17; Пс. 36:9; Пс. 139:12; Притч. 24:20; Иез. 36:29–33), искоренимость (Мф. 13:49; Откр. 20:10.14), агрессивная деструктивность (Мк. 9:20-22; Лк. 13:16) по отношению к человеческому телу (Мк. 9:20-22; Лк. 13:16), браку (1Кор. 7:5), к собственности (Мих. 2:1) и к человеческим взаимоотношениям (Притч. 15:28; Притч. 17:4; Втор. 15:9; Ис. 9:16), а также скрытость (Пс. 28:3; 2Кор. 11:13-15), (Ис. 29:15; Иез. 8:12; Ин. 3:19).

Для нашей работы наиболее интересна связь зла с «субъектом», который носит имя «лукавый» (Мф. 13:19; Еф. 6:16; 1Ин. 2:13; 1Ин. 5:18), то есть дьяволом, «сеющим раздор и смуту», что и определяет его сущность, вытекающую из значения греческого слова «диаболос». Если зло есть нарушение Божественного порядка, то «силой, подталкивающей к подобному нарушению,

¹ Ринекер Ф., Майер Г. Библейская Энциклопедия Брокгауза. – Paderborn: Christliche Verlagsbuchhandlung Paderborn, 1994. С. 351.

является «злоба» – особо активное сопротивление Божьей воле (Втор. 1:34; Иер. 13:10; Флп. 3:2; Фес. 2:3)¹. Но злоба – это не только стремление противодействовать исполнению Божьего плана спасения, это восстание против Бога. Тем самым, зло – не просто абстрактный созерцающий «враг», но сила, стремящаяся к воплощению (Лк. 8:32; Лк. 11:24–26), то есть обретению телесной формы (Пс. 63:3)². Отсюда апостольский призыв к борьбе «против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной» (Еф. 6: 12). В толковании А.П. Лопухина этот стих означает, что злые духи, обитающие ниже небес, действуют через злых людей и христианам приходится вести трудную борьбу с ними³. Есть в этом эпизоде и образ «злого дня». Для «брани» с врагами христианства Павел советует Ефессянам: «в день злый, всё преодолевши, устоять (Еф. 6:13). «День злый» означает день, «когда враги ополчаются на христиан со всею силою»⁴. Примечательно то, что слово «злюба», появившееся в русском языке в XI веке, означало «порок», «грех», «зло», «вражду» – этимологический намёк на источник злобы. Для Бородина злоба в любом её варианте (агрессивном либо самозащитном) не приемлема, о чём он афористически точно пишет в одном из своих лагерных стихотворений:

Бессильная злоба – гангрена души,

Беззлобная сила – победа⁵.

В статье «О русской интеллигенции» (1973), Бородин, говоря о природе любви Достоевского к России как единстве «боли, надежды и гордости», противопоставляет её «злости» и «злобе», как проявлениям психологической патологии: «страха, мстительности и посредственности»⁶. Злоба есть основа зла, борьба с которым, по И. Ильину, является частью патриотического долга человека: «Злое начало едино и агрессивно и в агрессивности своей лукаво и многообразно. Тот, кто ему не сопротивляется, тот уступает ему и идет в его

¹ Там же.

² Там же.

³ Лопухин А. Толковая библия // [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/tolkovaja_biblia/ (Дата обращения 05.02.2020).

⁴ Там же.

⁵ Шафаревич И. Прямой взгляд на мир // Наш современник. 1992. № 8. С. 137.

⁶ Бородин Л. И. Собрание сочинений в 7 т. Т. 7. – М.: Издательство журнала «Москва», 2013. С. 179.

свите; кто не пресекает его нападения, тот становится его орудием или гибнет от лукавства. Здесь нельзя выжидать, вилять или прятаться; ибо не говорить злу ни «да» ни «нет» – значит говорить ему «да», и потому выжидающий и прячущийся совсем не «выжидает» и не «прячется», а предает и предается»¹. В романе «Трики» не всем героям, сталкиваясь со злом, удаётся «не вилять» и «не прятаться». Климов предаёт друга на суде, Крапивин лукаво самоустраняется от помощи Крутову, когда тот попадает в беду. Хитро и расчётливо ведёт себя убежденный славянофил Валерий Константинович («смесь народности с партийностью»). Выходит, что следовать путём бескомпромиссной борьбы со злом пытается только один герой – Виктор Крутов. Однако до конца понять его природу, увидеть грань между абсолютным и относительным злом ему не удаётся: пострадав за политические принципы, он наносит психологический удар по своей семье, что становится причиной острой душевной боли, – всё это обуславливает полумистический финал нравственного поиска, включающий чудо, случайность, преображение.

Для Л. Бородина сочетание «злоба дней» тождественно слову «смута». Эта тема является одной из важнейших в его творчестве и проходит через ряд произведений от «Божеполья» до «Бесиво», чему посвящён один из разделов диссертации Т.И. Васильевой. Следует подчеркнуть, что для писателя понятие «смута» не ограничивается каким-то определённым временем или эпохой. Бородин указывает на её три ипостаси: историю, социологию и психологию. С точки зрения психологии, «смута (производное от слова «мутъ») – это есть «повреждение пониманий»² или «помутнение сознания»³. Анализируя стихотворение М. Волошина «Ангел мщенья», посвящённое правительственной реакции на революцию 1905 г., Л. Бородин выводит триединую структуру этого концепта и подчёркивает его религиозный подтекст. «Первым компонентом сознания Смуты является жажда справедливости, понимаемой как обязательность возмездия, мести», как рецидив ветхозаветного сознания «око за око»; вторым –

¹ Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. С. 94.

² Бородин Л. И. Собрание сочинений в 7 т. Т. 7. – М.: Издательство журнала «Москва», 2013. С. 563.

³ Там же, с. 93.

гнев как страховый полис от гражданского компромисса: «либо палач, либо жертва»; третье – «маниакальная уверенность в собственной правоте и отсюда злобное отношение и к врагам, и близким, не разделяющим твоих взглядов, «ибо нет страшней греха для беса, чем компромисс»¹.

В социально-историческом плане это «существование в обществе набора исторических альтернатив» и постепенное отсечение крайностей². Все эти уровни взаимосвязаны и имеют религиозно-философский подтекст, отсюда любое «смутное время» – это историческая ситуация, при которой одержимость людей злым духом лишает их человеческого облика. Этому сорту «новообращённых» Достоевский даёт исчерпывающую характеристику в романе «Бесы»: «В смутное время колебания или перехода всегда и везде появляются разные людишки. ... Подымается эта сволочь, которая есть в каждом обществе, и уже не только безо всякой цели, но даже не имея и признака мысли, а лишь выражая собою изо всех сил беспокойство и нетерпение»³. Мы полагаем, что в творчестве Бородин наиболее наглядно идея обезличивания человека сформулирована с метафизическим оттенком в историческом романе «Царица смуты» (1996), который писатель напрямую соотносит с современностью⁴, хотя посвящён он трагическим событиям начала XVII века: «...Не было по тому времени на Руси народа, как прежде, но была смута, а в смуте хрипнет глас народный, рыком звериным оборачивается...»⁵. «Злыдни»⁶, «бесы поднебесные»⁷ сеют «страх да злобу смутных времён»⁸, возмущают природу («рвут полотнища небесные в ключья»⁹, «люди московский в помутнее разума» ввели¹⁰ и т.д. Особенно в ратном деле мы видим «простор для шаловства бесов, страсть как любящих пакостить

¹, Бородин Л. И. Собрание сочинений в 7 т. Т. 7. – М.: Издательство журнала «Москва», 2013. С. 95.

² Там же. С. 590.

³ Достоевский Ф. М. Бесы. Собрание сочинений: В 10 т. / Под общ.ред. Л.П. Гроссмана. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 7. С. 481.

⁴ Бородин Л. И. Собрание сочинений в 7 т. Т. 7. М.: Издательство журнала «Москва», 2013. С. 590.

⁵ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 26.

⁶ Там же, с 67.

⁷ Там же, с. 69.

⁸ Там же, с. 35.

⁹ Там же, с. 67.

¹⁰ Там же, с. 84.

человекам, расчёты их путать да обманом понимания искушать»¹. У Бородина бесы, в отличие от Достоевского, где бесовщина понимается как одержимость неукротимым духом тотального разрушения, представляют собой невидимую, но вполне материальную субстанцию, наделённую сказочными свойствами: они питаются человеческой глупостью, передвигаются в пространстве, толкают людей на необдуманные действия. В бою между сторонниками Марины Мнишек и воеводами «бесы-шлемцы разошлись в потехе, разыгрались, теша души бесовские людской дуростью»². Без участия демонов не обходится и политическая сфера, где на смену привычному порядку вещей – «царю скипетр, боярину служба, смерду покорность»³ – пришёл «политик», что означает «радение за своё место в ряду равных», и тогда, «где зло, где добро, где правда, а где кривда – всё едино»⁴. Духи злобы присутствуют и в романе «Третья правда» (1979), раскрывающего тему «исторического бремени» советского периода. Но если в «Царице смуты» бесы представлены как невидимые, «закулисные», но активные «режиссёры» действия, то в реалистической фактуре «Третьей правды» они появляются в предсмертном видении Ивана Рябинина как образ разрушающего природу промышленного вторжения в её гармонию. Хранитель тайги, Иван Рябинин, через страдания и унижения пришедший к Богу, исступлённо бросается на трактористов, кромсающих гусеницами своих машин святую для него землю леса: «...Маленькие, дёрганные бесы оседлали бесов могучих и яростных и рвались к вершине, сокрушая всё на пути, оставляя за собой два нетленных следа смерти!»⁵. В романе «Трики», посвящённом событиям второй половины XX века, мы видим несколько «воплощений» злобы. Сказочный антураж политической борьбы, характерный для «Царицы смуты» и финала «Третьей правды» метафорически трансформируются в зловещий, пандемический образ. Здесь эта, набирающая силу субстанция, словно из ящика Пандоры,

¹ Там же, с. 145.

² Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 146.

³ Там же, с. 28.

⁴ Там же, с. 29.

⁵ Бородин Л.И. Повесть странного времени. М.: Современник, 1990. С. 178.

вырывается наружу: «злоба, как чумная бацилла заражала и поражала общество по горизонталям и вертикалям, злоба кучковалась и группировалась, обретая вождей и знамёна»¹. В той же мере Виктор Крутов озлоблен на собственную судьбу и предавших его друзей. Для него «единица зла на душу населения – величина постоянная». Но самое опасное то, что «государство узурпировало право на зло..., система прохудилась, и зло растеклось по пространству, и каждый получил право на свою порцию... Оно только периодически перегруппировывается...»². В его личной жизни имя этому злу – Олег Климов, которого Виктор обвиняет в подлости на грани «люциферизма»: предал друга, соблазнил жену³. Кульминацией торжества злобы становятся первые дни октября 1993 года: «Неоткуда нынче добру взяться, и в государстве, и душах все запасы кончились. Злоба же клеточно множится, как сорняк в брошенном огороде»⁴. Здесь образ злобы лишается характерного для многих произведений Бородина метафизического колорита: это не бесы и не «демоны-шельмецы», которые бегут от ладана и боятся молитвы, а биологическая безысходность в виде социальной онкологии или «сорняков в брошенном огороде»⁵. Символично то, что «физическая» обречённость жизни героя из-за злокачественного нароста в организме оказывается фикцией, досадной медицинской ошибкой, что неожиданно обнаруживается в момент его духовного пробуждения, сопровождающегося полумистическими атмосферными эффектами.

Сочетание «злоба дня» имеет и значение, не имеющее негативной коннотации, это «то, что особенно интересно, важно сегодня»⁶. Однако его смысл в названии романа не исчерпывается понятием «актуальность», если рассматривать его в контексте четырёх небольших очерков из «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского за февраль 1877 года: «Один из главнейших

¹ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 308.

² Там же, с. 298.

³ Там же, с. 347.

⁴ Там же, с. 381.

⁵ Там же, с. 381.

⁶ Толковый словарь Ожегова онлайн // [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/11/p.276/index.html> (Дата обращения: 10.12.19).

современных вопросов», «Злоба дня», «Злоба дня в Европе» и «Русское решение вопроса». Не только названия, но и тематика их созвучна проблемам романа Бородин, а именно: поиску нравственных основ справедливости, истины, пониманию сущности подлинного богатства. Статьи посвящены роману Л.Н. Толстого «Анна Каренина», в частности одному эпизоду из шестой части произведения, где Стива Облонский с Константином Левиным ведут «непрофессиональный» разговор на политэкономическую тему о труде и справедливости доходов, то есть о том, «что есть наизлобнейшего в нашей злобе дня»¹. Экономическая тема доходов и распределения, по сути, является рассуждением о религиозном принципе «нестяжательства». С одной стороны, позиция Облонского: пользоваться несправедливыми преимуществами надо с удовольствием, потому что ничего святого не существует и можно жить подлецом, так как «не сейчас придёт страшный суд»². Константин Дмитриевич Левин, напротив, – образец «нового корня русских людей, которым *нужна правда*, одна правда без условий лжи, и которые, чтоб достигнуть этой правды, отдадут всё решительно»³, а «всякий, кто искренне захотел истины, тот уже страшно силён»⁴. Именно таким человеком был и Л. Бородин. В своём «Слове» на кончину Леонида Бородин давний товарищ, единомышленник писателя, Владимир Осипов называет его «страстным искателем Правды»⁵. Все герои писателя, какому времени они ни принадлежали бы, являются искателями правды. Та же мысль звучала и при вручении Л. Бородину Премии Александра Солженицына: «за творчество, в котором испытания российской жизни переданы с редкой нравственной чистотой и чувством трагизма; за последовательное мужество в поисках правды»⁶.

¹ Достоевский Ф.М. Дневник писателя: Избранные страницы. М.: Современник, 1989. С. 408.

² Там же, с. 411.

³ Там же, с. 410-411.

⁴ Там же, с. 416.

⁵ Осипов В. Искатель правды // [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2011/11/30/iskatel_pravdy/ (Дата обращения: 05. 01. 2020)

⁶ Лауреаты 2002 года // [Электронный ресурс]. URL: http://www.solzhenitsyn.ru/litpremiya/laureate/index.php?ELEMENT_ID=175 (Дата обращения 05.01.2020).

В этом эпизоде есть ещё одна немаловажная деталь, касающаяся нестяжательства как православно-русского отношения к богатству. «Тогда, – говорит Достоевский, – богатство будет расти в самом деле, и богатство настоящее, потому что оно не в золотых платьях заключается, а в радости общего соединения и в твёрдой надежде каждого на всеобщую помощь в несчастье, ему и детям его»¹. Категорически отвергая насилие, Достоевский призывает не к показной «раздаче имений» и надеванию «зипунов», а к решимости «*делать всё ради деятельной любви*»². Существенным моментом консервативной позиции русского писателя является его полемика с ключевыми понятиями либерального дискурса. Для Достоевского свобода – понятие нравственное, это «одоление себя и воли своей», так чтобы «быть самому себе настоящим хозяином, а разнузданность желаний ведёт лишь к рабству вашему»³. А связывать свободу с «денежным обеспечением есть «не свобода, рабство от денег»⁴. Равенство же в европейском понимании есть «ревнивое наблюдение друг за другом, чванство и зависть». Настоящее равенство – это радость успехам ближнего: «Если ты, по твоим способностям, приносишь в сто раз больше пользы мне и всем, чем я тебе, то я за это благословляю тебя, дивлюсь тебе и благодарю тебя...»⁵. Что касается братства то, «если так будут говорить все люди, то, уж конечно, они станут и братьями, и не из одной только экономической пользы, а от полноты радостной жизни, от полноты любви»⁶. Таким образом, по Достоевскому, «злоба дня» для России это преобразование её жизни по законам *нестяжательства, соборности и добротолубия*. Эти истины не утратили своей «злободневности» и в России Л. Бородина.

В основе мировидения Достоевского, изложенного в этих четырёх очерках, лежат простые евангельские принципы христианского *общежития* (Деян., 2:45), (Деян., 2:46); (Деян. 4:32), (Деян. 4:34-35), (Рим. 15:17), (1.Фес. 3:10), (2.Тим. 2:5).

¹ Достоевский Ф.М. Дневник писателя: Избранные страницы. М.: Современник, 1989. С. 415.

² Там же, с. 416.

³ Там же, с. 417.

⁴ Там же, с. 417.

⁵ Там же, с. 417.

⁶ Там же, с. 417.

Несмотря на то, что библейские примеры проповедуют этику, которую общественно-экономические теории называют социалистической, ни Достоевский, ни Бородин не принимают термина «христианский социализм», о чём в нашей работе будет сказано ниже.

Приём парадоксального контраста между судьбой страны, охваченной злобой, и возвращением семейной гармонии в многострадальную жизнь Виктора Крутова усиливает эффект философско-нравственного конфликта романа. «Счастье пришло или вернулось в дом Крутова именно в те дни, когда матушка-столица, словно подолом тряхнув, свалила-вывалила всю за последние годы скопившуюся людскую злобу, в самый центр избы-столицы. Злоба уже выстраивала боевые порядки, и у каждого противостоящего друг другу порядка была своя вопиющая и в тысячи глоток вопящая правда»¹. В этом пассаже понятие «злоба» представлена как извечная фольклорная, диахроническая энергия смуты, бунта «бессмысленного и беспощадного», готового вырваться наружу в любой подходящий для него момент обострения государственного неустройства. Неслучаен поэтому и народный колорит отрывка с использованием архаической (былинной) образности: «матушка-столица», «изба-столица», «подолом тряхнув», «свалила-вывалила», «вопиющая, в тысячи глоток вопящая правда», которая не может быть «правдой», поскольку рождена злобой.

В духовной сфере романа злобе во всех её обличьях (плоды плоти) автор противопоставляет плоды духа: «любовь, радость, мир, долготерпение, милосердие, веру, кротость...» (Гал. 6:22-23) – все те качества, которые в той или иной мере составляют ценностную парадигму всего его творчества. Аксиология Бородина – любовь, вера и надежда – не абстрагируется от реальности «мира сего», но обретает национально-деятельные черты, которыми спасётся Россия. В романе «Трики» Богу было угодно вернуть мир и гармонию в семью Виктора Крутова, но обретена она была мучительной внутренней работой преодоления в себе зависти, ревности, злости, мстительности – тех низменных страстей, на

¹ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 355.

которые по земным законам преданный друзьями герой имел полное право. Семейное счастье Крутова в финале книги стало триумфом подлинной любви, а не той влюблённости с первого взгляда, которую он испытывает к Маше Батеевой во время их подстроенной чекистом Крапивинным встречи. Всматриваясь в судьбы героев Бородин, от персонажей первых его работ («Повесь странного времени», «Встреча», «Третья правда», «Гологор») до итоговых эпических полотен («Ловушка для Адама», «Царица смуты», «Трики, или Хроника злобы дней»), понимаешь, что они не только искатели истины, но и люди той подлинной любви, которая, по словам Апостола Павла, «долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине» (Кор. 1, 13: 4-7). Поэтому островок добытого в сложной борьбе с самим собой семейного счастья намного сильнее «боевых порядков» скопившейся в центре столицы «людской злобы». Следовательно, подобно Достоевскому и многим другим писателям консервативного лагеря (Л. Толстой, Н. Лесков, А. Аксаков, В. Белов, В. Распутин, В. Крупин), Л. Бородин на фоне всеобщего стремления к «переделке общества принудительным исправлением»¹ более озабочен *психическим строем лиц, чем строем социальным*. И в этой плоскости философия Л. Бородин созвучна идеям К. Леонтьева, считавшего, что, несмотря на эсхатологическую обречённость этого мира, «любовь, прощение обид, правда, великодушие были и останутся навсегда коррективами жизни, паллиативными средствами, елеем на неизбежные и даже полезные нам язвы»². Таким образом, «любовь, милосердие, справедливость»³ – лучшие средства от отчаяния и уныния.

Нравственный жизнеутверждающий принцип – «Мёртвое – мёртвым. Но живым – жить!», провозглашённый в финале «Повести странного времени» (1969), проходит сквозь все творчество писателя, и его своеобразный отзвук мы слышим в мыслях Виктора Крутова на фоне «отблесков пожара в центре Москвы»

¹ Леонтьев К. «О всемирной любви» / Речь Ф.М. Достоевского на Пушкинском празднике. // Ф.М. Достоевский и Православие. М.: «Отчий дом», 1997. С. 272.

² Там же, с. 276.

³ Там же, с. 277.

осенью 1993 года: «Может, настоящее и трудное только завтрашним днём и приоткроется и определит место каждому, если назначено жить не в минуты – в годы роковые». Характерно, что эпизод завершается застольным тостом: «...За вторую половину жизни»¹.

Бородин называет свой роман «хроникой». Это – «литературный жанр, содержащий изложение исторически достопамятных событий в их временной последовательности. В центре хроники – *время* как субъект исторического процесса. Если в *дневнике* на первый план выступает личность автора, а в историческом романе – личность героя, то в хронике организующей силой сюжета предстаёт сам необратимый и всеподчиняющий ход *времени*, которому подвластны действия и судьбы персонажей»². Понятие «время» многозначно. Из десяти его значений в «Толковом словаре русского языка» Ожегова для нашей темы важно пятое: «Период, эпоха». «Философская энциклопедия» вносит в это упрощённое понимание диалектическое свойство и, рассматривая «время» как фундаментальный элемент человеческого мышления, подчёркивает его функциональную особенность отображать «изменчивость мира», то есть наличие в нём не только «вещей (объектов, предметов), но и событий»³. В творчестве Л. Бородина «время» – особая субстанция, имеющая отношение не к последовательности событий, смене обстановок или возрастным изменениям в характерах персонажей, а к особым психологическим свойствам жизни, обусловленным определённой социально-исторической парадигмой с её идеологическими, юридическими, культурными и бытовыми императивами. Развёрнутую метафору подобного понимания «хроноса» Бородин создаёт в «Повести странного времени» (1969), в которой безымянные герои произведения («я», «мать», «отец», «приезжий», «лесник», «человек» и т.д.) представляют собой обезличенные функции эпохи, диктующей им унифицированные, зачастую античеловеческие, правила поведения. Безысходность подобной ситуации

¹ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 381-382.

² БСЭ онлайн // [Электронный ресурс]. URL: <https://bse.slovaronline.com/> (Дата обращения: 29. 07. 20).

³ Толковый словарь Ожегова онлайн // [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/11/p.276/index.html> (Дата обращения: 10.12.19).

превращает время в «выдумку», так как «по отношению к тому, что вечно, времени не существует»¹. У этого времени «странных слов и странных событий» свои каноны: «добродота, отзывчивость и прочие сентиментальные категории... не рекомендовались»², а вот «политическая грамотность была для человека – в особенности для человека на должности – вторым паспортом»; людям «странного времени», подобно оруэлловским героям, свойственно парадоксальное «двоемыслие»: с одной стороны, «особая ясность понимания»³ и невозможность «выпасть из координат своего времени»⁴, с другой – стремление «освободиться от непосильного бремени веры, которая одновременно и требует знания, и не допускает его, призывает к действию, и обрекает на пассивность, проклиная ложь и не позволяет быть честным»⁵. Классическое определение «двоемыслия» даёт в своей книге «Теория и практика олигархического коллективизма» один из героев антиутопии Оруэлла «1984» – Эммануэль Голдстейн: «Двоемыслие означает способность одновременно держаться двух противоположных убеждений. ...Говорить заведомую ложь и одновременно в нее верить, забыть любой факт, ставший неудобным, и извлечь его из забвения, едва он опять понадобится, отрицать существование объективной действительности и учитывать действительность, которую отрицаешь, – все это абсолютно необходимо»⁶.

Как и в романе Оруэлла, социальное безумие в повести Бородина пронизывает сознание героев и все сферы их бытия. Автор, называя его «странным временем», даёт ему созвучное с оруэлловским, эмоционально-образное и логически точное определение: «Люди знали и не знали, догадывались и не догадывались, верили и не верили. ...Вырабатывался какой-то удивительный социальный феномен, воплощающий в себе одновременно настоящее и будущее, цель и средство, веру и знание. Идол был фантастичен. У фантастики есть

¹ Бородин Л.И. Повесть странного времени. – М.: Современник, 1990. С. 8.

² Там же, с. 11.

³ Там же, с. 11.

⁴ Там же, с. 17.

⁵ Там же, с. 17.С.

⁶ Берджесс Э. 1985.М.: АСТ, 2019. С. 46.

пределы, за которыми кончается возможность подобрать символы для ее понимания. И тогда в человеческой психике происходит смещение. И тогда фантазия воспринимается как вероятное и даже как действительное»¹. Фантастичность подобного состояния и его сущность Э. Бёрджесс в своем анализе романа Оруэлла определяет парадоксальным термином «коллективный солипсизм», что, безусловно, не имеет ничего общего с православной «соборной» солидарностью русского народа, связанной с высшими духовными смыслами, а не с политической рациональностью, доктрины которой также основаны на метафизике, но, прежде чем она обретет всеобщую значимость, коллектив должен научиться мыслить как единый разум². Среди героев романа «Трики» по законам «коллективного солипсизма», или «двоемыслия» живёт только Крапивин (опричник). Понимая порочность системы, и давая ей верные оценки (село «Степанчиково» у Достоевского – коммунизм в отдельно взятом районе³), он видит серьёзные просчёты в работе органов и государственного аппарата и т.д.) и, тем не менее, верой и правдой служит строю, который для него был основой жизни. Но после его крушения, не вписавшись в новую парадигму, он начинает поиск другой точки опоры, что приводит его в ряды защитников Верховного Совета. В некоторой степени это сближает его с философией жизни боярина Олуфьева из «Царицы смуты», человека, который в нужное время, не оказался в нужном месте и стал предателем, но ностальгия по привычному (государственному) порядку вещей гложет его душу. «Жизнь виделась ему домом... Имя дому было – порядок – ряд к ряду, бревно к бревну, и сам он при этом не снаружи, но внутри...»⁴. Таким «домом» для Крапивина была советская система, а иконой – коммунистическая идеология, с врагами которой он честно сражался. И вот дом исчез в одночасье, но тщеславие, привычка быть хозяином и выработанное годами «двоемыслие» оказались неискоренимы. Примкнуть же к «демократической» власти, превратившей офицеров когда-то грозного

¹ Бородин Л.И. Повесть странного времени. – М.: Современник, 1990. С. 19.

² Бёрджесс Э. 1985.М.: АСТ, 2019. С. 43.

³ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 206.

⁴ Там же, с. 27.

«комитета» в охранников и рядовых юристов, не позволяла гордость, да и не верил он в надёжность «нового дома», поскольку не было у него прочного идеологического фундамента – необходимого условия для «коллективного солипсизма» с его системой принуждения. Идеи демократов были привлекательны, но поверхностны. Они не требовали глубинного понимания народной сути, истории, поэтому в одном из своих интервью Бородин называет повальное увлечение демократическими понятиями в начале 90-х «своеобразным горизонтальным мышлением»¹, которое оказалось ещё более «поверхностным», чем марксистско-ленинские догмы. Кроме этого, сначала предположил, а потом и почувствовал Крапивин, что «органы, как и весь механизм государства, утратили наступательность. В стратегию вялой обороны не вписывался авантюрный характер Семёна Крапивина»². Поэтому он делает выбор в пользу парламентской стороны, чувствуя за ней силы, способные обеспечить «наступательность» либо относительный порядок в стране, хотя никакого идеологического монолита внутри патриотических сил не было, но была надежда у бывшего полковника на успешную карьеру.

Художественное использование исторических *хроник* начинается в эпоху Возрождения в связи с постановкой проблемы «человек перед лицом времени». Именно эта особенность хроники соединять исторический фон с конкретными художественными задачами автора плодотворно используется в романах С. Шаргунова, А. Проханова и Л. Бородина. Социально – философская фактура романа Бородина не вмещается в прокрустово ложе простой хроники, «последовательно излагающей события». Во-первых, в романе нет громких исторических событий, как правило, определяющих сюжет подобных произведений. Перед нами жизнь трёх человек, старающихся разобраться в окружающем их мире, найти свой путь, реализовать свои возможности, то есть перед нами материал для социально-психологической прозы, где важна не внешняя канва событий, а внутренние переживания героев. С другой стороны,

¹ Бородин Л.И. Жизнь России будет наполнена национальным действием // Наш Современник. 1992. № 8. С. 150.

² Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 300.

автор не следует жанровому требованию *последовательно* излагать события. Бородин использует технику перемещения временных пластов и повествовательных ракурсов, что придаёт тексту романа полифоническое звучание. Интересно то, что слово «хроника» не уточняется определённым историческим периодом, как, например, мы это видим в романах Мериме, Салтыкова-Щедрина, Лескова... Вместо конкретного временного отрезка мы имеем абстракцию «злобы дней», семантически включающую любой период, характеризующийся остротой конфликтов. Архаический оттенок этого образа вполне соотносится со средневековым представлением о хрониках с их *провиденциализмом (вера в чудеса и знаменья)* вместо диалектики причинно-следственных отношений. Художественное время в романе Бородина имеет циклический характер и обуславливает его композиционную конструкцию, символизирующую повторяющуюся бесконечность «хроноса». Первый и финальный эпизоды произведения относятся к современной эпохе, рамочно очерчивая многолетнюю историю жизни трёх друзей – «триков»: Виктора Крутова, Олега Климова и Семёна Крапивина. Фамилии этих людей также символичны, то есть Бородин использует приём антономазии, что открывает следующий уровень смыслов. Характер принципиального, неуступчивого, отличающегося крутизной поступков Виктора Крутова соответствует его имени и фамилии. Волевой, целеустремлённый, циничный «чекист» Семён вполне оправдывает свою ядовито-жалящую фамилию – Крапивин. Что касается Олега Климова, то его фамилия, на первый взгляд, абсолютно нейтральна, но и она содержит в себе несколько важных смыслов. Она происходит от имени «Клим», что является сокращённым вариантом римского «Климент», то есть – «гуманный», «милосердный», «мягкий». Астрологическая характеристика этого имени вполне соответствует носящему его художественному персонажу: «С раннего детства характер Клина добрый и спокойный, он не доставляет много хлопот родителям. В школе учится хорошо. К положительным качествам Клина можно отнести пунктуальность, доброту, общительность и остроту мысли»¹.

¹ Происхождение, характеристика и значение имени Клим // [Электронный ресурс]. URL: <https://my->

Цифра «три» в названии этой группы друзей тоже значима. Различные народы понимают триаду в силу своих традиций. В христианстве треугольник имеет несколько значений. Прежде всего, это всевидящее око Божье. Также это есть символ завершенности: начало, середина, конец. В религиозном понимании природы человека триада – это дух, душа, тело, а в антропологическом – мысль, воля, действие¹. Это последнее толкование в определённой степени соответствует психологии «Триков». Хотя, на наш взгляд, более логичным было бы представить эту формулу в ренессансном виде: разум, чувство и воля. Несмотря на психологическую сложность каждого из героев, сочетающего в себе набор противоречивых качеств, каждый из них является носителем одной из этих трёх черт, совокупность которых в характере человека определяла бы эталонную сбалансированность личности. В романе именно эти ипостаси духовной природы человека персонифицированы «Триками». Разум в этой тройке представлен аналитическим, дилеммным («гамлетовским») сознанием Крутова, чувство – доминантное свойство созерцательной натуры Климова, воля – главное качество Крапивина, человека, одержимого идеей карьерного роста, и не обременённого морально-этическими условностями. Но важно то, что нравственное наполнение этих качеств у трёх героев романа различно. Поиск абстрактной справедливости, стремление обрести более или менее внятные политические идеалы ведёт Крутова и Климова, людей искренних, но неопытных в житейских делах, по кругам разноликой диссидентской Москвы. Юношеское протестное сознание, энергичность, стремление найти себя в большом благородном деле притупляют бдительность друзей, заставляют воспринимать окружающую действительность поверхностно и эмоционально, что, в конце концов, завершается их крахом: один становится «стукачом», другой – политэком. Наиболее «цельной» натурой является их третий друг, рассчитывающий каждый свой шаг, Семён Крапивин. Концовка романа, в которой мы видим воссоединение давно распавшейся троицы друзей, намекает на ещё одну символическую функцию треугольника. Три

calend.ru/names/klim (Дата обращения: 11.12.19).

¹ Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов. – М.: ООО Издательство АСТ, 2003. С. 36.

элемента триады: принцип утверждения, восприимчивость и примирение как нейтрализующая сила¹. Абсолютно ясно, что примиряющая функция триады выпала на долю Виктора Крутова, сумевшего, рискуя жизнью, каким-то чудесным образом соединить то, что казалось уже окончательно распавшимся. Смыслы троичности созвучны символике буквы «К». Согласно астрологическим толкованиям эта буква означает «справедливость». Она образована сильной вертикальной линией и второй линией, изогнутой в середине и соединяющейся по диагонали с вертикальной. Энергетический поток вертикальной линии направлен к небесам и земле, как и поток диагональной линии, меняющей направление в середине. Внутреннее пространство образует открытую галочку, одинаково открытую и небу, и земле. Эта буква – духовный учитель, она символизирует духовные развитие и стабильность, равновесие между небом и землей. Выражает выносливость, силу духа, умение хранить тайны, проницательность; главный жизненный принцип – все или ничего². Интересно также и то, что иероглифом «Каф» является сжатая ладонь. Символ истолковывается как сосредоточение и сила. Считается знаком большой энергетической силы³.

4.2. Либеральные и патриотические силы в политической жизни Москвы

Идейно-художественная роль главных героев романа многогранна. Мы видим их жизнь на протяжении полувека: с начала пятидесятых до 4-ого октября 1993 года. Штурму «Белого дома» посвящена заключительная 17-я глава книги. Как и С.Шаргунова, А.Проханова, многожанровая, синтетическая природа произведения позволяет увидеть в нём признаки «романа воспитания», «семейно-бытового романа», «психологической прозы», «детектива», «религиозно-философской аллегории», и т.д. Политический дискурс, как уже отмечалось нами ранее, является организующим сюжетно-тематическим началом произведения.

¹ Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов. – М.: ООО Издательство АСТ, 2003. С. 36.

² Взаимосвязи чисел и букв // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.para-norm.ru/numerologiya/kurs-numerologii-svyaz-mezhdu-bukvami-i-chislami> (Дата обращения: 11.01.20).

³ Буквенный знак – К // [Электронный ресурс]. URL: <http://astrooracle.ru/index.php?page=znakiisimvoli/k/k> (Дата обращения: 11.01.2019).

Все остальные его аспекты – личная жизнь героев, психология поведения, духовные интересы – связаны и соотносятся с ним. Характерно то, что в романе, охватывающем послевоенный период советской истории, не освещаются такие источники конфликтов между диссидентами и властью, как «Пражская весна», процессы над диссидентами, война в Афганистане и др. Автора, в первую очередь, интересует расклад политических сил в СССР, их идеологические платформы, идеи, психологические портреты участников интеллигентских сходов. Леонид Бородин сам, будучи членом подпольной организации, знал эту сферу жизни изнутри, и в романе она представлена в ракурсе ретроспективного размышления о пройденном опыте политической борьбы. При этом Бородин старается держать дистанцию от всех своих персонажей и не соотносит себя ни с одним из них, хотя многие его автобиографические детали просматриваются в судьбе Виктора Крутова. Таким образом, политический дискурс романа можно разделить на три тематических топика: либерально-демократический, традиционалистский и постсоветский (с кульминацией в октябрьские дни 1993 г.).

Если БСЭ трактует понятие «диссиденты» исключительно в церковно-историческом смысле, то «Краткий политический словарь» (1978) даёт им «классовую» характеристику: «Термин «диссиденты» используется империалистической пропагандой для обозначения отдельных отщепенцев, оторвавшихся от социалистического общества лиц, которые активно выступают против социалистического строя, становятся на путь антисоветской деятельности, нарушают законы и, не имея опоры внутри страны, обращаются за поддержкой за границу»¹. Л.И. Бородин в своём романе большое внимание уделяет либеральному дискурсу. Во-первых, либерализм был неотъемлемой частью оппозиционных движений в СССР в 60-80-х гг. Духовно не принадлежа к либералам, он, «свой среди чужих», хорошо знал их психологию, идеологические позиции и политические цели, не совместимые с христианским пониманием государственности. Поэтому столь тщательно, продолжая традицию Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова, писатель исследует явление, во многом

¹ Краткий политический словарь. - М.: Политиздат, 1978. С. 108.

определившее идеологию постсоветской России. Есть доля мрачной иронии в том, что вход в лабиринт либерального диссидентства начинается с явочной квартиры чекиста Семёна Крапивина, где он встречается со своим осведомителем, представителем творческой интеллигенции – художником-модернистом – Михаилом Грединым, завербованным на «порнокомпре». Это экспозиция либерального дискурса в романе. Здесь мы впервые сталкиваемся с довольно неприглядной характеристикой московских нонконформистов, «пропускающих через своё сердце боль эпохи»¹. Повествование ведётся от третьего лица, но эпизод построен так, что картину мы как бы видим профессиональным взглядом Крапивина, воспринимающего объект своей разработки в карикатурных тонах и излагающего материал в стиле служебного донесения: «Художник Михаил Гредин был из тех, кто способен, изобразив ночной горшок ручкой внутрь, утверждать, что вскрыл при этом ни более, ни менее как самую суть двойственности человеческой экзистенции»². Далее выясняется, что и имидж «лидера андеграунда», и тусовки «всякой диссидентской шушеры» в его мастерской-полуподвале были срежиссированы всемогущим «комитетом»: «Гредин яростно стучал на своих собратьев по цеху, требовал соответствующей реакции на свой «стук» и при очередной встрече гневно критиковал органы за бездействие»³. Постепенно тон освещения диссидентской темы переходит в издевательски иронический, и мы чувствуем едкий стиль Виктора Крутова. Но перед нами не зарисовки с натуры диссидента-неофита, вступившего в неравный бой с советским «Левиафаном», а ретроспективный анализ прожитого с критической оценкой своих юношеских заблуждений и ошибок. Сначала появляется отталкивающий своим уродством и грязью природно-бытовой фон тёмных, зловонных подъездов, где в некой квартире «ждёт тебя не дождётся свобода и её апостолы – недоучки и переучки столичных вузов и аспирантур,

¹ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 267.

² Там же, с. 193.

³ Там же, с. 194.

самородки и самозванцы великой русской духовности»¹. В этом исповедальном пассаже об «апостолах свободы» есть психологические нюансы, передающие процесс постепенного отчуждения человека от общества и зарождение в его сознании своеобразной гордыни, обязывающей свысока смотреть на мир непосвящённых, «покеточно перерождаясь и отчуждаясь от матёрого материкового оболванства»². Независимо от ракурса показа и позиции условного рассказчика, лексика отрывка отличается резким негативно-оценочным характером: «шушера», «чепуха», «недоучки и переучки», «выродок», «отщепенец», «подпевала», «самозванцы», «фальшивит», «покеточно» и т.д. Всё это придаёт отрывку острый критический пафос, при этом предполагаемый текст Виктора Крутова отличается более насыщенной образностью и культурой, чем бюрократическая манера Крапивина. Подобная смена стилей придаёт повествованию многомерность и объективность.

По мере втягивания Крутова и Климова, «отслоившихся от могучего целого», в диссидентский водоворот, расширяется и галерея образов «передовой интеллигенции», конкретизируются места её обитания и направления оппозиционной мысли. На Страстном бульваре на чердаке «сталинки» у художника-абстракциониста собираются ругатели реализма. Здесь полная свобода мысли и нравов: «бутылка спиртного – пароль и пропуск» в это общество. «Раздавил ёмкость с хозяином» и «валяй общайся..., звони, вызывай, кого хошь, можно и женщину...»³. В романе важна топографическая символика. В истории Страстного бульвара два знаковых момента. В старину здесь была известная своей криминальной репутацией Сенная площадь, а после революции в закрытом Страстном монастыре разместился Центральный антирелигиозный музей Союза безбожников СССР. Наконец, в 1937 году все постройки были снесены.

¹ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 196-197.

² Там же, с. 197.

³ Там же, с. 207.

На Юге столицы, близ Царицынского парка, в старом деревянном доме – картина противоположная. Это тщательно хранимый осколок имперской России. Во всём чувствуется чопорность и аристократизм: парадный дресскод, «цветы хозяйке – любые, кроме красных, если с женщиной, то с женой», здесь старинный рояль и портрет Государя Императора, книги с «ерями» и «ятями», «степенность поведения и приглушённость разговора»¹. Да и место выбрано не случайно: Царицыно со времён Екатерины II – подмосковная императорская резиденция, дух и плоть монархизма.

С грустной символикой связана квартира на Пятницкой. Это название улица получила в честь храма Параскевы Пятницы, принявшей мученическую кончину за веру в дни гонений на христиан Рима. Кроме этого Параскева считается также образцом победы духа над материей, поскольку не только не испугалась пыток, но и отвергла все мирские блага, обещанные гонителями. Собирающееся здесь общество «философов» – невольников интеллектуальных страстей и «врагов быта» – символически перекликается с религией, хотя нельзя не почувствовать несколько иронический характер подобного соотношения. Это место известно также своим пёстрым населением: здесь жили служилые люди, ремесленники, дворяне и т.д. Городской традиции социального многообразия отвечает также многоликий контингент обитателей «философской» квартиры, где собираются: грешившие оппортунизмом «марксоиды», гуссерлианцы и меркузианцы, фёдоровцы и бердяевцы, тойнбисты и дзен-буддисты...»². Крутов выступил здесь с докладом о Данилевском, Леонтьеве, Вико, критиковал Ленина и Чернышевского. Инициатором превращения квартиры в место сбора «всяческого философского сброда» и дирижёром политического действия здесь был хозяин квартиры – Владимир Иосифович Самойлов. Этот бывший марксист и любитель поиграть словами шутил, «что между бродом, сбродом и бредом

¹ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 208.

² Там же, с. 208.

существует тончайшая смысловая связь»¹. А происходящее в квартире подтверждало, что в этой шутке была и значительная доля правды. Со стороны хозяев целью этих сборищ была не политика и даже не философия, «а страсть к общению с молодыми инакомыслящими», как стимул «продления дней бегущих жизни»². В целом контингент этого философского «андеграунда» – «флорентиец» (специалист по П. Флоренскому), дзен-буддистка, «апостолы белибердяевщины» (проповедники нового христианства в России), «поэт-трибунист», филологиня Галя – не отличался особой антисоветской агрессивностью, но и не соответствовал марксистско-ленинской идеологии. В день, описываемый автором, гвоздём программы было выступление «философа-самоделки», «жертвы мастодонтов», Юрия Михайловича Потворина, «посягнувшего на все известные философские системы»³. Именно здесь, в квартире на Пятницкой происходит и судьбоносное событие в жизни Виктора Крутова – встреча с Машей Батеевой, его будущей женой. Дальнейшее развитие ситуации требовало от автора неординарных решений, поскольку соединение двух противоречивых сфер (философская аналитика и лирическое «томление») при сохранении тонально-иронической цельности эпизода – задача не из лёгких. На наш взгляд, Бородин выбирает единственно возможный в данной ситуации путь, а именно: использование кинематографического приёма параллельного показа двух одновременных процессов: речь выступающего философа и мысли Виктора Крутова, покорённого «наирусейшей» красотой и обаянием Маши Батеевой. Оригинальность этого подхода состоит в том, что речь философа представляла собой самопародию, так как она настолько абсурдна, что не требует дополнительного пародирования. По сути «умствование» докладчика представляло собой хаотическое нагромождение псевдонаучных словоформ, произнесённых с серьёзным видом⁴.

¹ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 241.

² Там же, с. 241.

³ Там же, с. 240.

⁴ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 246.

Упрощённым вариантом «философских вывихов» предстаёт квартира «отказника» в многоквартирном «термитнике», где «каждый кубосантиметр пропитан крамолой, ересью... и риском»¹. Здесь обитают поклонники «тамиздата», а по выражению жены Олега Климова Надежды, – просто «гадючник»². Гораздо интереснее квартира Антона Наумовича Скупника. Её хозяин – фигура скорее жалкая, чем одиозная: личность-легенда, переводчик, физик, участник атомного проекта. Потом «погорел» на чём-то, ушёл на преподавание, затем, вдруг, «обретя свободу общения, социально озаботился» и стал подписывать всякого рода протесты и заявления³. Личная жизнь тоже не удалась: пылкий роман с «нимфой лёгкого поведения» закончился тем, что «очистила его сия дева», но «из стареющего еврейского сердца его не выпрыгнула»⁴. С порога его жилья ощущается «конспиративный» дух сборища, «где что ни имя, то хоть шёпотом произноси, – один сидел в тридцатых, другой в пятидесятых, третий – с ума сойти! – только что «оттуда», голова обрасти не успела, а лицо отжелтеть»⁵. Если в предыдущих «диссидентских» эпизодах авторская функция была, прежде всего, номинативной, то здесь налицо драматургия и живой голос антисоветчины. Выступающий, опальный академик-экономист, заменив официальную статистику данными ЦРУ, делает вывод: «экономика Союза на грани катастрофы!»⁶. Естественно, ответа на этот вопрос «что делать?» докладчик не знал и, пробурчав вяло «Реформы...», удалился, оставив всех «в растерянности и сомнениях»⁷. Атмосферу застывшего недоумения развеивает поэтесса Фимочка – «пророчица и Кассандра», автор полудетских и полувзрослых стихов. В 1956 году на карте Европы вместо Венгрии она увидела чирий, а перед снятием Хрущёва видела его по телевизору вверх ногами. На этот раз ей привиделся «мужичонка» с одной извилиной в мозгу

¹ Там же, с. 208.

² Там же, с. 209.

³ Там же, с. 230-231.

⁴ Там же, с. 231.

⁵ Там же, с. 230.

⁶ Там же, с.230.

⁷ Там же, с. 230.

и огромным кулаком, готовый всех в пол вколотить¹. Это «видение», не требующее особого толкования, вызвало смех. После этого на авансцену выходят ещё несколько человек: неуравновешенная «девушка с магнитофончиком» и некий Соков, изгнанный из «Комсомолки» «за ересь в толковании производственных приоритетов». Серьёзно начавшийся эпизод окончательно переходит в стадию абсурда: девушка то кричит в защиту интеллигенции («если не мы, то кто?»), то готова заплакать, Климов то ли в шутку, то ли всерьёз, предлагает шеренгой, двинуться на Красную площадь. Соков, отказавшись называться мужчиной, объявляет себя «интеллигенцией», то есть «новой биологической особью», сотворённой великой русской литературой и оглашает программу действий: «И задачи наши определены... Мужчины должны говорить вместо того, чтобы сражаться, женщины – говорить вместо того, чтобы рожать»². Хозяин квартиры старается погасить этот «гвалт» и, вернувшись к обсуждению доклада «экономиста», перевести ситуацию в спокойный полемический режим. Но эффект получается обратным. Человек «измождённого вида», который «только что оттуда», навязывает разговор о «свободе», к которой неминуемо должен привести крах старой системы. Это вторжение в злободневную тему вызывает откровенную бурю: «Свобода от или свобода для?.. Свобода и необходимость... Свобода по-бердяевски или свобода по-маркузиански?.. Саранцев, тот, что «отсидент», пытался перекричать всех, дескать, свобода в определениях не нуждается, определения уже сами по себе ограничивают её»³. Эта сцена, словно перекочевавшая из антинигилистических романов Н.С. Лескова, поражает суетливой динамикой, искажёнными смыслами, казуистикой трактовок. Неслучайно образом-лейтмотивом, пронизывающим весь этот эпизод, является слово «гвалт»⁴. Вспомним, например, фрагмент политического спора из 18-й главы романа Лескова «Некуда» о России и свободе,

¹ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 231.

² Там же, с. 232.

³ Там же, с. 233.

⁴ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 230, 231, 232, 233.

и мы слышим привычные уху либеральные мантры: «свобода номинальная», «свобода голодного рабства», «свобода протестовать против голода и умирать без хлеба», «у нас есть будущее», «у нас невежество»¹ и т.д. Однако «сепаратисты» Лескова намного опасней диссидентов Бородина, среди которых, по крайней мере, нет Араповых и Бычковых, готовых поджечь Москву, «залить кровью Россию» и «пять миллионов вырезать», чтобы остальные были счастливы². Авторское отношение к подобным типажам тоже сходно. Для Бородина это «сборище»³, «сходняк»⁴, Лесков более суров, называя *новых людей* то «ассортиментом»⁵, то «кодлой»⁶. Для героев Бородина нонконформизм – это отчуждение от «материкового оболванства»⁷, которое автор воспринимает как своеобразную «детскую болезнь» части советской интеллигенции. Лесков называет это «гражданским малолетством»⁸ и «общественным сепаратизмом»⁹, имея в виду разрыв *новых людей* с государством и традицией. Что касается конкретных борцов за свободу, то у Лескова и Бородина они соревнуются в своём уродстве и карикатурности. Бородин, не испытывая особой симпатии к московской фронде, всё-таки намного снисходительнее к своим героям, чем Лесков к «неотмываемо грязным», «циничным», «злобным» и «чванливым» нигилистам. Для Бородина главное создать коллективный образ диссидентства как политический фактор, для Лескова важно показать *психологию* революционеров как опаснейшее социальное явление, поскольку под их демократической маской скрывается «тираническая» сущность¹⁰. Нигилисты Лескова не были плодом фантазии писателя. «В романе, – пишет известный исследователь его творчества В. Троицкий в комментариях к «Некуда», –

¹ Лесков Н. С. Собрание сочинений. В 12т. - М.: Правда, 1989. Т.4. С. 101.

² Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 272.

³ Там же, с. 230.

⁴ Там же, с. 240.

⁵ Лесков Н. С. Собрание сочинений. В 12т. - М.: Правда, 1989. Т.4. С. 120.

⁶ Там же, с. 400.

⁷ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 197.

⁸ Лесков Н. С. Собрание сочинений. В 12т. М.: Правда, 1989. Т.4. С.121.

⁹ Там же, с. 120.

¹⁰ Деспотизм либералов // [Электронный ресурс]. URL: <https://wonderbull.livejournal.com/197377.html> (Дата обращения: 27.07. 2018).

отчётливо прослеживались портреты многих видных представителей революционного движения 60-х годов и даже современные писателю официальные круги признавали это»¹. То есть это была реальная опасность, которую предчувствовал писатель. Революционные призывы лесковских нигилистов удивительно схожи с постулатами «Катехизиса революционера» (1869), призывающего к страстному, повсеместному и беспощадному разрушению». Надёжный союзник в такой борьбе – разбойный элемент»².

Действие же в квартире Скупника завершается в том же серьёзном ключе, что и началось. Неожиданно заговорили два пожилых «отсидента пятидесятых», до этого не принимавших участие в разговоре. «Ведь это... всё уже было. В начале века. И уровень споров был повыше нынешних. А чем кончилось? Рыба гниёт с головы...»³. Политическая тема переходит на уровень философского размышления о цикличности времени и о том, что история не учит. Эта сфера недоступна молодым радикальным пассионариям с «горизонтальным мышлением». «Вертикальный» же подход предполагает исторический экскурс и обобщения. Поэтому всё началось с западников и славянофилов, а завершилось октябрём 17 года. Следующий этап, начавшись «с ревизии некоторых положений марксизма»⁴, закончился размышлениями в камере, где появляется «особое состояние сознания», заставляющее думать об ответственности, а не рушить всё подряд «до основанья, а затем!»⁵. В идейном плане этот диссидентский «бомонт» представляет собой своеобразный пролог к серьёзному политическому дискурсу на более высоком уровне, где «примирение антитез» становится практически невозможным. То есть перед нами ранний этап антисоветского движения, который не разводил ещё государственников и либералов по разную сторону баррикад, поэтому и Крутов как «приверженец славянофильской концепции в её

¹ Лесков Н. С. Собрание сочинений. В 12т. М.: Правда, 1989. Т.4. С. 647.

² Нечаев С.Г. Катехизис революционера // [Электронный ресурс]. URL: <https://introvertum.com/nechaev-katehizis-revolucionera-polnyiy-tekst/> (Дата обращения: 26.06.19).

³ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 233.

⁴ Там же, с. 233.

⁵ Там же, с. 234.

культурологическом звучании»¹ не воспринимается ещё чужим в этом либеральном обществе, хотя вполне можно согласиться с Ю.М. Павловым, что «русофобия этих диссидентов была латентной»². О процессах постепенного размежевания в оппозиционной советскому строю среде красноречиво свидетельствуют публицистические статьи Бородина 70-х годов (см. 1 главу). Дальнейшее развитие политического процесса в позднем СССР и молодой России свидетельствует о том, что писатель в своём видении ситуации и прогнозах не ошибался.

Третье либерально-демократическое действие происходит на квартире Милочки-поэтессы. Если две предыдущие сцены открывают нам политический и философский аспекты явления, то здесь мы видим быт и нравы творческой интеллигенции в домашнем интерьере. Это не целевое, тематическое собрание, как на Пятницкой или у Скупника, а просто вечер с гостями, угощениями и разговорами – обычный богемный капустник: поэт, поэтесса, художник, режиссёр, актриса и т.д. Стиль поведения соответствующий: «Пьём, едим, стихи читаем, снова пьём...»³. Вместо интеллектуального напряжения «философского Олимпа»⁴, здесь царит водевильная «лёгкость бытия»: каламбуры, пикантное подшучивание, наигранная простота нравов, фамильярно-шутливая манера общения, скабрёзные намёки, чёрный юмор, стихи Гиппиус и т.д. Да и сами диалоги искромётным чередованием реплик схожи с античными стихомифиями⁵, а герои – с масками «комедии дель арте» на современный манер: «Роза-отказница», «Милочка-поэтесса», «пижон в дичайшем галстуке», «режиссёр Паша», «актриса Машиного детства». У каждого своё амплуа, беседа же без определённого тематического фокуса развивается по законам импровизации со слезами и смехом. Однако ни театральность происходящего, ни расслабленная,

¹ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 233.

² Павлов Ю. Леонид Бородин: «наказанный» любовью к Родине // Человек и время в поэзии, прозе, публицистике XX-XXI веков. – М.: Литературная Россия, 2011. С. 161.

³ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 252.

⁴ Там же, с.252.

⁵ Там же, с. 253-254, 256.

семейно-бытовая обстановка нисколько не умоляют идеологического значения этой сцены. Начнём с момента появления в этой квартире Крутова и Маши. Знаменательно то, что их знакомство с этой компанией начинается с культурной символики, намекающей на духовную обособленность группы: «Нет Гумилёва, есть Ахматова. Нет Шолохова, есть Пастернак. Полкой ниже и левее, кажется, Мандельштам. ...И Булгаков – большая фотография. Этакая демоническая интерпретация. Какие-то бородачи. И конечно, Эйнштейн с языком на подбородке»¹. В общем-то имена в СССР не запрещённые, но и не обласканные советской властью, потому как с диссидентским привкусом. На стене живопись «буйства красок» и портрет хозяйки – «кентаврическая комбинация Модильяни и Серова»². К моменту, когда остроумные импровизации выводят говорящих на серьёзную политическую тему, мы уже знаем, что хозяйка квартиры, поэтесса Милочка – «баба несносная, но от Бога», пьёт³, да ещё «влезла в глупое дело..., кто её втянул, рванул на Запад, а её и прочих подставил...»⁴; художник Гредин («пижон») – «борец за свободу искусства, разоблачитель глазуновых и кербелей...»⁵, Розочка поёт, как ангелочек, но ей три раза отказали в израильской визе⁶, возможно, что у поэта Самохина – жена малолеток⁷, а режиссёр Паша заканчивает «пресмешную комедию» т.д. Всё развивается в мирном ключе по сценарию рядового капустника, но неожиданно Роза-отказница выводит разговор на диссидентскую проблему с национальным оттенком. Начинает она с того, что её настораживает положение в стране. Однако выясняется, что не система её гнетёт, а «национальный» вопрос, в частности оживление русского уклона в политике и культуре. «Изо всех дыр лезут русопяты! Подумать только, пятьдесят лет пели «Весь мир насилья мы разрушим», а завтра ведь начнут орать «Боже царя храни!». Дождётесь, начнут! Журнальчики шовинистические шлёпают на

¹ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 251.

² Там же, с. 251.

³ Там же, с. 255.

⁴ Там же, с. 257.

⁵ Там же, с. 255.

⁶ Там же, с. 254.

⁷ Там же, с. 253.

машинках всякие недоноски! ... Да в этой стране интеллект со времён Грозного – крамола! Библия учит: своевременный исход – вот спасение»¹. Отвечает на этот русофобский выпад Милочка-поэтесса: «Я не в национальном поле живу, а в культурном, это моя среда обитания, в которой я только и могу и дышать, и писать. Любое другое поле – твоё ли Израилево, английское или гишпанское – не подойдёт»². В эту перепалку сначала вторгается голос Гредина, идеологически, вроде бы, солидарного с поэтессой, но фальшь его очевидна. Режиссёр, вызванный на разговор, не поддаётся на провокацию, «отказница» ехидной репликой о вкладе евреев в русскую жизнь заканчивает свою партию. Поэт Самохин пытается отвлечь компанию от неприятной темы новым тостом. Завершается же эпизод по той же схеме, что и на квартире Скупника, только носителем примиряющей мудрости выступает «старая актриса». Речь её носит назидательный оттенок, смысл которого заключается в том, что хорошие, талантливые, творческие люди должны служить исключительно культуре: «Так зачем все эти разговоры о другом! Милые мои! ...Все беды от разговоров о другом. Всякий раз всё с них начиналось!»³. Вновь, но под несколько другим углом, мы видим столкновение «горизонтального» и «вертикального» мышлений.. Сцена завершается патетическим монологом поэта Самохина – образцом «оруэлловского двоемыслия», так как это и согласие с актрисой и мягкая антитеза к её пацифистской морали: «Уезжающим – удачи! Остающимся – надежды!»⁴. Действительно, такая формула и «всеприемлема» и «бессодержательна», о чём он и говорит, заключая эту смысловую синтагму. Далее же следует его главная мысль, внешне как бы развивающая мотив «благоприятного взаимопонимания», но по сути, имеющая программное значение, а именно: мы нужны здесь, чтобы «не допустить в этой стране ничего такого, за что после пришлось бы стыдиться перед остальным мировым сообществом. ... Чем больше нас останется здесь, тем реальнее шанс придать, наконец, этой стране человеческий облик. Нынче и здесь

¹ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 258.

² Там же, с. 258.

³ Там же, с. 259.

⁴ Там же, с. 259.

мы не просто поэты, писатели, драматурги, актёры, мы – потенциал нормальных исходов»¹. Несмотря на миролюбивый тон сказанного, диссидентские «коды» в нём очевидны: «эта страна», вместо *наша*, «мировое сообщество» как эталон «человеческого облика», «потенциал нормальных исходов»². В этой фразе, сказанной в 1960-е годы, не всё было ясно. Характерна и реакция на неё далеко не глупой «поэтессы Милочки»: «Самохин, из того, что ты тут наговорил, я поняла не больше трети...»³. Если две первых мысли – *оставаться* в стране и *не допустить*, – вполне понятны, то «потенциал нормальных исходов», помимо библейской ассоциации, выводит на ряд странных вопросов: что означает понятие «нормальный исход» и зачем он нужен в стране, обрётшей (силами диссидентов) «человеческий облик»? В чём состоит подлинная цель обретения государством «человеческого облика»? Связывают ли эти люди своё будущее с этой страной или вся борьба нужна лишь для того, чтобы иметь возможность цивилизованно покинуть её? И в связи с этим, главный вопрос: являются ли все эти люди органичной частью общего для всех национально-культурного поля? На эти вопросы на сто лет раньше уже ответил Ф.М. Достоевский устами одного из героев романа «Идиот» Е.П. Радомского: «...Русский либерализм не есть нападение на существующие порядки вещей, а есть нападение на самую сущность наших вещей, на самые вещи, а не один только порядок, не на русские порядки, а на самую Россию... каждый несчастный и неудачный русский факт возбуждает в нем смех и чуть не восторг. Он ненавидит народные обычаи, русскую историю, все»⁴. А правильность этого наблюдения подтвердило перестроечное время и начало 1990-х, когда уже из демократической России – страны «с человеческим обликом» и, казалось бы, с исправленным «порядком вещей» – осуществили «нормальный исход» тысячи представителей интеллигенции. Правда, некоторые из них позднее вернулись. Для Л. Бородина ответы на эти вопросы были уже

¹ Там же, с. 260.

² Там же, с. 259-260.

³ Там же, с. 260.

⁴ Достоевский Ф. М. Идиот. Собрание сочинений: В 10 т. / Под общ.ред. Л. П. Гроссмана. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 6. С. 379.

очевидны в 1970-е годы. Так что слова «безобидного поэта»¹ Самохина, сказанные за четверть века до «второй оттепели», были не лишены пророческого смысла. По статистике миграционного портала Emigrating.ru с 1991 по 2000 гг. из России эмигрировало 3.505.000 человек². В списке наиболее привлекательных для эмиграции стран лидируют США, Германия, Израиль. Политологический же вывод из состоявшегося непростого разговора делает хозяйка квартиры, разрубая гордиев узел одной простой фразой: «...Диссиденты – это всего лишь несчастные люди, я им сочувствую»³. Эта фраза проводит границу между подлинным диссидентством и гостями «поэтессы», той части неконформистской интеллигенции, которую Бородин называет «массой официальных людей», тихих инакомыслящих, имеющих своё мнение – «вещь ни к чему не обязывающую»⁴. Характеристику этому сорту людей, живших «с фигой в кармане», Бородин даёт в интервью газете «Подмосковье» (21.03.92), озаглавленное «Неофициальный человек»: «Интеллигенция – мозг нации... Долгие годы наши интеллигенты собирались тесными кружками в своих уютных московских квартирах, пели Галича и Высоцкого, заглядывали друг другу в глаза, давая понять, как они все прекрасно и одинаково понимают, а потом шли ставить похабные «советские» пьесы, писать конъюнктурные романы, снимать пошлые фильмы»⁵. Только в связи интеллигенции с народной почвой Бородин видит её социальную силу. Отсюда логика эмиграции в понимании Самохина довольно проста: обмен Родины на «сервис»⁶. Бородин вводит понятие «конвертируемый диссидент». Это тот случай, когда человек, позиционируя себя «демократом» в стране с тоталитарным режимом, не имел проблем с выездом за границу, так что

¹ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злости дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 285.

² Статистика эмиграции из России // [Электронный ресурс]. URL: https://emigrating.ru/statistika-emigratsii-iz-rossii/#_1991_2016 (Дата обращения: 21.02.2020).

³ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злости дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 260.

⁴ Бородин Л. И. Собрание сочинений в 7 т. Т. 7. М.: Издательство журнала «Москва», 2013. С. 473.

⁵ Бородин Л. И. Собрание сочинений в 7 т. Т. 7. М.: Издательство журнала «Москва», 2013. С. 474.

⁶ Там же, с. 466.

складывалось впечатление: их «не пускали, а запускали туда, как лояльную персону, которая «борозды не испортит»¹.

Писатель не берёт на себя ответственность вершить суд над «инакомыслящими». Но, несмотря на критическое отношение к этому движению и несогласие с его космополитическим духом, отдаёт должное той части нонконформистов, которая не ограничивалась разговорами на кухнях и вступало в открытую борьбу с властью. Он отдаёт должное героизму этих людей: «Диссидентство продемонстрировало возможность к действию, к подвигу, к жертве»². Если критика либерального диссидентства в статьях советского периода мела идеологический характер с опорой на традиционно-патриотические (славянофильские) ценности, то в романе «Трики» очевидна ретроспективная переоценка деятельности диссидентского движения в двух планах: психологическом и социальном. Прежде всего, здесь с предельной ясностью сформулирована психология «обретения душой» вожденной диссидентами свободы («каникул души»)³. На смену аналитической критики приходит сарказм: «Вся столичная среда обитания была пропитана, насыщена крамолой, как болото гнусом, с той лишь разницей, что гнус не был голоден и кусался редко, больше из озорства, а в основном жужжал ...»⁴. Но главное в этой фразе то, что понятие свободы, за которую так ратовали диссиденты, в сознании автора становится синонимом «крамолы», а именно: образом-лейтмотивом не только данного отрезка, но и всего романа. В XVII веке «крамолой» называли «смуту», «заговор», «мятеж», «ссору», то есть явление антигосударственное и, в высшей степени, разрушительное. Таким образом выстраивается последовательный метафорический ряд: «столичная среда» – «болото»; «крамола» – «гнус». Смысл его – слабость оппозиции оборачивается уверенностью режима в своей силе⁵. Удел же этих людей – политическая «смердяковщина», которую с предельной

¹ Там же, с. 523.

² Там же, с. 475.

³ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 263.

⁴ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 263.

⁵ Там же, с. 264.

ясностью Бородин определяет в статье «Либеральное сознание» (1975)¹. Беспочвенное сознание заряжает разрушительной энергетикой (ещё со времён нечаевых-верховенских) сопутствующее всякой смуте «плебейство» в лице разбойного элемента. В романе Бородина носителем этого духа является внявшая призывам демократа-руссофоба Саранцева² уголовная массовка столыпинского вагона: «Даёшь Америку! Коммунистов и жидяр на перо! – радостно орали отчифрившие поклонники американской демократии»³. В глазах же официальной власти и её силовых органов диссидентство — это «недоумки или комплексоиды», «придурки, которые все под перекрёстным контролем»⁴. А их оппозиционность всего лишь «амбиции, плюс личная нереализованность, плюс относительная безнаказанность – вот тебе и диссидент вылупился»⁵, – определяет незавидную судьбу своих друзей-правдоискателей чекист Семён Крапивин.

В романе Л. Бородина помимо либеральной фронды и «рыцарей» социалистического правопорядка есть третья сила – русские традиционалисты. Мы используем этот термин (в интерпретации Щипкова), поскольку он больше подходит для характеристики «русистов», игравших важную роль в идеологическом поле позднего СССР. К этой группе относятся и главные герои романа – Крутов и Климов. Социальной основой этого явления историк-публицист С. Семанов считает молодую столичную интеллигенцию: «Это было поколение, не заставшее сталинских суровостей (по малолетству) и открыто смеявшееся над непрерывными нелепостями Хрущева. А также, что весьма существенно, они получили превосходное образование в тогдашней советской десятилетке (которая равнялась дореволюционной гимназии) и на гуманитарных факультетах пятидесятых годов, где уровень преподавания был весьма высок. Это поколение с юности читало Достоевского, Бердяева, Розанова, Леонтьева и иных прочих. Эта московско-ленинградская молодежь отнюдь не искала свой идеал на

¹ Бородин Л.И. Либеральное сознание. 1992. №8. С. 142.

² Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 317.

³ Там же, с. 319.

⁴ Там же, с. 302.

⁵ Там же, с. 302.

Западе. Зная тамошнюю культуру не понаслышке, она видела глубинные недостатки «общества потребления» и искала выход не в слепом подражании, а на новых путях для тысячелетней России»¹.

Если знакомство с либеральными кругами диссидентства начинается с осведомителя Гредина и проходит в «квартирных труппах» – «полупотаённых гнездилищах духа свободы»², то традиционалисты представляют собой легальную группу творческой интеллигенции, оппонировавшую интернационалистским перегибам официальной идеологии. Своеобразным «ключом доступа» к этим кругам становится фигура Олега Климова. Своим эмоциональным тонусом эти люди напоминают участников либеральных тусовок, но тематика их разговоров иная. Спорят также горячо, но в границах корректности, о русской душе и русской идее, цитируют гигантов «серебряного века» и т.д.³. В центре этого круга Олешкин тесть – «могучий классик-литературовед» – Валерий Константинович. Психологический портрет этого человека мы видим глазами Крутова: «Исключительно симпатичный мужик: общителен, весел, демократичен... Но вальяжность, вельможность и демонстративная, почти навязчивая «русопятость»: на бургерском пузе рубаха красная навывпуск, на языке сплошная народность, ни тебе слова без поговорки да прибаутки. ...Он действительно влюблён в ту самую «народность», о какой разглагольствует к месту и не к месту, кажется, дай ему волю, говорил исключительно на старославянском, а не на русском! ... А неприязнь, она оттого, что необъяснимо в этом человеке совмещение «народности» с партийностью, причём не бытовой, так сказать, но трибунной»⁴. То есть Валерий Константинович представляет ту часть советской интеллигенции, которая сумела вполне искренне совмещать социалистические ценности с народно-национальным началом. В реальной жизни отношение к этому типу патриотов со стороны диссидентов-националистов, к числу которых относился и

¹ Семанов, С. Русская партия в чужом зеркале / Газета День Литературы [Электронный ресурс]. 2003 (6), № 82 // URL: <https://public.wikireading.ru/166311> 21.07.2020 (Дата обращения: 22.05.2019).

² Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 197.

³ Там же, с. 198-199.

⁴ Там же, с. 214.

Л. Бородин, было, мягко говоря, неприязненным. Причина состояла в том, что для них «партийность» и «народность» – понятия несовместимые. Во-первых, потому, что русская народность немыслима без православия, в свою очередь, несовместимы социализм и христианство. В этом вопросе Бородин абсолютно солидарен с Достоевским, о чём говорит в интервью газете «Подмосковье»: «Идея Достоевского, чрезвычайно актуальная для нас, состоит в том, что самая вероятная альтернатива христианству – социализм. Социалистическая идея – это попытка построения на земле Царства Божия, так что человек, отрицающий христианство, рано или поздно придёт к социалистическим постулатам»¹. В беседе с главным редактором газеты «День литературы» В. Бондаренко он повторяет эту идею в более чёткой формулировке: «Я не верю в христианский социализм. Это сладкая селёдка. Достоевский чётко сказал: социализм не прав, потому что есть Бог... А если Бога нет, тогда прав социализм ...»². В этом же интервью Бородин излагает идеологию импонирующей ему политической системы: «В целом наша программа сводима к трём тезисам: христианизация экономики, христианизация политики, христианизация культуры. Это не создание теократического государства, а ориентация, направление поисков. ...Любой закон должен быть удостоверен основными положениями Православия»³. Судя по всему, Валерий Константинович – «социалист-народник», но его мировоззренческая позиция довольно расплывчата. Он не против социализма, потому как он гарант духовности общества, следовательно, враждебен торгашеской морали, ибо «где частная собственность, там рынок потребностей, там рано или поздно – истощение духа»⁴. С другой стороны, он не верит в живучесть советского строя, и в то же время не видит ему конкретной альтернативы: «Советская власть продержится некоторое время, а там что-нибудь придумаем...»⁵. Последний глагол в первом лице намекает на то, что в

¹ Бородин Л. И. Собрание сочинений в 7 т. Т. 7. М.: Издательство журнала «Москва», 2013. С. 480.

² Там же, с. 562.

³ Бородин Л. И. Собрание сочинений в 7 т. Т. 7. М.: Издательство журнала «Москва», 2013. С. 562.

⁴ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 215.

⁵ Там же, с. 215.

последующем обсуждении судьбы России Валерий Константинович не собирается быть созерцателем, и надеется, что его «учёно-филологическое» слово будет учтено. Однако события, как показывает дальнейшее развитие сюжета, пошли по другому сценарию.

В своей полемической статье «О русской интеллигенции» (1973) Л. Бородин ведёт спор с авторами издающегося в Париже «Вестника РСХД» – неким N.N., О. Алтаевым, В. Горским и М. Черновым – на тему исторической роли и сущности русской интеллигенции. С опорой на работы Н. Бердяева, Г.П. Федотова, Бородин характеризует позицию своих оппонентов как «мешанину из социальной метафизики и классовой теории», исходящую из ложного понимания российской истории как смеси «злобного шовинизма», «национал-мессианизма», «обманутых масс», «озверевшего народа-богоносца» и «спасительной роли интеллигенции»¹. Сущность этого подхода к отеческой истории Бородин определяет следующим образом: «Налицо полный разрыв с отцами, дедами, прадедами и прапрадедами до тридесятого колена, налицо непомерное притязание на понимание смысла русской истории, налицо откровенная отчужденность от государства, нации, народа и национальных традиций, налицо разрыв с православием»². При этом определяет «национальное чувство» как «чувство особенности, а не превосходства, долга, а не блага»³. Сам писатель, не причисляя себя к пророкам, убеждён в том, «что бы в России ни происходило, происходить оно будет под национальными лозунгами»⁴. Бородин согласен с Г.П. Федотовым⁵, что «эволюция сегодняшнего русского образованного слоя в России идет путем национализации, медленной, осторожной, последовательной, иногда уродливой и однобокой, но все же национализации, и процесс этот ускоряется прогрессивно с каждым годом»⁶. Тенденция положительная, но в романе у Бородина «уродство» и «однобокость»

¹ Бородин Л. И. Собрание сочинений в 7 т. Т. 7. М.: Издательство журнала «Москва», 2013. С. 198-199.

² Бородин Л. И. Собрание сочинений в 7 т. Т. 7. М.: Издательство журнала «Москва», 2013. С. 192.

³ Там же, с.202.

⁴ Там же, с.202.

⁵ Там же, с.197.

⁶ Там же, с.197.

также имеют силу, как, например, в «драмшедевре» на народную тему одного «совхалтурщика» про бабуль, колхозные проблемы, пьяницу Федорыча и распутную Марфу¹. Непонятно Виктору Крутову и сочетание в образе Валерия Константиновича «народности с партийностью». Принципиальный «брейн-ринг» между школьным учителем и «мэтром» о книге «одного из моднейших «народнических писателей» выводит «дуэлянтов» на проблему «сопротивления злу силой», а в частности активного противодействия власти, уничтожающей крестьянское сословие и тем самым подрывающей «корни русской культуры»². Вопрос конкретный и, казалось бы, требующий соответствующего ответа. Реакция же филолога на выпад Крутова представляла собой чёткое движение мысли от общеполитических обобщений к историческим намёкам. Предварительно упрекнув собеседника в «адаптировании текста и упрощении мысли», он начитает свой дискурс с теории о всякой власти, которая «несовершенна» и её можно «бранить, обличать, но можно и воздействовать, влиять, воспитывать, наконец»³. Свою витиеватую конструкцию, но уже в научно-метафорическом ключе, он продолжает достраивать в разговоре с Олегом, говоря о втором законе термодинамики и о «несовершенной», но неприкасаемой критической массе, сопротивляющейся энтропии⁴. Суть его позиции понятна: все люди делятся на революционеров и охранителей. Обе эти склонности равно пагубны, а вот «золотая середина в отношении к действительности есть свойство зрелости... она в чувстве ответственности», то есть в умении «вовремя остановиться перед моментом необратимости, за мгновение до распада»⁵. Отношение молодого радикала Крутова к патриотической риторике Валерия Константиновича и «партийным народникам» негативно: «...Они перехватывают очевидную социальную проблему, кастрируют и превращают в объект литературы. И весь этот их Союз писателей – хитрющий механизм искусной

¹ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 218.

² Там же, с. 222.

³ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 222-223.

⁴ Там же, с. 224.

⁵ Там же, с. 224-225.

консервации проблематики и дозированного выпуска пара, коммунистическая боярская дума...»¹.

Если от сцен либеральных полуконспиративных сходов веет театральщиной и балаганом, то легальные собрания патриотической интеллигенции рисуются в ином ключе. Рассмотрим несколько эпизодов. Обсуждение новой книги «писателя-народника» о коллективизации рисуется в откровенно ироничном тоне. В глазах главных героев – Олега и Виктора – книга эта есть «лукавая полуправда»². Хвалебная статья в «Литературку» уже готова, но деликатность момента заключалась в том, «как бы Шолохову кто раньше времени не стукнул с извратом», поэтому «сперва вояж в Вешенскую и только потом публикация...»³. Психологические портреты действующих лиц не комплементарны. «Высшей формой благородства» был воспринят демарш «классика» в форме отказа от загранпоездки, когда его возлюбленной не дали визы. Патриотическая лирика Олега Климова «о Расеюшке – Граде Китеже, о мужике русском, хранителе соборности» далека от совершенства⁴. В каждой детали этой сцены – мыслях о превращении крестьянского сынка в барина, сплетнях о порнухе и писателе-либерале, таланте писать о придуманном как о пережитом, о моде на «архангельских мужиков» и т.д. – чувствуется конъюнктурность. Некоторую ясность в подобное отношение к советской консервативной интеллигенции вносит оценка Бородиным сущности «обеспечителей российского Возрождения с большой буквы»⁵: «Сегодня в России действительно имеется видимый слой оппозиционно настроенной интеллигенции в традиционно федотовском понимании», однако её «беспочвенность периодически взрывается гримасами национальной конъюнктуры»⁶. Неслучайно, глядя на одну из «этих гримас национальных конъюнктур» Олег Климов, испытывает двойное ощущение: «И вот тебе обидное и оскорбительное двоение души: презрение и почтение – как

¹ Там же, с. 223-224.

² Там же, с. 220.

³ Там же, с. 226.

⁴ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 227.

⁵ Там же, с. 228.

⁶ Бородин Л. И. Собрание сочинений в 7 т. Т. 7. М.: Издательство журнала «Москва», 2013. С. 199.

такое может уживаться и сосуществовать в душе одновременно?»¹. То есть опять мы видим то состояние «двоемыслия» или «коллективного солипсизма», в котором живут герои «Повести странного времени». Двоякость, половинчатость как результат парадоксальной смеси «идейности и беспочвенности» чувствуется и в тактике действий этой социальной прослойки. Программа их действий имеет антиномический характер, где внешне противоречащие друг другу моменты имеют логически равноправное обоснование. Эпизод начинается с разговора о поездке «классика» в деревню. С первых же строчек очевидна двоякость образов: сам рассказчик одновременно и барин, и мэтр; секретарь райкома, о котором идёт речь, и «русский мужик от сохи», и сталинский палач «старорусского малодворя»; «в оживших глазах «классика» и тоска, и гнев»² и т.д. Дальнейшее изложение программного поведения даётся в стиле пародии на политический документ, в котором каждое действие сводится на нет различными оговорками и условиями его выполнения. «Антирусское дело свершается. Бороться надо. Там, «наверху», есть наши люди, но в меньшинстве и полусиле, надо их поддерживать, но аккуратно, чтоб не подставить. И самим, действуя, не засвечиваться чрезмерно. Страховка нужна. В «органах» полно русских мужиков, надо искать контакты, стенку отстраивать, тылы формировать, общественное мнение ориентировать в нужном направлении – работа на года, на десятилетия. Опасность не только «сверху», но и «снизу»: нелегальный национализм – провокация. Тем – ЭТИМ – им только и нужен повод, чтобы ударить, размазать, разоружить... Не фыркать на власть высокомерно, а работать с ней. ...Своих людей проводить, проталкивать, просовывать. ...Не наполеоны нужны, а талейраны, не герои, а работяги и мастера интриги. ЭТИХ надо бить их же оружием и не страшиться ручки замарать»³. Прежде всего, обращает на себя внимание агитационный *стиль* этой политической «декларации», противоречащий её фабианскому *содержанию* – отсюда абсурдность некоторых положений. С одной стороны, призыв к борьбе за

¹ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 227.

² Там же, с. 228.

³ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 228.

русское дело, с другой – националисты-нелегалы – враги; действуя, надо «не страшиться ручки замарать», но в то же время «не засвечиваться»; борьбе за справедливое дело нужны не герои, а «мастера интриги» (политические аферисты?); бороться с властью, но «не фыркать на неё»(?). Не совсем ясно, с кем собираются бороться «партийные народники» таким способом: то ли с идеологией власти, то ли с либералами, обозначенными в тексте словом «ЭТИ». А фраза «своих людей проводить, проталкивать, просовывать», а также растянутость решения задач на «десятилетия» (!) напоминают конспирологию, чуждую благородной задаче возрождения Руси. Двоякость позиции этого круга людей наталкивает Крутова на философские рассуждения о патриотизме единомышленников Валерия Константиновича, а именно: бытие или сознание определяет позицию «мэтра»? Каковы критерии моральности его действий?¹ Гамлетовская дилемма о моральности поступка в сознании Крутова, как и у шекспировского героя, не имеет окончательного разрешения. Только в отличие от принца Датского, вопрос героем Бородина ставится в широком контексте исторической ответственности. А если идейная установка определяет бытие, то тогда коллизия между социализмом и народно-патриотическим сознанием, ядром которого должно являться православие, неразрешима. Ещё одной неприглядной особенностью патриотической интеллигенции является её чрезмерная осторожность, переоценка сил соперников, а также отсутствие братского единства и взаимовыручки, то есть соборности в её православном понимании. Отсюда и эзоповский язык публикаций в патриотическом журнале, и тревога на лице главного редактора по поводу его незавидной судьбы: «быть ему битому рано или поздно, и никто из братии единомышленников не заступится – сдадут, как бунтующие казаки атамана, и власть сдачу примет, это её правила игры...»². Необъяснимо и то, что как раз в этой среде, «властью признанных и наградами отмеченных», царил «сущий заговорческий дух»³.

¹ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 216.

² Там же, с. 229.

³ Там же, с. 230.

Отношение Бородин, который в 1960-е годы с открытым забралом вступил в бой с интернациональной властью, к подобному конформизму народников было скептическим в силу их «беспочвенности», предполагающей, прежде всего, сотрудничество с безбожной властью. В этом союзе писатель видел парадоксальный симбиоз, который в одном из своих интервью окрестил «сладкой селёдкой»¹. Поэтому и поэтика эпизодов, посвящённых «народникам», напоминает критический памфлет с элементами фарса и пародии. Но взвешенная оценка отношений Бородина с представителями легальной патриотической литературы в СССР невозможна без учёта временного фактора. Роман повествует о событиях 60-80 годов, когда литературная деятельность автора была под запретом, следовательно, его реакция на партийно-литературную апологию советского строя могла быть только негативной. Характерно то, что Бородин не называет в своём произведении *конкретных* имён, а создаёт коллективный, с оттенком иронии, (но вполне терпимый) образ группы легальных «русистов» – термин, введённый Ю. Андроповым в одной из своих докладных записок. В этом его главное отличие от Олега Волкова, тоже «русиста», близкого по своим взглядам и тяжёлой судьбе с Л. Бородиным. В книге «Погружение во тьму» Волков чрезмерно жесток в своих оценках просоветской литературной элиты: Горький – это «перетрусивший и соблазнённый кремлёвскими заправилками» демагог, Валентин Катаев – «одна из самых растленных лакейских фигур, когда-либо подвизавшихся на смрадных поприщах советской литературы»², Эренбург, Алексей Толстой, Шкловский, Шостакович и др. – корыстные и лицемерные «приспешники и глашатаи «несуществующей ленинско-сталинской правды», поэтому «безмерна тяжка вина их перед своим народом, перед обманутым мировым общественным мнением» и проч.³. Суть же этой «прокурорской» позиции писатель Волков – потомок адмирала М.П. Лазарева – объясняет ответом на своё же риторическое сомнение: «...Можно ли относить к истинно просвещённым, интеллигентным людям тех, кто захотел закрыть глаза на

¹ Бородин Л. И. Собрание сочинений в 7 т. Т. 7. М.: Издательство журнала «Москва», 2013. С. 562.

² Волков О. Погружение во тьму. М.: Молодая гвардия, 1989. С. 80.

³ Там же, с. 370.

свойства и суть новой власти», растоптавшей совесть, чистоту, бескорыстие, уважение к людям и т.д.¹ Волков рассматривает ненавистное ему явление (союз интеллигенции с кровавым режимом) с моральной точки зрения. Но помимо этого антисоветизм Волкова – представителя имперской аристократии – имеет и сословно-классовый характер, о чём свидетельствуют и его «Воспоминания», и рассказы. Бородин – человек другой эпохи и среды. Он родился уже в стране «победившего социализма» с его характерными издержками и противоречиями, поэтому «русизм» Бородина имеет более сложный характер, а отсюда – «почвенническая» позиция писателя, усложняется философскими рассуждениями, иногда граничащими с экзистенциальной метафизикой. Обоих писателей можно причислить к представителям «нелегального» крыла консервативно-патриотической прозы. Однако в случае с Бородиным разногласия между «официальным» и «нелегальным» русизмом не имели антагонистического характера. Время внесло свои коррективы, и ситуация, сложившаяся на заре постсоветского периода, расставила свои акценты.

Мотивы возрождения русского национального самосознания и исторического примирения наметились в советском искусстве (литература, живопись, кинематография) ещё в 60-ые годы. В 70-80-е этот процесс принимает идеологический характер, что вызвало негативную реакцию властей в виде постановления ЦК КПСС «О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства» (1982), в котором порицались писатели, обнаруживающие «мировоззренческую путаницу, неумение рассматривать общественные явления исторически, с четких классовых позиций»². Если в советское время эти дискуссии проходили в формах «маскировки, иносказательности, вынужденных уступок цензуре»³, то в перестроечные годы и в начале 90-х эти тенденции открыто и ярко проявились в таких журналах, как «Молодая гвардия» (А. Иванов), «Наш современник» (С. Куняев), в газетах «Литературная Россия» (Э. Сафонов), «День» и «Завтра» (ред.

¹ Там же, с. 229.

² Назаров М. «Достигнет ли цели “литературное” постановление ЦК?» <https://rusidea.org/7017> 8.04 2020.

³ Там же.

А.А. Проханов). Однако и сегодня многие считают мировоззренческий плюрализм (деление на «красных» и «белых») внутри патриотического движения его слабым местом. Так, например, О. Платонов в статье «Время несбывшихся надежд», вспоминает, что даже в редакции ортодоксального, воссозданного в лучших катковских традициях «Русского вестника» («За Веру, Царя и Отечество») не было единомыслия и А.А. Сенину приходилось бороться с «большевизмом», «национал-утопизмом» и «язычеством» многих своих коллег. Подобная ситуация сложилась и в редакции «Дня» у А. Проханова¹. К сожалению, эта конфронтация внутри патриотических сил очевидна и на исходе второго десятилетия нового века, что наглядно проявляется в позициях ТВ каналов «Красная линия» (КПРФ) и «Царьград» (православно-монархический уклон).

Тема «исторического примирения» в сознании Л. Бородина раскрывается в его беседе с Владимиром Бондаренко (2002). Бородин соглашается с тем, что понятие «русист» не является ни литературным, ни политическим термином. Оно объединяет людей разных политических, эстетических и социальных взглядов»: таких советских, как Михаил Алексеев, Юрий Бондарев, Александр Проханов с такими «несоветскими», как Игорь Шафаревич, Олег Волков. Леонид Бородин объясняет это на первый взгляд парадоксальное сочетание предельно чётко: «Есть одно, что нас объединяет независимо от политических пристрастий – любовь к России», и далее он объясняет сакральную природу этой любви, которая «немотивированная», «иррациональная», «естественно органичная, как любовь сына к матери». «Это состояние души, – говорит писатель, – и роднит многих из нас. Мы можем принципиально не общаться по разным политическим позициям, но, безусловно, человек, любящий Россию, для меня в любом случае близок, особенно если рядом есть люди, а их немало, не любящие Россию, презирающие её, считающие её историческим недоноском»².

Как бы ни относились упомянутые нами писатели к различным политическим тенденциям их всех роднит ещё одно немаловажное

¹ Платонов О. Время несбывшихся надежд. / Русский вестник. 2020. № 14 (1058). С. 14.

² Бородин Л. И. Собрание сочинений в 7 т. Т. 7. М.: Издательство журнала «Москва», 2013. С. 566-567.

обстоятельство, а именно: они никогда не были «литдеятелями» в том смысле, который вкладывает в это понятие критик В. Кожин, то есть не жили по закону идеологической конъюнктуры: «времена меняются, и мы меняемся вместе с ними»¹. А если и было некоторое смещение акцентов, то это было результатом «внутренней эволюции литератора, которая определяется напряжённой работой мысли»². Большинство представителей партии «русистов», ценителей «транснациональной» глубинки были сторонниками постепенных преобразований в сторону обретения корней³. Олег считает, что изменение «идеологического» климата в органах, и смена объекта сыска «советский – антисоветский» на «русский – антирусский» есть залог эволюционного перехода к национальному государству⁴. Для Валерия Константиновича всякая нелегальщина провокационна, а главной целью является «мягкая национальная революция во главе с патриотической интеллигенцией»⁵. Наиболее пассионарной фигурой среди русистов был некий Пётр Данилович – идеолог движения, ярый защитник «светловолосой Руси Есенина и Рубцова»⁶. В романе он отмечается тем, что говорит тревожные вещи о «пятой колонне», готовящей очередную «переплавку и перековку быдла» во имя прогресса⁷, предвидит «новый раскол, покрепче никонского и конец существования русского государства»⁸. Духовный путь этого человека поражает изгибами и крутыми поворотами: когда-то был младомарксистом, потом упёртым славянофилом, сейчас идеал – Александр Третий, а любовь – Николай Второй⁹. Алармизм Петра Даниловича находит отклик в сознании его слушателей, готовых со знаменем в руках встать на пути врагов России, проводящих геноцид русского народа¹⁰. Опасение за судьбу родины выражает жена Олега Ольга: «Всё возможно: и самое прекрасное и самое

¹ Кожин. В.В. Мы меняемся // Наш Современник. 1987. №10. С.160.

² Там же, с. 160.

³ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 235.

⁴ Там же, с. 240.

⁵ Там же, с. 268-269.

⁶ Там же, с. 284.

⁷ Там же, с. 285.

⁸ Там же, с. 286.

⁹ Там же, с. 290.

¹⁰ Там же, с.287.

безобразное...»¹. Примечательна реакция на эти эсхатологические страшилки Маши Батеевой – человека с советским менталитетом без узконациональных предпочтений: «Остальные же тоже русские. Если бы я была татарка, ты бы меня сюда не привёл?»².

Завершается «русская тема» в сознании Крутова уже в постсоветское время, накануне осенних событий 1993 года, тремя яркими метафорическими каскадами. В *первом* случае герой сравнивает своё диссидентское прошлое с ракетой, отталкивающейся в космосе от своей собственной выхлопной струи: «...Перемещались они в интеллектуально-политическом пространстве столицы, в некотором смысле тоже как бы отталкиваясь исключительно от собственного интереса, и при этом ещё и словно паразитируя на стихийно формирующихся идеологических завихрениях, души своей при этом практически не расходуя»³. На *второе* размышление о сути происходящего Крутова наталкивают две книги, принесённые ему в палату врачом. Немаловажная деталь и в том, что внимание героя привлекает «русофильская» позиция Главного Начальника Верховной Распорядительной Комиссии М.Т. Лорис-Меликова: «...Для России немислима никакая организация народного представительства в формах, заимствованных с Запада, формы эти не только чужды русскому народу, но могли бы поколебать все основные его политические воззрения внести в них полную смуту, следствие коей трудно и предвидеть...»⁴. «Боже мой! Да разве не о ту же самую стену бились головами они, выродки советской интеллигенции, десять, двадцать лет назад, а теперь вот и малейшего следа не обнаружишь на той саморазвалившейся стене. Всё стократно предсказано и даже прописано до мелочей, но вот торчит в ящике телевизора рыжая петушиная голова и вещает о неизбежности и необходимости освоения западного социального опыта, причём ускоренным темпом, и всё исполняется по его вещанию под аккомпанемент рокота

¹ Там же, с. 290.

² Там же, с. 292.

³ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 346.

⁴ Там же, с. 351.

крушений»¹. Горький смысл этих двух эпизодов заключается в том, что «скорбный труд и дум высокое стремленье» патриотического диссидентства оказались тщетными в ситуации, когда коммунистическая система рухнула и на её развалинах либеральная пропаганда оказалась действенной исторического опыта страны и философских доводов традиционалистов.

Для выражения образа «фатальности исторической поступи» Бородин использует различные поэтики. Первый вариант – более художественно-элегический. Смысл главной метафоры – поверхностно-интуитивное (безопорное) движение политической мысли, отсюда и минорная тональность слова: грусть, сожаление, мрачная ирония. Во втором случае стиль более публицистичен. Рассуждение начинается с цитаты из «Всеподданнейшего доклада гр. В.Т. Лорис-Меликова 28 января 1881 г.»². В сознании Крутова эта чёткая доктрина самобытности русского пути усиливается образом «стены» как семантически ёмкого символа, включающего в себя понятия «роковой непреодолимости», «безысходности», «непонимания» (ср. концепты «стены» у Ф. Достоевского, Л. Андреева, А. Серафимовича, Ж.-П. Сартра, В. Быкова и др.). Здесь много негативной эмоциональности: из шести предложений два – восклицательных, два вопросительных. А почти в каждом слове повествовательных фраз чувствуется возмущение. Здесь сомнение переходит в недоумение, а грусть – в боль.

Третья часть рассуждений наиболее драматична. Это внутренний монолог на грани нервного срыва или умопомрачения. Его пафос – это отчаяние и самобичевание, образы резки, мысли и чувства, сталкиваясь в неразрешимых дилеммах, противоречат друг другу и не приближают к истине, а затуманивают её, порождая в сознании героя когнитивный диссонанс и гротескные парадоксы типа «Русская мысль заплесневела настолько, что, как инфлюэнцей заразилась самопагубством»³, а если так, то патриотам надо поклоняться не славянофилам и Достоевскому, а тем новым «пророкам и практикам», которые перечеркнут «всю

¹ Там же, с. 351.

² Всеподданнейший доклад // [Электронный ресурс]. URL: <https://lawbook.online/gosudarstva-prava/vseroddanneyshiy-doklad-loris-melikova-39704.html> (Дата обращения: 09.03.2020).

³ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 352.

русскую историю – крест-накрест»¹, но тогда – вопрос: «...Если нынче истина в том, чтобы Россия перестала быть Россией, то кому присягнуть – истине или России?»². Отсюда неутешительный вывод: «Должен народиться новый тип романтика, для которого вообще нет понятия истины в её метафизическом смысле и каковой будет вооружён умной, но необъективной любовью к тому историческому пространству, что именовалось Россией»³. Корень этих душевных метаний героя понятен ему. Прежде всего, это неразрешимое противоречие между рационализмом его ментальной природы и открытостью души к явлениям чудесным. Рассудочность замыкает его в скорлупе эгоцентризма, духовное начало влечёт к сферам высшего порядка. Поэтому один из главных метафизических символов романа – чудо «предутреннего сияния храмового купола» – привязывается им к проблемам его жалких болячек и воспринимается, как «голографический эффект», а не «знамение равновеликое по цели Тому, от Кого оно... ниспослано»⁴.

Символично и тихое, как бы естественное исчезновение этой группы патриотичных людей. Новая, хаотично-абсурдная жизнь буржуазной Москвы не приняла их, и за ненадобностью, словно актёры-духи в финале шекспировской «Бури», «свершив свой труд, растаяли они». Исчезли и декорации их жизни. Снесли бревенчатый дом, где когда-то «кучковались милые русофилы». Главный идеолог «их доброй компании», Пётр Данилыч, отсидев по сто девяностой, отправлен на поселенье, где став священником, «окормляет немногочисленных старушек из вымирающих деревень». Художник Костя трагически погиб, а его подруга, променяла фольклор на эстраду⁵. После смерти Валерия Константиновича жизнь в его семье тоже «скособочилась»: дачи и машину «Волга» продали, а деньги на разных книжках превратились в бумажки⁶. Однако реальное положение дел с русской патриотической «партией» в начале 1990-х

¹ Там же, с. 352.

² Там же, с. 352.

³ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 352.

⁴ Там же, с. 352.

⁵ Там же, с. 333.

⁶ Там же, с. 349.

было гораздо сложнее, чем это художественно показано в романе. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на статью С. Семанова «Русская партия в чужом зеркале» (2003), в которой автор полемизирует с некоторыми оценками русского патриотического движения в монографии Н. Митрохина «Русская партия. Движение русских националистов в СССР 1953-1985» (2003)¹. Прежде всего, вопрос касается идеологической природы русского национализма, одной из особенностей которого автор книги считает «антикоммунизм». Семанов разделяет это понятие на «теоретическую» и «практическую» части. Что касается теории марксизма-ленинизма в форме пресловутого «научного коммунизма», то здесь можно было отнести к «антикоммунистам» практически всё население СССР, включая и русскую оппозицию. Причина лежала в возрастании «национально-православного самосознания русского народа и одновременном выветривании космополитической марксистской догмы, начавшимся уже при Сталине»². «Совсем другое дело, – продолжает Семанов, – отношение к социалистическим ценностям и особенно к советской государственности. Тут преобладающее большинство Русской партии безусловно стояли «за», там защищали Советскую власть от прозападных сотрудников ЦК КПСС и вплоть до русских «диссидентов» вполне твердо и сознательно»³. Об этой тенденции пишет и Г.П. Фёдоров, видя в этом постепенное возвращение к национальным корням. Представителями этого крыла патриотизма в романе являются Валерий Константинович и его соратники. Л. Бородин же относился к той группе «русистов» (О. Волков, И. Глазунов, И. Шафаревич, В. Солоухин), где в духе Достоевского, космополитический марксизм не отрывали от социалистического уклада, отсюда и категорическое неприятие союза «народности с партийностью».

В романе «Трики» показано затухание этой тенденции. Научно-объективная характеристика политических процессов конца 80-х, начала 90-х годов, по всей видимости, ещё ждёт своих исследователей. Н. Митрохин, демонстрируя

¹ Митрохин Н. А. Русская партия. Движение русских националистов в СССР 1953-1985. М.: НЛО, 2003.

² Паршин П. Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики // Scripta linguistica applicatae. Проблемы прикладной лингвистики / Ин-т языкознания РАН. – М.: Азбуковник, 2001.

³ Там же.

огромный фактический материал и виртуозную научно-гуманитарную технику, избегает однозначных выводов, тем самым открывая путь различным, зачастую диаметрально противоположным толкованиям. В либеральной оценке «русская партия» – это «выползшая на политическую арену» деструктивная сила, удел которой «сгинуть в полной маргинальности»¹, что подтверждается, по мнению критика, поражением патриотов в борьбе за умы граждан и в первую очередь за молодёжь². С. Семанов причины крушения «русской партии» видит в её чрезмерном правоконсервативном доверии к власти, что напоминает ему февраль 1917 года, когда русские правые уповали на государя и государственный аппарат, поскольку не могли действовать без них. Закончилось это для них полным крахом. Похожее случилось в 1991 г., когда позиции русских патриотов и в медийной сфере, и в силовых органах, «кипевших от негодования и ждавших действия», были ещё сильны, но «предательство властной верхушки во главе с Горбачевым и убожество пресловутого ГКЧП решило исход дела легко и просто, словно на опереточной сцене»³.

Л. Бородин не занимается политологией и не даёт социологических прогнозов, но как писатель, не может оставаться равнодушным к тому, что происходит вокруг. Его оружие – это художественный образ, который гораздо действенней указов, манифестов и газетных передовиц. Писатель убедительно и с болью в душе показывает нам, как на смену политическим романтикам, ушедшим в небытие, пришли «герои нового времени». Если в романе А. Проханова тема постсоветской России зачастую раскрывается в био-гротескных карикатурах, то Бородин создаёт образ «новой России» в критической манере социальной аналитики, что было характерно для патриотической публицистики 1990-х (К. Мяло, Ю. Лошиц, Б. Миронов, Э. Сафонов, А. Иванов, К. Раш и многие другие). Отношение писателя к новому «гегемону» резко

¹ Смирнов Д. Комментарий к книге Н. Митрохина Русская партия. Движение русских националистов в СССР 1953-1985 гг. // [Электронный ресурс]. URL: <https://ssmirnoff.livejournal.com/725447.html> 22082020 (Дата обращения: 30.09.2019).

² Там же.

³ Семанов, С. Русская партия в чужом зеркале / Газета День Литературы # 82 (2003 6) [Электронный ресурс]. URL: <https://public.wikireading.ru/166311> 21.07.2020 (Дата обращения: 22.05.2019).

негативное и не требует особых уточнений. Это – сброд, состоящий из недалёких поборников режима (Юрий Максимович Булатов), приспособленцев (Андрюха Морозов), беспринципных «банковиков» (Аркадий Георгиевич) «братков» (Хруст), вчерашних эков-руссофобов (Саранцев) и т.д. Для Бородин происходящее в стране не только «развал механизма по узлам его сборки»¹, но и когнитивная трагедия, то есть утрата взаимопонимания между людьми на лингво-понятийном уровне. С одной стороны, это засорение русского языка иностранными словами, что особенно ненавистно Бородину, мастеру классического русского слога². С другой стороны, приметой постсоветской эпохи стало *искажение смыслов*, то есть полный понятийный диссонанс между традицией и ценностями квазимодерна. Сложившаяся в стране экономическая вольница выработала свой терминологический словарь, в котором обычные для здравого смысла понятия толкуются в настолько искажённом виде, что обращаются в свою противоположность, напоминая своим уродством оруэлловский «новояз». Это наглядно проявляется в разговоре Крутова с «банковским работником», который проходит в режиме «полного разноязычия»³. В этом небольшом эпизоде проявляется важнейшая черта российского молодого неолиберального дискурса: отрицание национального и одностороннее, поверхностное, вульгарно-чувственное восприятие мирового социально-экономического и культурного опыта.

Таким образом, ни крах коммунистической идеологии, ни мир новых хозяев жизни, строящийся на развалинах красной империи, не радуют героя. Клубок социальных, экономических, духовных противоречий в стране до предела осложняет проблему политического выбора человека в ситуации, когда нельзя оставаться в стороне. Трагической развязке «конституционного кризиса 1993 года» посвящена последняя, 17-я глава, романа.

¹ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 307.

² Там же, с. 339.

³ Там же, с. 343.

4.3. «Чёрный октябрь» 1993 года и его идейно-художественный образ

Финальная часть романа имеет линейную композицию и охватывает несколько дней, предшествующих трагической развязке кризиса. Для Бородина в отличие от Шаргунова и Проханова это не только кульминация конфликта «президент – парламент», но и закономерный исход исторического пути, изгибы и издержки которого стали предметом философского размышления практически во всех, независимо от жанра, его крупных произведениях. В понимании Бородина, воспринимающего любое событие по принципу «сегодняшний день – следствие дня вчерашнего»¹, аберрация исторического пути России началась в 1917 г., а 1993 год во многом стал её закономерным следствием. Роднит эти даты и то, что победителями в обоих случаях, в понимании Бородина, оказались большевики: в 1917 как политическая партия, в 93-ем – как психологический тип. Об этом он говорит в беседе с корреспондентом газеты «Подмосковье» А. Егоровым (1992): «Большевизм – это способ мышления. Любой антисоветчик может быть большевиком по психологии, за примерами далеко ходить не надо. Большевизм в политике – это то, что сейчас называют непопулярными мерами, доведёнными до результата (особенно если с помощью насилия, а так чаще всего и бывает)»².

Центром художественного мира главы является штурм Верховного Совета. В романе он становится не только фоном, но и фактором развития «семейно-бытовой» линии, поскольку именно *политика* мотивировала поступки героев, оказавшихся в критический момент в эпицентре действия. Структура политического дискурса главы представляет собой цепочку событийно-смысловых эпизодов: а) метафорический образ ситуации как «скопление людской злобы»; б) митинговая стихия возле Белого дома и разговоры с бородачом-монархистом и омовцем; в) болезнь Крутова и видение в бреду; г) выздоровление и «два дня полнейшего личного счастья на фоне сгущающихся

¹ Бородин Л. И. Собрание сочинений в 7 т. Т. 7. М.: Издательство журнала «Москва», 2013. С. 530.

² Там же, с. 477.

туч над страной»¹, а также семейные разговоры о ситуации в стране и настроениях людей; д) возвращение Крутова к Белому дому во время его обстрела, неожиданные встречи с Климовым, Хрустом и Крапивиним; е) освобождение Крапивина и разговоры за столом на квартире у Климова, ж) философский пассаж об истощении добра, «клеточно растущей злобе» и сложном нравственном выборе дальнейшего пути. Эта семичастная структура темы «чёрного октября» раскрывается на трёх уровнях: хроникальном, мировоззренческом и метафизическом. При этом автор задействует хорошо освоенные им в предыдущих произведениях элементы романтизма: случайные встречи, неожиданные повороты судьбы, острые перипетии, погони, стычки, мистика, символы. Немаловажную роль играют также всевозможные парадоксы: невероятное возрождение единства трёх товарищей в ситуации полного социального раздрая, обретение семейного мира на фоне начинающейся гражданской войны («коварное совпадение обстоятельств»², соединение несовместимых политических лозунгов и символов, а также исторические и символические параллели и пр.).

За шесть лет до появления романа «Трики» Бородин, осмысливая происходившее в октябре 1993, восстанавливает ход событий - раскалённую смесь из лозунгов, новостных рубрик, криков толпы, приказов, плакатов, публичных заявлений³. Этот текст, напоминающий набросок сценария документального фильма, мог бы украсить роман «Трики», привнеся в него живой ритм времени, как это мы видим, например, в поэме А. Блока «Двенадцать». Но хроникальная ипостась фабулы не так интересна писателю-философу, поэтому художественное воплощение политической реальности несколько видоизменяет события, стараясь показать то, что не попало в объектив камеры, но не ускользнуло от взгляда художника слова. Во-первых, он стилистически сокращает первоначальный «видеоряд», освобождая его от конкретных имён, эмоций,

¹ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 364.

² Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 364.

³ Бородин Л. И. Собрание сочинений в 7 т. Т. 7. М.: Издательство журнала «Москва», 2013. С. 270-271.

импликативных смыслов, но при этом увеличивает временной охват эпизода, доводя его до нескольких дней, что даёт ему возможность показать ситуацию в развитии. Для этого, оставаясь созерцателем, старающимся понять суть происходящего, Бородин показывает событие с четырёх ракурсов. Наиболее объёмное, занимающее несколько страниц, визуальное восприятие сцены у Белого дома, как свидетельство очевидца, который «должен видеть, чтобы понять»¹. Автор абстрагируется от конкретного, перенося центр тяжести в иную плоскость, сферу, где драматизм происходящего проистекает из невероятных сочетаний, парадоксальных союзов и столкновений, противоречивых чувств и несовместимых концепций. Митинговая стихия анонимна, потому как её главная действующая сила – это обезличивающая всех и вся СМУТА. Мы слышим голоса выступающих, но не видим их лиц, не знаем их имён, хотя о некоторых из них можно строить догадки. Сначала перед нами «какая-то женщина», призывающая умереть за «по-настоящему демократическую Россию», «другая женщина» – те же самые слова, но за Советский Союз². Затем выступает «главный коммунист», не говорящий ни слова о коммунизме, но ратующий за «единство, справедливость и патриотизм»³. Потом микрофон берёт «не то калмык, не то мордвин» и исступлённо призывает к вооружённой борьбе⁴. Одновременно на другом краю приятной наружности мужчина с «меньшевистской бородкой», по сравнению с «неистовым», настроен миролюбиво: он за объединение всех сил для защиты конституции⁵. На радикально-красном фланге «другой депутат» призывает «разорвать в клочья «власовскую трёхполоску» и вытереть ноги о лоскутья. Его голос заглушает громовое «Вся власть Советам!»⁶. Политически Бородин не солидаризируется ни с одной из сторон, и *всё* происходящее «готов был записать в фарс»⁷, если бы «почти совсем в стороне от толпы, человек двадцать-тридцать

¹ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 364.

² Там же, с. 356.

³ Там же, с. 357.

⁴ Там же, с. 357-358

⁵ Там же, с. 358.

⁶ Там же, с. 358.

⁷ Там же, с. 358.

полукругом, с иконами и портретами Николая Второго в руках негромко, но слаженно поют символ веры»¹. Эта группа отличается от всех вокруг: их лица, освещённые свечами, «воистину прекрасны»². Это люди, близкие Крутову по духу. Второй ракурс – это безразличное отношение к событиям жены героя Маши. Это своеобразный голосовой вариант, дублирующий новостную строку телепередач: «Митингуют! Грозят друг другу. Свет у них отключили и ещё что-то...»³. Возможно, безразличие Маши в этом эпизоде наигранное. Целью этой благородной женщины, немало вынесшей на своём веку, жены политзэка, долгие годы матери-одиночки – становится желание погасить интерес мужа к происходящему, оградить его от политики, сохранить с таким трудом обретаемое семейное счастье. Не случайно в её монологе «политический дискурс» чередуется с семейными проблемами, главным образом, – тревогой о здоровье мужа и детей. Однако от этого он не теряет своей остроты. Рассказывая о ситуации в школе, где директору и завучу, поддерживающих президента, противостоит весь коллектив, она произносит главное слово, характеризующее положение не только в школе, но и в стране: «раскол»⁴. С одной стороны, её настораживает «коммунистический реванш», о котором говорит директор, с другой – она видит, как теми, кто называет себя демократами, извращается культура и история: «Мне такие методические пособия прислали... От русской литературы какие-то ошмётки...»⁵. Третий ракурс – это внутреннее зрение, которое на основе доступной информации создаёт довольно противоречивую картину реальности. Начинается этот эпизод в стиле потока сознания: «Коммунисты произносят патриотические лозунги, патриоты – коммунистические... Церковь в стороне... Школьники побежали «смотреть войну»...»⁶. Постепенно визуальная картина переходит в драматичный внутренний монолог («думу-пытку») об исторической миссии России, её исторических соблазнах, о безмолвствовании, о возможной гражданской войне,

¹ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 359.

² Там же, с. 359.

³ Там же, с. 362.

⁴ Там же, с. 365.

⁵ Там же, с. 365.

⁶ Там же, с. 365.

самоистреблении народа и конце русской истории¹. Завершается эпизод размышлением о беспечном, противоестественном безмолвии людей, что поражает Крутова сильней картины горящего дома: «На набережной – и под мостом особенно – не протолкнуться. Гомон – ни слова не понять. Но настроение понятно: зрелище в самом разгаре. Взлети сейчас весь этот так называемый «Белый дом» на воздух, мост развалился бы по пролётам от восторга»².

В беседе с корреспондентом «Правды» Олегом Матягиным (1994) Л. Бородин говорит, что в братоубийственной войне он не мог стать ни на ту, ни на другую сторону, но был в эпицентре событий и не мог не помогать раненым³. Смысл случившегося в октябре 1993 года писатель излагает в статье «Советский интеллигент в интерьере мятежа», вышедшей по горячим следам кровавых событий. Политически писатель соблюдает нейтралитет, но морально он на стороне тех, кто пришёл сюда по зову сердца отстаивать идеалы, воспитанные десятилетиями коммунистической пропаганды, борьбе с которой он посвятил жизнь. Основной причиной восстания Бородин считает неумение вчерашних теоретиков марксизма сочинить «философию народного капитализма»⁴.

Главное отличие «Триков» от романов С. Шаргунова и А. Проханова заключается в том, что Л. Бородин воспринимает события 1993 как кардинальный исторический поворот в судьбе России с непредсказуемыми последствиями. Отсюда главное действие происходит не столько на улицах Москвы и перед Домом Советов, а в сознании героя, обуславливает композицию и поэтику заключительной главы с её символическим финалом в виде «городского пейзажа» с заревом пожара, отблесками «бесформенных звёзд», сливающихся с «щедро обеспеченной энергомощностями рекламой товара, без которого теперь уже никак не прожить ни одному российскому обывателю»⁵.

¹ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 366.

² Там же, с. 369.

³ Бородин Л. И. Собрание сочинений в 7 т. Т. 7. М.: Издательство журнала «Москва», 2013. С. 523.

⁴ Там же, с. 273.

⁵ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 381.

Роман Л.И. Бородина «Трики, или Хроника злобы дней» является философско-политическим произведением о высшем смысле российского национального бытия. Основой духовности романа является православное *добротолубие* как оружие против смуты и в душе отдельного человека, и всего общества. Книгу Л. Бородина можно рассматривать как «роман-размышление», который не только в образной форме передаёт живые исторические картины, созданные рукой художника-очевидца, «посетившего сей мир в его минуты роковые», но и побуждает к размышлению об истоках раскола и смуты в стране на крутых исторических поворотах. Политический дискурс произведения имеет сложный многослойный характер, раскрывающийся на трёх уровнях: хроникальном, мировоззренческом и метафизическом. При этом автор задействует хорошо освоенные им в предыдущих произведениях элементы романтизма, игру парадоксами. Финал романа, несмотря на то, что касается политического кризиса 1993 года, не несёт в себе политического смысла *борьбы за власть* между правительственной и парламентской стороной. Развязка «чёрного октября» – это момент истины, высвечивающий ценности высшего порядка. Зная православную позицию писателя, духовную ауру его творчества, можно утверждать, что «смута» должна со временем уйти из душ людей, став очередным испытанием в том смысле, который вкладывал в него владыка Иоанн: «Смута есть искушение, посылаемое соборной душе народа как дар, как мученический венец, дабы предоставить ему возможность явить силу своей веры, верность родным святыням и крепость духа перед лицом соблазнов и искушений¹. Таким образом, политический дискурс в романе Л. Бородина является не самоцелью произведения, а средством постижения провиденциальных смыслов русской истории, неотъемлемой частью религиозно-философской парадигмы национального сознания.

Заключение

Понятие художественно-политический «дискурс» понимается нами в широком смысле как «текст, взятый в событийном аспекте; как речь

¹ Митрополит Иоанн (Снычев И.) Самодержавие духа. СПб.: «Царское дело», 1995. , 182.

целенаправленного социального действия», а именно: как средство воздействия на интеллектуальную, волевою и эмоциональную сферу читателя посредством образной системы произведения. Под политическим дискурсом комплексного типа мы понимаем художественный текст с учетом экстралингвистических факторов, связанных с его созданием, передачей, воспроизведением и восприятием. Такими факторами являются: а) политическая ситуация и политические события, б) идеологические императивы; в) позиция автора и его оценка происходящего; г) реакция читателей. Политическая тематика может сочетаться с любым из художественных жанров, модифицируя его в рамках, определённых авторским замыслом, характером главного конфликта и социально-политическим контекстом.

Главная особенность русского консерватизма заключалась в противоречии между принципом гармоничного развития с опорой на старину и категорическим неприятием инноваций, то есть тем «дурным консерватизмом», который задерживал творческое движение. Эта двойственность нашла свое отражение в русской литературной классике. В историческом континууме модель русского консерватизма имеет «социал-патриотический» характер и четырёхступенчатую структуру: национальный интерес, властный порядок, национализм и преемственность. Религиозный же фактор связывается с нравственной культурой и самосознанием личности. Исходным тезисом программы современного российского традиционализма является возвращение страны на путь её естественного, самобытного развития с учётом как до-, так и послереволюционного положительного опыта. Видные российские литераторы, стоящие на патриотических позициях (В. Белов, В. Бондаренко, В. Ганичев, В. Крупин, С. Куняев, В. Личутин, А. Проханов, В. Распутин, Л. Бородин и др.), считают главными жизнеобразующими силами нашей страны такие православные ценности, как неразрывность веры и жизни, соборность, добротолубие, жертвенность и нестяжательство.

Полное название романа С. Шаргунова, «1993. Семейный портрет на фоне горящего дома», предполагает синтетический жанр, объединяющий два начала:

семейное и политическое. Для романа характерна довольно сложная поэтика: ощутимы отголоски советского «производственного реализма», черты классической семейной хроники, натуралистические зарисовки московского «технического» подземелья, элементы молодёжной субкультуры, митинговая стихия городских улиц и умиротворяющая тишина подмосковных пейзажей.

Политический пласт романа является точкой пересечения всех элементов его художественного мира, чем и определяется его доминантная роль. Политическая реальность в романе С. Шаргунова «1993» имеет хроникально-исторический характер, реализующийся в рамках нормативно-ценностной методологии. Особое внимание автор уделяет стратегиям и тактикам политической борьбы, отсюда присутствие в поэтике текста публицистической документальности, что наряду с объективно-реалистической манерой повествования позволяет определить жанр произведения как *«роман-свидетельство»*. С. Шаргунов использует последовательно-мозаичную пространственно-временную модель с многочисленными ретроспекциями и реминисценциями. Кинематографический приём параллельного показа позволяет автору создать эффект «парадоксальной связи» одновременных событий, контрастирующих по своей ценностной сущности. Используемая автором рамочная композиция выполняет не сюжетобразующую, а идейно-символическую функцию, что метафорически придаёт революционному процессу в России алгоритм цикличности.

Политический дискурс в романе органично сочетается с традиционалистской фактурой его художественного мира. Это проявляется: в диахроническом раскрытии семейно-бытовой темы и ностальгии по семейному ладу, почвеннических настроениях и особому отношению к родной природе, религиозном подтексте нравственно-этических коллизий и приоритете добротолубия в отношениях между людьми, а также в фольклорном дискурсе, сочетающим сентенции народной мудрости с метафизическими смыслами видений, мрачных интуиций и профетических символов. С развитием сюжета мотивы «бесконечности», «чуда» и «бессмертия» в «материалистическом»

сознании главного героя постепенно обретают нравственно-этическое значение с намёком на закономерности высшего порядка.

Политическая тема представлена в двух идеологических *топиках*: неолиберальном и консервативном. Эти дискурсы, не имеющие в романе Шаргунова определённого «партийно-программного» обеспечения, в борьбе за власть опираются на многоплановую конфликтологическую парадигму. По характеру актуализации их можно условно разделить на *массовое настроение* и *массовое поведение*. По содержанию и целям – на *апологетические*, *нонконформистские* и *индифферентные*. Поэтика «смotra политических сил» накануне трагической развязки представляет собой смесь из дантовских реминисценций, элементов народного балагана и революционного пафоса. В институционально-публицистическом элементе политической реальности (призывы, обращения, указы, ультиматумы, митинговые речи) особое внимание автором уделяется трём аспектам: содержанию текста, стилю и образу выступающего. Главный эффект сопоставления – смысловая, эмоциональная и стилистическая контрастность. Лидеры противоборствующих сил представлены читателю без особого пиетета. Выступления же народных трибунов примечательны своей мобилизующей силой и выгодно отличаются от «официальных обращений» пафосом, артистичностью, образностью сравнений, символами, структурой и ритмом. Но главная их притягательность заключается не в риторике текстов, а в несовместимых идеологиях, определяющих накал борьбы и драматизм ситуации.

Характерной чертами политического дискурса в романе С. Шаргунова являются его своеобразный автобиографизм, отражающий личный опыт, гражданскую позицию и политическую деятельность писателя.

По своему жанровому статусу книга А. Проханова «Красно-коричневый» представляет собой политический роман в его интегральном варианте, включающим элементы боевика, детектива, готики, любовной интриги и т.д. Автор использует также неоромантические мотивы с их остротой сюжетных положений, природной экзотикой, разделением на героев и злодеев, прибегает к

художественному «кодированию» персонажей, скрывая их под масками социальных либо профессиональных ампула. Своей информативной насыщенностью и многокрасочной поэтикой книга А. Проханова в полной мере соответствует лучшим мировым образцам подобной литературы – прозе У. Эко, Д. Брауна, С. Кинга, А. Переса-Реверте и др.

Отличительной чертой творчества писателя является патриотический пафос его произведений, суть которого заключается в возрождении имперского сознания на принципах соборности, духовном оздоровлении нации с опорой на сакральный характер русского бытия.

Роман Проханова представляет собой образец художественно-политической аналитики монологического типа с ярко выраженным идеологическим началом, и в этом смысле, вполне соответствует определению «роман-памфлет». Политические реалии художественного пространства произведения включают в себя различные политические модели, стратегии, приёмы, замысловатые комбинации, психологические портреты государственных и народных деятелей. Автор использует линейный, хронологически последовательный ход сюжета. Насыщенный политический элемент романа можно разделить на два основных образно-тематических пласта: а) политические группы, их проекты и стратегии; б) метафизический аспект, имеющий контрастную чёрно-белую фактуру в виде оппозиции *священного* и *профанного*.

В художественном сознании автора теневая сторона романа «Красно-коричневый» представлена группой реформаторов, поражающих своим гротескным обликом, построенном на зооморфизмах и сочетаниях уродств «биологического низа». Оппозиционные же, близкие сердцу автора, силы представляют собой эклектическую картину, состоящую из различных патриотических течений. Левые силы состоят из двух групп: партийно-номенклатурной («Генсек») и народно-революционной («Трибун»). В описании первых превалирует стиль «ретро», схематичность, сухость, партийная замкнутость, грустная аллегорика. Вторые являют собой реинкарнацию большевизма начала XX века. Здесь, наоборот, всё живо, пафосно в духе

классовой борьбы. Но «живость» эта театральна, эфемерна, а пламенные речи Трибуна звучат, словно эхо далёкого прошлого. Характерна и символическая «индексация» персонажей с опорой на характерный признак (лоб, кулак и т.д.). Монархисты воспринимаются как бутафорское шоу с политически безопасной риторикой. Сторонники русского единства изображаются в фольклорно-романтическом ореоле. Объединённые «почвой» и не совсем понятной «верой» эти люди готовы отдать жизни за «Русскую Эру». Деятельность Фронта Национального Спасения (ФНС) при всей серьёзности обстановки и респектабельности персонажей воспринимается автором в литературно-маскарадных тонах. Примером авантюрной политики является план человека, которого автор условно называет «Хозяином». По всем признакам это классическая фигура «теории заговора» с набором патриотических симулякров. Реальной, державной политикой, которой герой романа готов отдать все силы, был «Новый курс» («Вельможа») с идеологией «Русской цивилизации», сочетающей государственность, православную веру, технический прогресс.

Роман А. Проханова представляет собой панорамную картину сопротивления, соединяющую социологию с метафизикой. Однако это не «двоемирие» магического реализма. Здесь действуют иные законы, и его художественное пространство имеет «метафорический» характер. К метафизической сфере романа относятся *религиозные* мотивы и *мифопоэтика*, включающая в себя композиционно-структурные модели легенды и сказки. Религиозный аспект политического дискурса представляет собой комплекс образов и мотиваций синкретического характера, где переплетаются пантеистические и христианские мотивы, присутствуют признаки деизма. Религиозная тема развивается в плоскости антиномической коллизии ценностей христианской этики: добротолубия и воинствующего Православия. Завершением православной вертикали романа является образ «Божественной евангельской мечты» («России Небесной»). Этот поэтический образ не поддаётся логическому истолкованию, нет намёка и на пути достижения этого идеала, кроме искупительной жертвы. Именно таковой воспринимается мученическая смерть

героя в финале романа. Если рассматривать произведение в мифопоэтическом плане, то его образно-структурным началом в плане целеполагания является «миф о Граале», сюжетообразующим стержнем – жанр «хождений», интрига же развивается по схеме «волшебной сказки». Символика Грааля в рыцарской культуре средневековья соединяла осколки полузабытой мифологии с христианской сакраментальной мистикой. Условный «Грааль» (секретная информация) играет в романе двойную роль: это и залог возрождения России, и «кощеева игла», на которой «зидется жизнь Властелина». Образ Грааля обуславливает и структуру романа Проханова, и его пафос, характерный для средневековой поэзии о Персевале, где жизнь витязя представлена как исполнение мистического предназначения. Подобное происходит и в «Красно-коричневом», где простое желание героя помочь оппозиции постепенно превращается в духовный подвиг высшего порядка. Однако в развязке этой «легендарной» истории наряду с трагизмом присутствует и саркастическое начало: вождь «грааль» оказывается ложным. Однако фарсовая развязка детективной интриги не означает, что таинственная реликвия – это иллюзорная субстанция. Смысл прохановского Грааля состоит в том, что подлинная святость непоругаема грязными помыслами авантюристов, следовательно, политическая тема романа остаётся открытой, поскольку побеждает в этой сложной игре «не обнаруживший себя кто-то другой», следовательно, остаётся надежда на продолжение борьбы. В этом заключается смысл исторического оптимизма Александра Проханова.

В романе также просматриваются выполняющие функцию своеобразного палимпсеста структурно-смысловые составляющие жанра «хождений», а именно: мотивация цели «путешествия»; новизна увиденного (герой поражён изуродованным обликом Москвы); детальность, объективность изображаемого; функция повествователя (дипломатическая, паломническая); использование пространственно-временных композиционных принципов. Это последнее обстоятельство придаёт «хождению» черты травелога, в частности, «романа дороги», в котором вымысел сочетается с конкретикой, акцент делается на

интриге, а сам путь приобретает символическое значение. В мировоззренческой сфере текста просматривается характерная для травелога архетипическая оппозиция «своё-чужое» и вытекающая из неё политическая проблематика. Неотъемлемым элементом травелога является личная история героя-рассказчика. В романе «Красно-коричневый» эти аспекты травелога объединены. «Хождение» главного героя романа является путешествием в поисках истины, где каждая встреча – есть шаг к пониманию сущности российской державности и особой миссии русского народа

Одним из важнейших мифопоэтических элементов романа «Красно-коричневый» является алгоритм его действия, схожего с одноходовой волшебной сказкой. Парадоксальность развязки романа в том, что формальный победитель (антагонист), по сути, тоже терпит поражение, поскольку предмет поиска оказывается мнимым. Подобная трансформация финальной части схемы придаёт сюжету абсурдно-трагический колорит «мрачных сказок», что вполне соответствует минорной тональности всего произведения. Помимо этого, мы видим, что сюжетный ход сказки может плодотворно взаимодействовать с политическим содержанием романной формы, обогащая его фольклорным колоритом, ритмичной динамикой и метафизическим элементом. Помимо этого, сказочная схема построения сюжета способствует цельности психологического восприятия художественного мира произведения и усиливает его эстетический эффект, подспудно выделяя в нём народное начало.

Роман Л.И. Бородина «Трики, или Хроника злобы дней» является философско-политическим произведением. Основная концептосфера романа отражена в его названии – «Трики, или Хроника злобы дней» – и предполагает метафорический образ «смуты», реализующийся посредством взаимодействия нескольких художественно-смысловых блоков: мотива троичности, литературных и исторических реминисценций, библейских аллюзий. Слово «Хроника» в заглавии произведения, подчёркивает его достоверность и реалистический хронотоп.

Используя богатый фактический материал, социологические обобщения и яркие художественные образы, Л. Бородин создаёт живую историю диссидентского движения в СССР в контексте идеологических и мировоззренческих конфликтов. Не затрагивая богословских проблем, по своей сути роман является религиозным, поскольку в основе его духовной ауры лежит *добротолубие*, побеждающее в сознании главного героя ненависть, ревность, гордыню и страх. Это - также действенное оружие против смуты как в душе отдельного человека, так и всего общества. Финал романа, несмотря на то, что касается трагической развязки конституционного кризиса, не несёт в себе политологического смысла. Отсюда главные фигуры кризиса анонимны, а многокурсный показ событий напоминает безпристрастное документальное свидетельство. Позиция же автора является нравственно-этической, поскольку в политическом раскладе 1993 года Бородин не видит действенных сил, соответствующих его представлению о русской православной государственности. Для него как писателя и философа трагедия «чёрного октября» – это момент истины, высвечивающий ценности высшего порядка, а «смута» в российском обществе есть испытание, закаляющее дух народа и открывающее ему путь к родным святыням. Таким образом, политический дискурс в романе Л. Бородина является средством постижения провиденциальных смыслов русской истории. Жанровую специфику произведения можно определить как *роман-размышление* об эпохе сложных исторических, духовных и политических коллизий.

Список литературы

Художественные тексты

1. Берджесс Э. «1985». – М.: АСТ, 2019. – 320 с.
2. Бородин Л. И. Собрание сочинений в 7 т. Т. 7. – М.: Издательство журнала «Москва», 2013. – 672 с.
3. Бородин Л.И. Повесть странного времени. – М.: Современник, 1990. – 399 с.
4. Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. – М.: Хроникер, 2001. – 383 с.
5. Волков О. Погружение во тьму. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 464 с.
6. Герцен А.И. Кто виноват? / Собрание сочинений в 8 т. Т 1. – М.: Правда, 1975. – 590 с.
7. Гоголь Н.В. Старосветские помещики. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. – Т.2. – С. 7-32.
8. Гюго В. Девяносто третий год; пер. с французского Н. Жарковой. – Текст: непосредственный// Сочинения: в 6 томах.. – М.: «Правда», 1988. -Т. 6. – С. 7-382.
9. Дегтев В. «Крест» / Серия: "Русская современная проза". – Издательство: "Андреевский флаг", 2003. – 448 с.
- 10.Добротолюбие. В 5 т. – М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. – Т.1. – 640 с.; Т.2. – 764 с.; Т.3. – 442 с.; Т.4. – 634 с.; Т.5. – 482 с.
- 11.Домострой / Сост. Вступ. Ст., пер. и коммент. В.В. Колесова; Подгот. текстов В.В. Рождественской, В.В. Колесова и М.В. Пименовой; Худож. А.Г. Тюрин. – М.: Сов. Россия, 1990. – С. 115.
- 12.Достоевский Ф.М. Дневник писателя: Избранные страницы. – М.: Современник, 1989. – 557 с.
- 13.Достоевский Ф. М. Бесы. Собрание сочинений: В 10 т. / Под общ.ред. Л.П. Гроссмана. – М.: Гослитиздат, 1957. – Т. 7. – 758 с.
- 14.Достоевский Ф. М. Идиот. Собрание сочинений: В 10 т. / Под общ.ред. Л. П. Гроссмана. – М.: Гослитиздат, 1957. – Т. 6. – 758 с.

15. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Собрание сочинений: В 10 т. / Под общ.ред. Л. П. Гроссмана. – М.: Гослитиздат, 1957. – Т. 9. – 634 с.
16. Есин С. Н. Дневник-2015. – М.: Академика, 2017. – 545 с.
17. Зайцев Б.К. Дальний край. – М.: Современник, 1990. – 671 с.
18. Иванов А. «Вечный зов»: в 2-х томах // Кн. 2. – Кишинёв: Литература артистик, 1986. – 702 с.
19. Крупин В.Н. Будем как дети. – М.: Худож. лит., 1989. – 318 с.
20. Леонтьев К.Н. Египетский голубь: Роман, повести, воспоминания. – М.: Современник, 1991. – 528 с.
21. Лесков Н. С. Некуда // Собрание сочинений в 12т. Т 4. – М.: Правда, 1989. – Т.4. – 672с
22. Лесков Н.С. На ножах. – М.: Русская книга, 1994. – 464 с.
23. Маканин В.С. Испуг. – М.: Гелеос, 2006. – 416 с.
24. Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 176 с.
25. Мэлори Т. Смерть Артура. – М.: «Наука», 1974. – 900 с.
26. Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо / Под общ. Редакцией К.И. Чуковского. – Л.: «Советский писатель», 1967. – С. 130.
27. Первое послание Ивана Грозного князю Курбскому. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подготовили Лурье Я.С., Рыков Ю.Д. – М.: Наука, 1993. – 429 с.
28. Плутарх. Избранные жизнеописания. – М. Правда, 1987. Т. 1 . – 592 с.
29. Проханов А.А. Красно-коричневый: Роман. – СПб: Амфора, 2003. – 831 с.
30. Проханов А.А. Там, в Афганистане / Романы: Дерево в центре Кабула. Рисунки баталиста. – М Воениздат, 1988. – 607с.
31. Проханов А. Последний солдат империи. – М Ковчег 1993. – 432с.
32. Проханов А. Политолог. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2006. – 792 с.
33. Проханов А. Время золотое. М.: Центрполиграф. 2013 г. – 383 с
34. Салтыков-Щедрин М.Е. Житие Никанора Затрапезного пошехонского дворянина. – М.: «Правда», 1988. – Т. 10. – С. 17.

35. Сервантес М. Дон Кихот / Собрание сочинений в 5 т. Т.1. – М.: Правда, 1961. – 597 с.
36. Толстой Л.Н. Анна Каренина. – М.: Правда, 1978. – 495 с.
37. Толстой Л.Н. Война и мир // [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/11/p.276/index.html> (Дата обращения: 30.08.2019)
38. Тургенев И.С. Новь / Собрание сочинений в 6 т. Т. 3. – М.: Правда, 1968. – 511 с.
39. Хождение Богородицы по мукам / Подг. текста, перевод и комм. М. В. Рождественской // ПЛДР: XII век. – М., 1980. – С. 166-183, 651-652.
40. Цветаева М. Дон. / Интернет библиотека Алексея Комарова [Электронный ресурс] // URL: <https://ilibrary.ru/text/2778/p.1/index.html> (Дата обращения 29.10.19).
41. Шаргунов С.А. Отрицание траура // Новый мир. – 2001. – №12. – С. 179-185.
42. Шаргунов С. А. Ура! Роман. – М.: Эксмо, 2003. – 272с.
43. Шаргунов С.А. Птичий грипп: Роман. – М.: АСТ, 2008. – 224 с.
44. Шаргунов С.А. «1993». Семейный портрет на фоне горящего дома. – М.: АСТ, 2013. – 568 с.
45. Шаргунов С. Катаев. Погоня за вечной весной. ЖЗЛ – М.: Молодая гвардия 2018г. – 672 с
46. Шмелев И.С. Избранное. – М.: Правда, 1989. – 685 с.
47. Юзефович Л. Журавли и карлики. – М.: АСТ, 2009. – 480 с.

Научная и критическая литература

48. Аверинцев С. Грааль [Электронный ресурс] // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Averincev/sofija-logos-slovar/86 (Дата обращения 16.01.2019).
49. Агеев В. На улице и в храме // Знамя. – 1990. – № 10. – С. 228-237.
50. Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2016. – 640 с.

51. Аксаков К. Государство и народ. Серия: «Классика русской мысли». – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – 608с.
52. Алексеев К.В. Русский социально-политический роман: признаки, типология. [Электронный ресурс]. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-sotsialno-politicheskiy-roman-priznaki-tipologiya> (Дата обращения 16.01.2019).
53. Аннинский Л. Правды и правдежки // Литературная газета. – 1990. 7 ноября. – №45. – С. 5.
54. Аннинский Л. Современная литература: Ноев ковчег? [Электронный ресурс] // Журнал «Знамя». – 1999. – №1. – URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=682> (дата обращения 25.08.2020).
55. Андреев Н.П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. – Ленинград: Издание государственного русского географического общества, 1929. – 120 с.
56. Андреева Е.А. Проблема имперского сознания в очерках А. Проханова // Вестн. Ом.ун-та. – 2015. – № 2. – С. 204-206. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-imperskogo-soznaniya-v-ocherках-a-prohanova> (дата обращения: 15.08.19).
57. Артемов В.В. Православные чудеса. – М.: Вече, 2006. – 320 с.
58. Афанасьев А.Н. Древо жизни: избранные статьи. – М.: Современник, 1983. – 464 с.
59. Бабурин С.Н. Возвращение русского консерватизма. – М.: Институт русской цивилизации, 2012. – 832 с.
60. Басинский П. Вышел новый роман Сергея Шаргунова [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2013. 25 октября. – Федеральный выпуск № 241(6217). URL: <https://rg.ru/2013/10/25/shargunov.html> (дата обращения: 25.05.2019).
61. Басинский П. Как сердцу высказать себя? // Новый мир. – 2000. – № 4. – С. 185-192.

- 62.Басинский П. Червертая правда Леонида Бородина // Литературная газета. – 2002. – № 17. – 24-30 апреля.
- 63.Бахтин М. Эпос и роман. – СПб.: Азбука, 2000. – 304 с.
- 64.Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. второе. – М.: Наука, 1963. – 250 с.
- 65.Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / 2-е изд. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.
- 66.Безруков А.А. Духовные основы русской литературы //Учебное пособие для обучающихся организаций общего и среднего профессионального образования (3-е издание, исправленное и дополненное). – Армавир: Армавирский государственный педагогический университет, 2019. – 196 с.
- 67.Безруков А.А., Силантьева О.А. Духовные искания героев русской классики: страдания "лишнего человека" в оценке русской славянофильской мысли // В сборнике: Актуальные проблемы культуры современной русской речи. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской научной конференции с международным участием. Армавир: Армавирский государственный педагогический университет, 2019. – С. 28-30.
- 68.Безруков А.А. Русская классика о "нравственном мериле" (к вопросу о принципах цивилизационного выбора) // В сборнике: Наследие Ю.И. Селезнева и актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории. – Армавир: Новация, 2016. – С. 110-113.
- 69.Беляков С. Современная русская проза о Великой Отечественной войне // Урал. – 2005. – № 5. – С. 294-300.
- 70.Беляков С. Проханов. Апология злодея. URL: http://www.chaskor.ru/article/prohanov_apologiya_zlodeya_8243 (дата обращения: 15.08.2019).
- 71.Бердяев Н. «Философия свободы. Смысл творчества». – М.: Правда, 1989. – 608 с.
- 72.Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – 224 с.

73. Бердяев Н.А. Философия неравенства // Русское зарубежье. Власть и право. – СПб.: Лениздат, 1991. – С. 7-242.
74. Берк Э. Размышления о революции во Франции. – М.: Рудомино, 1993. – 142 с.
75. Благой Д. Д. От Кантемира до наших дней в 2т. – М. Худ. лит. 1979г. – Т.1. – 550 с.; Т.2. – 511 с.
76. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. – М.: Рипол-Классик, 2018. – 320 с.
77. Бондаренко В. “Красно-коричневый” (Владимир Бондаренко – о новом романе Александра Проханова) [Электронный ресурс] // Газета Завтра 304 (39 1999). – URL: <https://public.wikireading.ru/152958> (дата обращения 15 08 19).
78. Бондаренко В. Г. Русский вызов. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 688 с.
79. Бондаренко В. Леонид Бородин // Бондаренко В. Белый лик патриотизма. – М.: Общество дружбы и сотрудничества с зарубежными странами, 2003. – С. 165-194.
80. Бондаренко В. Неожиданная проза Леонида Бородина: К 60-летию со дня рождения // Наш современник. – 1998. – № 4. – С. 247-249.
81. Бондаренко В. Опять на распутье? [Электронный ресурс] // URL: <https://proza.ru/2013/10/22/1661> (Дата обращения: 26. 05. 19)
82. Бондаренко В. Сергей Шаргунов Опять на распутье? [Электронный ресурс]. // URL: <https://www.proza.ru/2013/10/22/1661> (Дата обращения: 26. 05. 19)
83. Булатова С.Н. Модификации жанра политического романа в современной советской литературе: ("Победа", "Неоконченный портрет" А. Чаковского, "Дерево в центре Кабула", "В островах охотник", "Африканист" А. Проханова, "Южнее реки Бенхай" М. Домогацких). – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. 1986. – 46 с.
84. Бородин Л.И. Без выбора [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rulit.me/books/bez-vybora-read-70387-4.html> (Дата обращения: 26. 05. 19).

- 85.Бородин Л.И. Жизнь России будет наполнена национальным действием // Наш Современник. – 1992. – № 8. – С. 147-151.
- 86.Бородин Л.И. Либеральное сознание. // Наш Современник. – 1992. – №8. – С. 140-142.
- 87.Бушмин А. Преемственность в развитии литературы. – Л.: Худож. лит., 1978. – 224 с.
- 88.Бьюкенен П. Смерть Запада / пер. с англ. А. Башкирова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 444 с.
- 89.В России убивают больше народу, чем в США [Электронный ресурс] // URL: kp.ru/daily/25789.3/2770823/ (Дата обращения: 21. 03. 20).
- 90.Василевский А. «Трики, или хроника злобы дней» Л.И. Бородина // Новый мир. – 1999. - № 4. – С. 234.
- 91.Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. – Ивано-Франковск: Ист-Вью. – 2002. – 352 с.
- 92.Вейман Р. История литературы и мифология / пер. с нем. О.Н. Михеевой. – М: Прогресс, 1971. – 302 с.
- 93.Веллер М. Веллер о митингах. Что дальше? [Электронный ресурс] // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=n711oTmE6P4> (Дата обращения 31.07.2019).
- 94.Вера. Держава. Народ: Русская мысль конца XX – начала XXI века / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2016. – 1200 с.
- 95.Ветхий человек [Электронный ресурс] // URL: <https://azbyka.ru/vetxij-chelovek> (Дата обращения: 25.09.2019)
- 96.Взаимосвязи чисел и букв [Электронный ресурс] // URL: <https://www.paranorm.ru/numerologiya/kurs-numerologii-svyaz-mezhdu-bukvami-i-chislami> (Дата обращения: 11.01.20).
- 97.Воронин Ю.М. Свинцом по России. – М.: Палея, 1995. – 312 с.
- 98.В спектре адекватности. К 60-летию И. А. Есаулова: сборник статей / Сост. Ю. Н. Сытина. – СПб. РХГА, 2020. – 516 с.

99. Всеподданнейший доклад [Электронный ресурс] // URL: <https://lawbook.online/gosudarstva-prava/vsepoddanneyshiy-doklad-loris-melikova-39704.html> (Дата обращения: 09.03.2020).
100. Галеева Н.Д. Параметры художественного текста и перевод: Монография. – Тверь: ТвГУ, 1999. – 155 с.
101. Ганичев В. Н. О русском. – М.: Институт русской цивилизации, 2013. – 832 с.
102. Глотова Е.Ю. Художественный политический дискурс и критерии его определения // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2008. – Вып. 73-1. – С. 154-158.
103. Говорухин С.С. Великая криминальная революция. – М.: Андреевский флаг, 1993. – 126 с.
104. Горький М. «Разрушение личности». Собр. соч. в 16т. Т. 16. – М.: Правда, 1979. – 366 с.
105. Горький М. Статьи, речи, приветствия 1907-1928 [Электронный ресурс] // URL: <https://rbook.me/book/10565982/read/page/46/> (Дата обращения: 25.09.2019).
106. Гречаник И. Философия духовного бытия в прозе Л. Бородина // Русская и русскоязычная литература XX века: к вопросу о художественной концепции личности. – Армавир, 2000. – С. 185-199.
107. Гулыга А.В. Принципы эстетики. – М.: Политиздат, 1987. – 286 с.
108. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991 574 с.
109. Данилкин Л. Пинг-понг не по правилам [Электронный ресурс] // URL: <http://www.rg.ru/2007/09/26/danilkin.html> (Дата обращения: 22.02.2015).
110. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. – 2002. – № 3. – С. 32-43.
111. Десницкий А. Семейный портрет на фоне горящего дома [Электронный ресурс] // URL: <https://www.pravmir.ru/semejnyj-portret-na-fone-goryashhego-doma/> (Дата обращения: 15.05. 2020).

112. Деспотизм либералов [Электронный ресурс] // URL: <https://wonderbull.livejournal.com/197377.html> (Дата обращения: 27.07.2018).
113. Диссидентское движение в СССР [Электронный ресурс] // URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/dissidentskoie_dvizhieniie_v_sssr. (Дата обращения: 31. 12.19).
114. Дружинина В. Проблема национального характера в прозе Л. Бородин: Философский аспект // Русская литература и философия: постижения человека. – Липецк, 2004. – С. 167- 173.
115. Дунаев М. Леонид Иванович Бородин // Православие и русская литература. – М.: Христианская литература, 2000. – Ч. 6. – С. 396-410.
116. Дунаев М. М. Православие и русская литература: [в 6-ти ч.] / Моск. духов. акад. Изд. 2-е, испр., доп. – М. : Христиан. лит., 2001-2004. – Ч. 1-2. – 2001. – 735 с.; Ч. 3. – 2002. – 762 с.; Ч. 4. – 2003. – 778 с.; Ч. 5. – 2003. – 780 с.; Ч. 6. кн. 1. – 2004. – 509 с.; Ч. 6. кн. 2. – 2004. – 525 с.
117. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. – 288 с.
118. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. – М.: Круг, 2004. – 640 с.
119. Есаулов И.А. Постсоветские мифологии: структуры повседневности. М.:Академика, 2015. – 616 с.
120. Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание /3-е изд., испр. и доп. – СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2017. – 550 с.
121. Епископ Александр (Семенов – Тянь-Шанский). Православный Катихизис. – М.: Издание Московской Патриархии, 1990. – 120 с.
122. Ефремова Д. Еще раз про любовь [Электронный ресурс] // URL: <https://portal-kultura.ru/articles/books/8491-eshche-raz-pro-lyubov/> (Дата обращения: 26. 05. 19).

123. Жирмунский В.М. Введение в литературоведение. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 464 с.
124. Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение. – Л.: Наука, 1979. – 493 с.
125. Забабурова Н.В. Литературные шедевры Средних веков // Кретъен де Труа и неразгаданные тайны Грааля. – Ростов-на-Дону: ДиД, 2014. – С. 742-772.
126. Зайчикова Н.В. Гибридность жанра политического романа // Современные проблемы взаимодействия языков и культур / Материалы Международного форума 14-15 декабря 2012 г. – Часть I. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2012. – С.89 – 93.
127. Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. / авт.-сост. Г.К. Косиков. – М.: изд. Московского университета, 1987. – 511 с.
128. Затонский Д. Художественные ориентиры XX века. – М.: Советский писатель, 1988. – 416 с.
129. Зюганов Г. Россия над бездной // Наш современник. – 1993. – № 11. – С. 182-191.
130. Ивашов Л.Г. «Геополитика Русской цивилизации». – М.: Институт русской цивилизации, 2015. – 800 с.
131. Ильин И.А. Наши задачи. 2 т. Т.1. – М.: МП «Рарог», 1992. – 344 с.
132. Ильин И.А. Наши задачи. 2 т. Т.2. – М.: МП «Рарог», 1992. – 272 с.
133. Ильин И.А. Путь к очевидности. – М.: Республика, 1993. – 431 с.
134. Ильин И.П. Постмодернистская чувствительность [Электронный ресурс] // URL: <https://mylektsii.ru/9-7304.html> (Дата обращения: 02.05.20).
135. Исаков В.Б. Госпереворот. Парламентские дневники 1992-1993. – М.: Палея, 1995. – 473 с.
136. Кавелин К.Д. Собр. соч. в 4 т. – СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1898. - Т. 3. – 1256 с.
137. Казанцева И. Мотив игры в жизнь в повести Л. Бородина «Божеполье» // Творчество В. Я. Шишкова в контексте русской литературы XX века: V

- Всероссийские Шишковские чтения. Материалы научной конференции. – Тверь, 1999. – С. 121-125.
138. Калус И.В. Мотив чуда в рассказах и повестях Алексея Котова. Культура и образование. – 2018. – № 2 (29). – С. 61-69.
139. Калус И.В. Ценностный подход в изучении и преподавании современной литературы // В сборнике: Наследие Ю.И. Селезнева и актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории. Материалы первой Международной научно-практической конференции. – 2015. – С. 67-73.
140. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. – М.: Наука, 1991. – 127 с.
141. Карякин В.В. Геополитика третьей волны: трансформация мира в эпоху Постмодерна. – М.: Граница, 2013. – 432 с.
142. Кильдяшов М.А. 1993-й: битва образов [Электронный ресурс] // URL: https://zavtra.ru/blogs/1993-j_bitva_obrazov (Дата обращения 19.04.20).
143. Киреев А. А. Учение славянофилов / Сост. С. В. Лебедев, Т. В. Линицкая / Предисл. и коммент. С. В. Лебедева / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2012. – 640 с.
144. Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура. — М.: Институт русской цивилизации, 2012. – 1072 с.
145. Кожин В.В. Происхождение романа. – М.: Советский писатель, 1963. – 440 с.
146. Кожин В.В. Размышления о русской литературе. – М.: Современник, 1991. – 526 с.
147. Кожин В.В. Судьба России: вчера, сегодня, завтра. – М.: Мол. Гвардия, 1990. – 252 с.
148. Кожин В.В. Мы меняемся // Наш Современник. – 1987. – №10. – С.160-175.
149. Концевич И.М. Стяжание Духа Святого в путях Древней Руси. – М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1993. – 229 с.

- 150.Красноречие Древней Руси / авт.-сост. Т.В. Черторицкая. – М.: Советская Россия, 1987. – 448 с.
- 151.Кублановский Ю. «Без выбора»: неволя, нищета счастье... // Новый мир. – 2004. – № 3. – С. 167-172.
- 152.Кузык Б.Н «Духовность и цивилизационный код как экономические факторы» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kuzyk.ru/allpublications/20100112/> (Дата обращения: 12.09.19).
- 153.Куняев С. «Дон-Кихоты» и «третья правда» // Литература в школе. – 1991. – № 2. – С. 26-32.
- 154.Лауреаты 2002 года [Электронный ресурс] // URL: http://www.solzhenitsyn.ru/litpremiya/laureate/index.php?ELEMENT_ID=175 (Дата обращения 05.01.2020).
- 155.Лебон Г. Психология толп [Электронный ресурс] // URL: https://royallib.com/book/lebon_g/psihologiya_tolp.html (дата обращения: 22.06.20).
- 156.Леонтьев К. «О всемирной любви» / Речь Ф.М. Достоевского на Пушкинском празднике. // Ф.М. Достоевский и Православие. – М.: «Отчий дом», 1997. – С. 261-297.
- 157.Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 1232 с.
- 158.Леонтьев К.Н. Как надо понимать сближение с народом? – М.: тип. Е.И. Погодиной, 1881. – 29 с.
- 159.Лисин Д. Вдоль книжной полки «1993» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/19932> (дата обращения: 25 мая 2019).
- 160.Личутин В. В. Размышления о русском народе. – М.: Институт русской цивилизации, 2013. – 576 с.
- 161.Лихачёв Д.С. Возникновение русской литературы». – М.-Л., Изд-во АН. – 1952. – 240 с.
- 162.Лобанов М. П. Твердыня духа. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 1024 с.

163. Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию [Электронный ресурс] // URL: <http://lomonosov.niv.ru/lomonosov/nauka/rukovodstvo-k-krasnorechiyu/o-vozbuzhdenii-utolenii.htm> (дата обращения 05.02.2020).
164. Лопухин А. Толковая библия [Электронный ресурс] // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/tolkovaja_biblia/ (дата обращения 05.02.2020).
165. Лосев А.Ф. Философия, мифология, культура. – М.: Политиздат, 1991. – 525 с.
166. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. – М.: Мысль, 1982. – 623 с.
167. Лучинский Ю.В. Концепт как бренд: медиафеномен арт-фестиваля "documenta" // В сборнике: Реклама, маркетинг, PR: теоретические и прикладные аспекты интегрированных коммуникаций. Материалы II Международной научно-практической конференции. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2019. – С. 15-21.
168. Лю Хун. Особенности реализации политического дискурса в художественном тексте: к постановке проблемы // Политическая лингвистика 3(63). – Екатеринбург: УГПУ. – С. 31-42.
169. Любомудров М. Н. Каноны русского мира. Идеология. Культура. Искусство. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 816 с.
170. Мелетинский Е.М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. – М.: Наука, 1986. – 319 с.
171. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Наука, 1976. – 406 с.
172. Минаков А. Ю. Особенности русского консерватизма в первой четверти XIX века // Диалог со временем. – 2011. – Вып. 34. – С. 100-117.
173. Миронова Т.Л. Кто управляет Россией? М.: Эксмо: Алгоритм, 2010. – 400 с.
174. Митр. Антоний (Храповицкий). Церковь воинствующая [Электронный ресурс] // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Antonij_Hrapovickij/tserkov-voinstvuuyushaja/ (дата обращения 20.06.2020).
175. Митрополит Иоанн (Снычев И.) Русский узел. – СПб.: «Царское дело», 2008. – 399 с.

176. Митрополит Иоанн (Снычев И.) Русь соборная. – М.: Царское дело, 1995. – 248 с.
177. Митрополит Иоанн (Снычев И.) Самодержавие духа. – СПб.: «Царское дело», 1995. – 346 с.
178. Митрополит Иоанн (Снычев И.) Стояние в вере. – М.: Царское дело, 1995. – 215 с.
179. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн «Пути русского возрождения» / Русский Вестник. – 2020. – № 8. – С.8-9.
180. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн. Пути русского возрождения. – М.: Рус.вестн, 1993. – 14 с.
181. Митрохин Н. А. Русская партия. Движение русских националистов в СССР 1953-1985. – М.: НЛО, 2003. – 624 с.
182. Михайлов О.Н. Страницы русского реализма: заметки о русской литературе XX века. – М.: Современник, 1982. – 288 с.
183. Назаров М. «Достигнет ли цели “литературное” постановление ЦК?» [Электронный ресурс] // URL: <https://rusidea.org/7017> 8.04 2020.
184. Назаров М. Вождю Третьего Рима. К познанию русской идеи в преапокалипсическое время. – М.: Русская идея, 2005. – 992 с. – [Электронный ресурс] // URL: <https://rusidea.org/410106> (дата обращения: 14.05.20).
185. Нестерова Л.А. «Третья правда» Л.И. Бородина: полифония голосов // Филологические этюды: Сб. науч. Ст. молодых ученых, Саратов. – 2003. – № 6. – С. 128-132.
186. Нестерова Л.А. Октябрьские события 1993-го в романе Л. Бородина «Трики, или Хроника злобы дней» // Междисциплинарные связи при изучении литературы: сб. науч. Трудов. – 2006. – Вып. 2. – С. 116-120.
187. Нестерова Л.А. Человек и история в современной прозе (на материале романа Л. Бородина «Трики, или Хроника злобы дней» и повести В. Маканин «Без политики») // Изменяющаяся Россия – изменяющаяся

- литература: художественный опыт XX – начала XXI века: Сб. науч. Трудов. – Саратов, 2006. – С. 346-351.
188. Нечаев С.Г. Катехизис революционера [Электронный ресурс] // URL: <https://introvertum.com/nechaev-katehizis-revoljutsionera-polnyiy-tekst/> (дата обращения: 26.06.19).
189. Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Под редакцией В. С. Стёпина. – М.: Мысль, 2010. – 2816 с.
190. Новикова-Строганова А «Чёрные куклы» закабалённой России / Русский вестник. – 2018. – № 23. – С.14.
191. Об объявлении политической и экономической амнистии. Постановление от 23 февраля 1994 г. N 65-1 ГД. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=7180&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.6021091401928194#05243000434887286> (дата обращения: 26.06.19).
192. Он вернул нам историческую память! Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн был и остаётся идейным вождём русских патриотов (редакционная статья) // Русский вестник – 2019. – № 22. – С. 1.
193. Осипов В. Искатель правды [Электронный ресурс] // URL: http://ruskline.ru/news_rl/2011/11/30/iskatel_pravdy/ (дата обращения: 05. 01. 2020)
194. Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии. – М.: Изд-во Институт русской цивилизации, 2012. – 720 с.
195. Осипов И.Д. Аксиология русского консерватизма // «Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России: От истоков к современности». – 2004. – Вып. 1. – С. 106-119.
196. Основы Социальной Концепции Русской Православной Церкви, 2000 [Электронный ресурс] // URL: http://www.prihod.rugraz.net/assets/pdf/Osnovi_socialnoj_koncepcii_Russkoj_Pravoslavnoj_Cerkvi.pdf (дата обращения 15.05.2020).

197. Островский А. В. 1993. Расстрел «Белого дома». – М.: Яуза, Эксмо, 2008. – 640 с.
198. Павлов Ю. Леонид Бородин: «наказанный» любовью к Родине // Человек и время в поэзии, прозе, публицистике XX-XXI веков. – М.: Литературная Россия, 2011. – С. 157 – 171.
199. Павлов Ю.М. Художественная концепция личности в русской и русскоязычной литературе хх–ххi веков. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2017. – 355 с.
200. Палиевский П.В. Русские классики. Опыт общей характеристики. – М. Художественная литература. – 1987г. – 239 с.
201. Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование. – М.: Алгоритм, 2002. – 349 с.
202. Панарин А. С. Испытание глобализмом. – М.: Эксмо-Пресс, 2002. – 416 с.
203. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М.: Алгоритм, 2002. – 496 с.
204. Панарин А. С. Православная цивилизация. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 1248 с.
205. Паршин П. Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики // Scripta linguistical applicatae. Проблемы прикладной лингвистики / Ин-т языкознания РАН. – М.: Азбуковник, 2001. – С. 181-207.
206. Переяшкин В.В., Переяшкина Л.Н. Концепт "семья" в южной литературе США и его художественное воплощение в романе Ли Смит "История, рассказанная вслух" // Русский язык и межкультурная коммуникация. Пятигорск, 2015. – № 1 (14). – С. 54-60.
207. План Даллеса [Электронный ресурс] // URL: <http://timesops.biz/forum/viewtopic.php?p=1158> (дата обращения 11. 01. 2019).
208. Платонов О. В двух шагах от обрыва /Наш современник. – 1989. – № 1. – С. – 3-34.

209. Платонов О. Время несбывшихся надежд. / Русский вестник. – 2020. – № 14 (1058). – С.14.
210. Победоносцев Ю. Гибель истории. Тайные страницы большой геополитики (1830-1918 гг.) – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 415 с.
211. Подольский Л. Семейный портрет на фоне истории [Электронный ресурс] // URL: http://www.ng.ru/lit/2013-11-21/5_dom.html (дата обращения: 25.05.19)
212. Политическая амнистия 23 февраля 1994 года [Электронный ресурс] // URL: <http://www.qwas.ru/russia/ldpr/Politicheskaja-amnistija-23-fevralja-1994-goda-k-15-letiju/> (дата обращения: 29.05.19).
213. Полная стенограмма прямой линии с Владимиром Путиным – 2019 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.kuban.kp.ru/daily/26992/4052814/>
214. Поляков Н. В. Антропология российского консерватизма // Александр Иванович Введенский и его философская эпоха. - СПб.: Издательский Дом С.-Петербургского государственного университета, 2006. – С. 252-265;
215. Поляков Ю. «Оппозиция умерла. Да здравствует оппозиция! // Комсомольская правда. – 1993. – 7 окт. – С.1.
216. Поляков Ю. Россия в откате. – М.: Астрель, 2011. – 252с.
217. Поляков Ю. Это был военный переворот, и надо называть вещи своими именами. // Вечерний Петербург [Электронный ресурс] // URL: <http://www.vppress.ru/stories/Yurii-Polyakov-Eto-byil-voennyi-perevorot-i-nado-nazyvat-veschi-svoimi-imenami-19819> 22.08.19 (дата обращения: 22.08.19).
218. Поняев И. Динамика представлений о политическом кризисе 1993 г. в России // Вестник РУДН. – 2017. – № 4. – С. 412-420.
219. Православие: Очерки учения Православ. церкви / Прот. Сергей Булгаков. – Paris: YMCA-press, 1985. – 403 с.
220. Прилепин З. Пришел, увидел, рассказал [Электронный ресурс] // URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2013/10/23/56895-poshel-uvidel-rasskazal> (дата обращения: 26.06.19).

221. Прилепин З. Книгочет: Пособие по новейшей литературе. – М.: Астрель, 2012. – 444 с.
222. Происхождение, характеристика и значение имени Клим [Электронный ресурс] // URL: <https://my-calend.ru/names/klim> (Дата обращения: 11.12.19).
223. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2007. – 128 с.
224. Проскурин Б.М. Английский политический роман XIX века: Очерки генезиса и эволюции. – Пермь, 2000. – 462 с.
225. Проханов А. А. Русский лес [Электронный ресурс] // URL: https://zavtra.ru/blogs/russkij_les (дата обращения: 28.06.19).
226. Рудалёв А. Пароль: «Девяносто третий» [Электронный ресурс] // URL: <http://lgz.ru/article/-33-34-6427-27-08-2013/parol-devyanosto-tretiy/> (Дата обращения: 26. 05. 19).
227. Рудалев А.Г. Четыре выстрела: Писатели нового тысячелетия. Серия NEXT. – М. Молодая гвардия 2018. – 512 с.
228. Русский патриотизм. Серия: Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Под ред. О.А. Платонова. – М.: Энциклопедия русской цивилизации 2003 г. – 928 с.
229. Секретов С. Праздник непослушания [Электронный ресурс] // Знамя, – №5. – 2014. // URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2014/5/23s.html> (дата обращения: 26.06.2019).
230. Семанов, С. Русская партия в чужом зеркале / Газета День Литературы [Электронный ресурс]. – 2003 (6), – № 82 // URL: <https://public.wikireading.ru/166311> 21.07.2020 (дата обращения: 22.05.2019)
231. Сенин А. А. Служить правде. – М.: Институт русской цивилизации, 2013. - 416 с.
232. Сирота Н.М. Идеология и политика [Электронный ресурс] // URL: https://ozlib.com/811659/sotsium/ideologiya_i_politika (дата обращения: 30.09.2019).
233. Смирнов Д. Комментарий к книге Н. Митрохина Русская партия. Движение русских националистов в СССР 1953-1985 гг. [Электронный

- ресурс] // URL: <https://ssmirnoff.livejournal.com/725447.html> 22082020 (дата обращения: 30.09.2019).
234. Современный российский консерватизм / Сборник статей 2011 [Электронный ресурс] // URL: <https://web.archive.org/web/20130603014422/http://www.cscp.ru/files/rmoHZ2U1hEbQgIW.pdf>; (дата обращения: 15.09.2019).
235. Солженицын А. Леонид Бородин – «Царица смуты» // Новый мир. – 2004. – № 6. – С. 149-158.
236. Соловьев В. С. Оправдание добра. – М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. – 656 с.
237. Соловьев В.С. Смысл любви: избранные произведения. – М.: Современник, 1991. – 525 с.
238. Сохряков Ю. Нравственные уроки «лагерной прозы» // Москва. – 1993. – № 1. – С. 175-183.
239. Сохряков Ю.И. Русская цивилизация: Философия и литература. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 720 с.
240. Статистика эмиграции из России [Электронный ресурс] // URL: https://emigrating.ru/statistika-emigratsii-iz-rossii/#_1991_2016 (дата обращения: 21.02.2020)
241. Сухих О. Символика в повести Л.Бородина «Третья правда» // Вестник Нижегородского ун-та им Н.И. Лобачевского. Сер.: Филология. – 2003. – Вып. 1. – С. 21-28.
242. Сытина Ю.Н. И.А. Есаулов в большом и малом времени // В спектре адекватности. К 60-летию И. А. Есаулова: сборник статей / Сост. Ю. Н. Сытина. – СПб. РХГА, 2020. – С.6-24.
243. Татаринев А.В. Юрий Павлов и Захар Прилепин: драма на правом фланге // В сборнике: Творчество В.И. Лихоносова и актуальные проблемы развития языка, литературы, журналистики, истории: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.В. Касьянов, Ю.М. Павлов. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020. – С. 186-193.

244. Татарина О.В. Идеиные доминанты древнерусской словесности в оценке Ю.И. Селезнева, В.В. Кожина, А.Н. Ужанкова // В сборнике: Творчество В.И. Лихоносова и актуальные проблемы развития языка, литературы, журналистики, истории: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.В. Касьянов, Ю.М. Павлов. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020. – С. 181-186.
245. Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 640 с.
246. Травелогги или как писать о путешествиях [Электронный ресурс] // URL: <https://eco-turizm.net/8721-travelogi-ili-kak-pisat-o-puteshestviyah.html> (дата обращения: 09.08.2020).
247. Тургенев И.С Аксакову С.Т. 22 января (3 февраля) 1856 г. С. Петербург [Электронный ресурс] // URL: <http://turgenev-lit.ru/turgenev/pisma-1855-1858/letter-95.htm> дата (обращения: 15.08.2019).
248. Уваров С. С. Государственные основы / Сост., предисл. и коммент. В. Б. Трофимовой / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 608 с.
249. Ужанков А.Н. Слово о законе и благодати" и другие творения Митрополита Иллариона Киевского // монография. – Москва: Академика, 2014. – 350 с.
250. Ужанков А.Н. Святоотеческое «Учение о прилоге» в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // В сборнике: В спектре адекватности. К 60-летию И.А. Есаулова. // Сборник статей. Составитель Ю.Н. Сытина. – Санкт-Петербург, 2020. – С. 253-265.
251. Фадеев Р. Государственный порядок. Россия и Кавказ. Серия: «Классика русской мысли». – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 992 с.
252. Феофан Затворник. Добротолюбие/ Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2012. – 752 с.
253. Филиппов Т.И. Русское воспитание. Серия: Русская цивилизация. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 448 с.

254. Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России: От истоков к современности / Под ред. Ю.Н.Солони́на. – СПб.: С.-Петербургский гос. ун-т, 2004. – 320 с.
255. Флоровский Г. “Философы русского послеоктябрьского зарубежья”. – М.: Наука, 1990. – 528 с.
256. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – 848 с.
257. Фокин А.А., Дворникова Е.И. А.И. Солженицын – человек-легенда // Colloquium-journal. – 2019. – № 22-5 (46). – С. 21-26.
258. Фокин А.А. Книга И. Бродского «Меньше единицы» как «свод Законов» функционирования литературы // Вестник Ставропольского государственного педагогического института. – 2020. № 17 (1). – С. 63-73.
259. Френкин А.А. Западногерманские консерваторы: кто они? – М.: Международные отношения, 1990. – 213 с.
260. Хайдеггер М. Время и бытие / пер. с нем. В.В. Бибикина. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
261. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2006. – 571 с.
262. Хатюшин В. В. Вехи окаянных лет. – М.: Институт русской цивилизации, 2013. – 608 с.
263. Хомяков А. С. Всемирная задача России. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 784 с.
264. Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность. Русская цивилизация. – М.: Институт русской цивилизации. 2011. – 576 с.
265. Черняев Н. И. Русское самодержавие. Серия: Русская цивилизация. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 864 с.
266. Чичерин Б.Н. Социология. – Тамбов: Тамбовполиграфиздат, 2004. – 468 с.
267. Шарифов М.Ш. Этапы развития политического романа. [Электронный ресурс] // URL: <http://ulakbilge.com/makale/pdf/1414431811.pdf> (дата обращения 16.01.2019).

268. Шафаревич И. Прямой взгляд на мир // Наш современник. – 1992. – № 8. – С. 136-137.
269. Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций. – М.: Родная страна, 2017. – 936 с.
270. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: Монография / Институт языкознания РАН. – Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.
271. Шохина В. Коза Ася и Черный Октябрь // Русский журнал. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Koza-Asya-i-Chernyj-Oktjabr> (дата обращения: 25.05.2019)
272. Штокман И. Леонид Бородин – слово и судьба. М.: Моск. гор. орг. Союза писателей России, 2000. – 124 с.
273. Шульженко В. И. Буденновск-95: опыт деконструкции коллективного бессознательного // Язык и текст в пространстве культуры. – Ставрополь, 2003. – С. 357-361.
274. Шульженко В. И. Дискурсионная классификация «кавказского текста» // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 4. – С. 181-184.
275. Шульженко В. И. Поэтика теракта в «кавказском тексте» русской литературы // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 4. – С. 271-276.
276. Щедрина Н. М. Когнитивный аспект в изображении исторического лица (на материале эпопеи А.И. Солженицына "Красное колесо") // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2017. – № 3 (52). – С. 102-107.
277. Щедрина Н. М. Книга "Красное колесо" в контексте творчества А. И. Солженицына // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. – 2019. № 1. – С. 6-11.
278. Юнг К.Г. Дух Меркурий / К.Г. Юнг; пер. с нем. – М.: Канон, 1996. – 384 с.
279. Юнг К.Г. Ответ Иову / К.Г. Юнг; пер. с нем. В. Бакусева, А. Гараджи, Е. Рязановой. – М.: ООО «Фирма Издательство АСТ», Канон+, 1998. – 384 с.

280. Юркевич В. В. Политический и художественный виды дискурса: сходства и различия // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2014. № 6. – С. 106 - 110.
281. Яковлев Н. ЦРУ против СССР. – М.: Правда, 1983. – 464 с.
282. Dijk T.A. van. Discourse analysis as ideology analysis [Электронный ресурс] // Language and Peace / eds. C. Schaffner & A. Wenden. – Aldershot: Dartmouth Publishing, 1995. – P. 17-33 (дата обращения: 09.08.2020).
283. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/839/894/1217/014_gusev.pdf (дата обращения: 12.05.2016).
284. Harris Z. Discourse analysis // Language. – 1952. – V.28. – №1. – P. 1-30.

Диссертации и авторефераты диссертаций

285. Абушахманова Н. З. Реформирование высших органов власти советской представительной системы, 1985-1993 гг.: дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. – Москва, 2001. – 205 с.
286. Безруков А. А. Феномен возвращения к православному и категория страдания в русской классической литературе XIX века: дис. ... доктора филологических наук: 10.01.01/Место защиты: Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2007. – 360 с.
287. Васильева Т.И. Творчество Л.И. Бородина: особенности проблематики и поэтики: автореф. дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01. – Магнитогорск, 2007. – 19 с.
288. Васильева Т. И. Творчество Л.И. Бородина: особенности проблематики и поэтики: дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01. – Магнитогорск, 2007. – 189 с.
289. Дружинина В. И. "Смятенный" человек в прозе Л. Бородина: к проблеме национального характера: дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01. – Воронеж, 2009. – 154 с.
290. Евдокимова М. П. Художественная концепция личности в творчестве А. Проханова: дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01. – Армавир, 2009. – 231 с.

- 291.Ерофеева М. А. Проза А.А. Проханова: проблематика и поэтика: дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01. – Тверь, 2010. – 151 с.
- 292.Казанцева И.А. Проза Л. И. Бородин: дис. ... кандидат филологических наук: 10.01.01. – Тверь,1994. – 219 с.
- 293.Казанцева, Ирина Александровна Проза Л.И. Бородин: автореферат диссертация кандидата филологических наук: 10.01.01. – Тверь, 1994. - 19 с.
- 294.Малхозова, Фатима Викторовна. Конституционно-политический кризис в России 1992-1993 гг.: дис. ... кандидат исторических наук: 07.00.02. – Москва, 2005. - 203 с.
- 295.Меркулов, Игорь Валентинович Разработка, обсуждение и принятие конституции Российской Федерации: 1990-1993 гг. : дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02. – Саратов, 2006. – 202 с.
- 296.Михайлов А.А. Молодой современник в русской советской прозе 70-х годов: духовные и нравственные искания: дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01 – М., 1983. – 190 с.
- 297.Нестерова Л. А. Нравственно-философские искания автора и героев в прозе Леонида Бородин: дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01. – Саратов, 2007. – 268 с.
- 298.Панков А. В. Закономерности развития русской советской прозы 60-70-х годов. Идеино-художественные тенденции, гуманистические искания, социально-нравственная проблематика: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.01.02 / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. – М., 1990. – 32 с.
- 299.Ротай Е. М. "Новый реализм" в современной русской прозе: художественное мировоззрение Р. Сенчина, З. Прилепина, С. Шаргунова: дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01 /Место защиты: Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2013. – 178 с.
- 300.Ротай Е. М. "Новый реализм" в современной русской прозе: художественное мировоззрение Р. Сенчина, З. Прилепина, С. Шаргунова:

- автореферат дис. ... кандидата филологических наук: автореферат диссертация кандидата филологических наук : 10.01.01. – Краснодар, 2013. – 178 с.
- 301.Рябова Т. В. Проза Леонида Бородин 1970-х - начала 90-х годов: дис.... канд. филологических наук: 10.01.02. – СПб., 1996. – 149 с.
- 302.Рябова Т. В. Проза Леонида Бородин 1970-х – начала 90-х годов: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.02. Рос. гос. пед. ун-т. – СПб., 1996. – 20с.
- 303.Серова А.А. Новый реализм как художественное течение в русской литературе XXI: автореферат дис... кандидата филологических наук : 10.01.01. – Нижний Новгород, 2015. –21с.
- 304.Тарасова Е. А. Российские конституционные кризисы 1992 - 1993 гг. : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Санкт-Петербург, 2004. – 232 с.
- 305.Трубина Л.А. Творчество Саввы Дангулова: становление политического романа: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.02. – Москва, 1983. – 220 с.
- 306.Трубина Л.А. Историческое сознание в русской литературе первой трети XX века: Типология, поэтика: диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.01. – Москва, 1999. – 328 с.
- 307.Федченко Н. Л. Тенденции жанрово-стилевого развития повести 90-х годов: В. Крупин, Л. Бородин, В. Нарбикова: дис. ... кандидат филологических наук: 10.01.01. — Армавир, 1999. –218 с.
- 308.Федченко Н. Л. Тенденции жанрово-стилевого развития повести 90-х годов: В. Крупин, Л. Бородин, В. Нарбикова: автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.01.01. – Армавир, 2000. – 19 с.
- 309.Чаплыгина Е. О. Творчество В.И. Дёгтева: проблема героя, авторская философия, жанровое своеобразие: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01 / Место защиты: Казан. (Приволж.) федер. ун-т. – Владивосток, 2014. – 20 с.

- 310.Штин К. Н. Конституционно-политический кризис в России: 1990-1993 гг.: дисс ... кандидата исторических наук: 07.00.02. – Москва, 2006. – 188 с.
- 311.Щипков А. В. Либерализм и социал-консерватизм в современном идеологическом дискурсе: дис. ... доктора политических наук: 23.00.03. – М., 2016. – 418 с.

Словари и справочная литература

- 312.Библейская энциклопедия. // Труд и издание Архимандрита Никифора. – М.: Терра, 1990. – 902 с.
- 313.Буквенный знак – К. [Электронный ресурс] // URL: <http://astrooracle.ru/index.php?page=znakiisimvoli/k/k> (дата обращения: 11.01.2019).
- 314.Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс] // URL: <https://gufo.me/dict/bes?letter=%D1%80> (дата обращения: 11.12.2019).
- 315.Большой словарь иностранных слов [Электронный ресурс] // URL: https://gufo.me/dict/foreign_words (дата обращения: 11.01.2019).
- 316.Краткий политический словарь. – М.: Политиздат, 1978. – 415 с.
- 317.Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов.энцикл., 1990. – 682 с.
- 318.Литературный Энциклопедический словарь. // Под общ. Ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1987. – 752 с.
- 319.Политология: Энциклопедический словарь. // Под общ. Ред. Ю.И. Аверьянова. – М.: Изд-во Моск. Коммерч. Ун-та, 1993. – 431 с.
- 320.Ринекер Ф., Майер Г. Библейская Энциклопедия Брокгауза. – Paderborn: Christliche Verlagsbuchhandlung Paderborn, 1994. – 1120 с.
- 321.Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. // Под. Ред. И.П. Ильина, Е.А. Цургановой. – М.: Интрада-ИНИОН, 1999. – 320 с.

322. Танатос – бог смерти в мифологии [Электронный ресурс] // URL: <https://womanadvice.ru/tanatos-bog-smerti-v-mifologii> (дата обращения: 30.08.2019).
323. Толковый словарь Ожегова онлайн [Электронный ресурс] // URL: <https://ilibrary.ru/text/11/p.276/index.html> (дата обращения: 10.12.19).
324. Философия. Энциклопедический словарь / Под ред. доктора философских наук А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.
325. Философия. Энциклопедический словарь / Под ред. доктора философских наук А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.
326. Философский энциклопедический словарь. // Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.
327. Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве. – М.: Крон-пресс, 1996. – 656 с.
328. Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов. – М.: ООО Издательство АСТ, 2003. – 591 с.